

**ВМЕСАТЕЛЬНОСТЬ
И ПРИЗНАНИЕ
В МЕЖДУНАРОДНОМ
ПРАВЕ**

37-C-127

М. А. ЦИММЕРМАН

ТРУДЫ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Босфор и Дарданеллы 2-ое изд. Юридического Книжн. Магазина
Мартынова. Петроград. 1915, стр. 67.

Очерки нового международного права. Мирные договоры. Лига
Наций. Постоянная Палата Международного Суда. Изд.
«Пламя». Прага. 2-ое изд. 1924, стр. 328.

История международного права с древнейших времен до 1918.
Издание Типографии Русского Юридического Факультета в
Праге. 1924, стр. 382 (в продажу не поступало).

Материальное международное право. Выпуски I—II. Издание
Типографии Русского Юридического Факультета в Праге.
Прага. 1925, стр. 305 (в продажу не поступало).

В печати:

Гарантии безопасности в международном праве.

Готовятся к печати:

*L'idée de la paix et de l'organisation internationale dans l'histoire
des peuples slaves.*

Traité de paix de Saint-Germain en Laye (10 septembre 1919).

Le Droit International de l'Ancien Orient.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО
И ПРИЗНАНИЕ
В МЕЖДУНАРОДНОМ
ПРАВЕ

10.130-III.

П Р А Г А

1252/3

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	
Указатель литературы	11

ВВЕДЕНИЕ

Отдел I

Глава I. § 1. Координационный и индивидуалистический характер международного права. § 2. Значение генетического метода в научении международного права. § 3. Религиозный момент в развитии международного права	27
---	----

ВМЕШАТЕЛЬСТВО В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Отдел II

Учение о вмешательстве в доктрине международного права

Глава II. <i>Естественно-правовая доктрина о вмешательстве</i> . § 4. Средневековая доктрина. § 5. Учение <i>Виктории</i> о международном правопорядке. § 6. Теория вмешательства у <i>Г. Гроция</i> § 7. Вмешательство в учении <i>Ваттеля</i>	55
Глава III. <i>Теория вмешательства у позитивной школы</i> . § 8. Отсутствие систематического единства в позитивном учении о вмешательстве. § 9. Авторитарный характер вмешательства. § 10. Вмешательство и принуждение. § 11. Нормативная основа вмешательства. § 12. Объект вмешательства. § 13. Вмешательство и международно-правовой деликт. § 14. Вмешательство и самопомощь. § 15. Вмешательство и состояние крайней нужды. § 16. Заключительные выводы	69
Глава IV. <i>Правно-политическая теория вмешательства</i> . § 17. Теория <i>intervention de l'humanité</i> . § 18. Учение <i>Savaglieri</i> . § 19. Вмешательство в Соглашении о Лиге Наций	78

Отдел III

Исторические прецеденты вмешательства

Глава V. <i>Французская революция и вмешательство</i> . § 20. Революционное учение об основных правах народов и о принципе не-вмешательства. § 21. Революционное вмешательство и его оправдание. § 22. Вырождение революционного вмешательства	88
Глава VI. <i>Священный Союз и вмешательство</i> . § 23. Первоначальная идея Священного Союза. § 24. Практика вмешательства Союза и попытки ее оправдания. § 25. Правовая идея Священного Союза и его разложение	97
Глава VII. <i>Доктрина Монро и вмешательство</i> . § 26. Различные формы вмешательства в доктрине <i>Монро</i> . § 27. Запрещение колонизации Америки европейцами. § 28. Принцип морального протектората Соединенных Штатов над Новым Светом. § 29. Идея универсального значения демократических принципов государственного устройства	106
Глава VIII. <i>Национальная революция и вмешательство</i> . § 30. Вмешательство трех великих держав в борьбу Греции за независимость. § 31. Вмешательство великих держав в бельгийское восстание. § 32. Попытка вмешательства европейских государств в польское восстание в 1863 г.	116
Глава IX. <i>Вмешательство в эпоху мировой войны</i> . § 33. Свообразие вмешательства Соед. Штатов Северной Америки. § 34. Вмешательство Соед. Штатов Сев. Америки во внутри-государственные отношения Германии	125

Глава X. <i>Правно-политическое учение о вмешательстве.</i> § 35. Формальная сторона вмешательства. § 36. Материальное обоснование вмешательства. § 37. Персональный момент во вмешательстве (учение о дестинаторах вмешательства).....	131
---	-----

ПРИЗНАНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Отдел IV

Учение о признании в международно-правовой доктрине

Глава XI. <i>Признание в теории естественно-правовой школы.</i> § 38. Общие предпосылки естественно-правового учения и их критический разбор. § 39. Попытка частичных поправок и дополнений к теории <i>Calvo, Pradier-Fodéré</i> и <i>Bonfils</i> . § 40. Критика традиционного учения у <i>Lorimer</i>	141
Глава XII. <i>Признание в учении позитивной школы.</i> § 41. Учение о предпосылках признания. § 42. Теория «международного общения» и связь ее с учением о признании. § 43. Конститутивный характер признания в учении позитивной школы.....	150
Глава XIII. <i>Юридическая структура признания.</i> § 44. Обычно-нормативная основа признания. § 45. Признание в международной практике. § 46. Юридический характер признания. § 47. Субъекты признания. § 48. Объект признания. § 49. Дестинаторы признания.	161

Отдел V

Признание и его виды в действующем праве

Глава XIV. <i>Признание государства субъектами международного права.</i> § 50. Признание государств, как субъектов права и учение об их «основных» правах. § 51. Признание правоспособности государств и начало их дееспособности. § 52. Единство признания. § 53. Конститутивный характер признания.....	177
Глава XV. <i>Формы и виды признания в действующем праве.</i> § 54. Формы признания: индивидуальные и коллективные. § 55. Виды признания: Признание через отправление ноты. § 56. Признание через обмен дипломатическими агентами. § 57. Признание через выдачу « <i>exequatur</i> ». § 58. Признание через назначение полномочных лиц для заключения договора. § 59. Критика теории осуществления признания через совершение конклюдентных действий.....	188
Глава XVI. <i>Признание восставших, воюющих и наций субъектами международного права.</i> § 60. Гражданская война и международное право. § 61. Признание восставших. § 62. Признание воюющих. § 63. Признание наций.....	196
Глава XVII. <i>Признание правительства в международном праве.</i> § 64. Признание правительства в современной международно-правовой доктрине. § 65. Правовой характер и правовое значение признания правительств. § 66. Правовые внутри-государственные предпосылки признания правительств. § 67. Условное признание правительств. § 68. Признание правительств <i>de facto</i> и <i>de jure</i> . § 69. Формы признания. § 70. Правовые последствия признания.....	213

Отдел VI

Глава XVIII. <i>Правно-политическое значение признания правительств в международном праве.</i> § 71. Признание правительств и идея поддержания общего мира. Права личности и признание правительств. § 72. Синтез вмешательства и признания.....	236
--	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

События в России с 1914 по 1920 г. оторвали меня от научной работы, начатой мною при Петроградском Университете еще в 1911 г. — Только братская помощь Чехословацкого народа вернула меня — как и многих других русских ученых молодого поколения — к моему любимому труду. Здесь в гостеприимной Праге имею я возможность печатать свою вторую работу. Появление в свет настоящей книги могло осуществиться только благодаря чрезвычайно отзывчивому и доброжелательному отношению полномочного министра др. В. И. Гирсы, консула др. З. И. Завазала и правления издательства «Пламя» в лице проф. Е. А. Ляцкого, консула И. В. Гайного, директора Ф. В. Рижтера и Ф. С. Мансветова. Приношу им глубокую и искреннюю благодарность. Книга моя — один из результатов моих работ за последние три года в Праге, Париже и Берлине. Затруднения материального характера не позволили мне использовать в той степени английские и американские источники, как этого я сам желал, но мне кажется, что вопросы, мною затронутые, настолько научно интересны, что могут оправдать появление моего труда и в его настоящем виде.

М. ЦИММЕРМАН

Прага 21 июля 1925 г.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

I. МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

- Александренко*. Север. Америк. Соед. Штаты и международное право. Учение Монрое 1903.
- Alvarez A.* The Monroe Doctrine: its importance in the international life of the states of the new world. New York. 1924.
- Angell J. B.* The European Concert and the Monroe Doctrin. 1905.
- Аноним*. An appeal, on behalf of the British subjects residing in and connected with the river Plate, against any further violent inter-ventions by the British and French Governments in the affairs of that Country. London. 1846.
- Intervention anglo-française dans le Rio de la Plata. Paris. 1847.
- Intervention: A Duty or a crime. London. 1864.
- (Decimus.) Intervention and its fruits; a letter to her Majesty's Secr. of State for Foreign Affairs. London. 1841.
- Intervention française dans les affaires d'Italie en 1859. Paris. 1859.
- Intervention. Non-intervention — theory and practice. Times. May. 1919.
- Le principe de non-intervention. Paris. 1860.
- Les trois interventions européennes au Maroc en 1911. Rev. des sciences polit. 1911.
- The revolution in Portugal. Recognition of new governments. Americ. Journal of intern. law. V. 1912.
- Traité sur le droit d'intervention. Paris. 1823.
- Arangua C. J.* La Intervencio; doctrinas de Monroe, Drago y Tobar. Santiago de Chile. 1924.
- Arntz E.* Lettre sur le droit d'intervention. Rev. de droit intern. VIII. 1875.
- Du différend né entre la Grèce et la Turquie par suite du traité de Berlin du 13 juillet 1878. Rev. de droit intern. XIII. 1881.
- Anzilotti D.* La formazione del regno d'Italia nei riguardi del diritto internazionale. Riv. di diritto internaz. I. 2º. 1912.
- Barcklay*. La doctrine de Monroe et le Vénézuéla. Rev. de droit intern. 1896.
- Barillon*. Politique de la France et de l'humanité dans le conflit américain. 1861.
- Bartholet*. Le droit d'intervention. 1873.
- Becherowsky*. L'intervention et la péninsule balkanique. 1892.
- Becker*. De los derechos de las naciones y del principio de intervencio. 1895.
- Béclard*. La question d'Orient depuis ses origines. Rev. polit. et parlementaire. XX. 1899.
- Bemis*. Pamphlets on the recognition of rebell belligerency. 1866.
- Benton E. J.* International Law and diplomacy of the spanish-american war. 1908.

Berdhal. The power of recognition. *Americ. Journ. of intern. law.* XIV. 1920.

Bernard Monntague. On the principle of non-intervention. 1860.

Berner. Intervention. *Deutsches Staats-Wörterbuch.* V. 1860.

Berra F. A. Teorici de las intervenciones. *Neuv. Revista de Buenos Ayres.* Vol. V.

Bignon L. P. E. Les cabinets et les peuples depuis 1815 jusqu' à la fin de 1822. 1823.

— Du congrès de Troppau, ou examen des prétentions des monarchies absolues à l'égard de la monarchie constitutionnelle de Naples. 1821.

Birkbeck W. The principle of Non-Intervention (без даты).

Block. Reconnaissance internationale. *Dictionn. général de la politique.* t. II. 1874.

Bluntschli. Opinion impartiale sur la question d'Alabama. *Rev. de droit intern.* II. 1870.

Bourgeois J. Le principe de non-intervention, à propos d'un livre récent. *Rev. génér. de droit international.* VI. 1897.

Brewster B. H. Paper furnished by the Attorney General in 1883 upon the subject of intervention. 1884.

Bringloff. Völkerrechtliche Verträge als Quelle von Intervention bei internationalen Verwickelungen. 1899.

Brocher de la Fléchère. Solidarité et Souveraineté. *Rev. de droit intern.* XXVI. 1894.

Caillaud de. Histoire de l'intervention française au Tonkin de 1872 à 1880. 1894.

Callahan J. M. Cuba and international relations. 1899.

Calvo Ch. Annales historiques de la révolution de l'Amérique Latine accompagnées de documents à l'appui. I—V. 1864—1867.

— Intervention. *Dictionnaire de droit international public.* I. 1885.

Carnazza-Amari G. Nouvel exposé du principe de non-intervention. *Rev. de droit intern.* V. 1873.

— Nuova esposizione de principio del non-intervento. 1873.

Cass L. Non-intervention. 1852.

Cavaglieri A. L'Intervento nella sua definizione giuridica. 1913.

Cimbali E. Il non-intervento, studio di diritto internazionale universale. 1889.

Chadwick. The relations of the United States and Spanish diplomacy (chapt. VIII: The recognition of South America Independence). 1909.

Courotte M. La intervención de Espana en la independencia de los Estados Unidos de la America del Norte. 1920.

Cox I. J. American intervention in Florida. *Americ. Historic. Reviews.* 1912.

— The Mexican problem: self help or intervention. *Politic. Science Quarterly.* XXVI. 1921.

Cresson. The Holy Alliance. The European Background of the Monroe Doctrine. 1922.

Curti Th. Autonomie und Intervention. 1876.

Delarue de Beaumarchais. La doctrine de Monroe. 1898.

Desjardins. La doctrine de Monroe. *Rev. génér. de droit intern.* III. 1896.

Despagnet. Les difficultés internationales venant de la Constitution de certains pays. *Rev. génér. de droit intern. public.* 1895.

Dickinson E. D. International Recognition and the national courts. *Michigan Law Review.* XVIII. 1920. 531 u. g.

— Les gouvernements non Etats no reconnus en droit anglais et américain. *Revue de droit intern.* 3°. IV. 1923, 175 u. d.

Doane G. V. Influence, without intervention; the duty of our nation to the world. 1852.

Dunning. Die neuesten Anwendungen der Monroe doktrin. 1908.

Duvernois. L'intervention française au Mexique. 1868.

Edington. The Monroe doctrine. 1905.

Elmore A. Ensayo sobre la doctrina de la intervencion internacional 1896.

Engelhardt E. Le droit d'intervention et la Turquie. *Rev. de droit intern.* XII. 1880.

Esquerra. La doctrina de Monroe. 1896.

Esmein. La théorie de l'intervention internationale chez quelques publicistes français du XVI-me siècle. *Nouvelle revue historique de droit français et étranger.* XXIV. 1900.

Falck H. E. Diplomatic relations preceding the war of 1898. *J. Hopkins University Studies in History and Political Science Series XXIV.* 1906.

Fedozzi P. Saggio sul intervento. *Archivo giuridico LXII.* 1899. (нов. cep. т. III.)

Féraud-Giraud. De la neutralité dans les guerres entre Etats, les guerres civiles et les différends entre Etats protecteurs et protégés. *Revue génér. de droit intern. public.* 1895.

— De la reconnaissance de la qualité de belligérants dans les guerres civiles. *Rev. génér. de droit intern. public.* 1896.

— Causerie sur une question de neutralité. *Journal de droit intern. privé (Clunet).* 1900.

Fiévée J. De l'Espagne et des conséquences de l'intervention armée. 1823.

Finch. The recognition of the de facto government in Mexico. *Americ. Journ. of intern. law.* X. 1916.

Flockher A. de. Les conséquences de l'intervention. *Rev. génér. de droit intern.* III. 1896.

— De l'intervention en droit international. 1896.

Foelix. Intervention d'un Etat dans les affaires intérieures d'un autre. *Revue de droit français et étranger.* IV. 1837.

Frankfurter F. Haiti and intervention. *The New York Republic.* 15—XII.—1920.

Gaudu. Essai sur la légitimité des gouvernements dans les rapports avec les gouvernements de fait. 1913.

Geffcken F. H. Das Recht der Intervention. 1887 (u. Intervention в Holtzendorff's Handbuch des Völkerrechts bd. IV. 1889.)
 — Incidents de droit international dans la guerre civile du Chili. Revue de droit intern. 1891.
Gericke J. L. H. A. De iure interventionis ante rerum conversionem in Gallia usurpato. 1834.
Gibbs. Recognition. 1863.
Goebel. The recognition policy of the United States. 1915.
Goncalves. Portugal. Jahrbuch des Völkerrechtes. I. 1913.
Gover J. Notes of intervention. Law Magazine and Review. XX. 1894—1895.
Грабарь. Вмешательство. Юридический Словарь. т. I. 1905.
Griffen. List of references of recognition. 1904.
Hall. The Monroe Doctrine and the great war. 1920.
Harcourt W. G. G. (Historicus). Letters on some questions of International Law. 1863.
Harris N. D. Intervention and Colonization in Africa. 1914.
Hart. The Monroe Doctrine. 1916.
Hautefeuille L. B. Le principe de non-intervention et ses applications. 1863.
Heiberg. Das Princip der Nicht-Intervention in seiner Beziehung auf die äussere und innere Organisation des Staates. 1842.
Held J. Intervention. Staatslexicon von Rotteck und Welcker. VIII. 1863.
Heller K. Die Frage der Zulässigkeit der völkerrechtlichen Intervention. 1915.
Hengster L. T. The principle of intervention. University of California Chronicle Berkeley. 1898.
Hermant J. La révolution hongroise de 1848, les nationalités, leurs luttes et leurs revendications, l'intervention polonaise et l'intervention russe. 1902.
Hershey A. S. Intervention and the recognition of Cuban independence. The Annals of the Americ. Academy of Political and Social Science. 1898.
 — Incursions into Mexico and the doctrine of hot pursuit. Americ. Journ. of intern. law. XIII. 1919.
 — Notes on the recognition of de facto governments by european States Americ. Journ. of intern. law. XIV. 1920.
 — Recognition of new governments. Americ. Journ. of intern. law. XV. 1921.
Hervé F. E. Intervention. Dictionnaire général de la politique. II. 1874.
Higgins P. A. The Monroe doctrine. The British Year Book of Intern. Law. 1924.
Hobart V. H. H. Political essays. 1866.
Hodges H. G. The doctrine of intervention. 1915.
Hyde C. C. Intervention in theory and in practice. Illinois Law Review. VI. 1911.
Jankoff. Die europäische Intervention in Mexico. 1890.

Капаровский Л. гр. Начало невмешательства. 1874.
Kamptz Kv. Völkerrechtliche Erörterung des Recht der Europäischen Mächte in die Verfassung eines einzelnen Staates sich zu mischen. 1821.
Капустин М. Н. Международное вмешательство. Сборник Госуд. Знаний. II. 1875.
Kasperek. Zasady Hugona Grociyusza o prawje interwencyi. 1872.
Kebedgy. De l'Intervention. Théorie générale et étude spéciale de la question d'Orient. 1890.
Kraus H. Die Monroedoctrin in ihren Beziehungen zur amerikanischen Diplomatie und zum Völkerrecht. 1913.
Krug W. J. Dikäopolitik oder neue Restauration der Staatswissenschaft mittels des Rechtsgesetzes. 1824.
Kunz. Entstehung von Neustaaten und der Neustaaten nach dem Weltkriege. Wörterbuch des Völkerrechts I. 1924.
 — Staatsgewalt de facto. Wörterbuch des Völkerechts. II. 1925.
Larnaude. Les gouvernements de fait. Rev. génér. de droit intern. p. III. 2°. 1921.
Latané J. H. The diplomatic relations of the United States and Spanish America. 1900.
 — Intervention of the United States in Cuba. North Americ. Review. March 1898.
Lawson. The Monroe Doctrine. 1923.
Le Fur L. Etude sur la guerre hispano-américaine de 1898 envisagée au point de vue de droit international public. 1899.
Lemonnier. Le droit international dans les affaires d'Espagne 1822—1824. 1898.
Le Normand. La reconnaissance internationale et ses diverses applications. 1899.
Leser A. Vermittlung und Intervention als völkerrechtliche Mittel zur Vermeidung eines Krieges. 1917.
Lingelbach W. E. The doctrine and practice of intervention in Europe. The Annals of the Americ. Academy of Politic. and Social Science. XVI. 1900.
Mac Farland. The right of the United States to intervene in Cuba. Albany Law Journal, april. 1898.
Mac-Nair. Judicial Recognition of States and Governments . . . British Year Book of Intern. Law. 1921—1922. 57—74.
Mandelstam A. Le sort de l'empire ottoman. 1917.
Marckart J. G. De jure atque obligatione gentium succurendi injuste oppressis. 1748.
Mariotti. Della guerra e del principio d'intervento.
Martin C. E. The policy of the United States as regards intervention. 1921.
Martinet A. La seconde intervention française et le siège d'Anvers 1832. 1908.
Mérignhac. La doctrine de Monroe à la fin du XIXe siècle. Revue de droit public. 1896.

Mill J. S. A few words on non-intervention (Dissertations and Discussions, III). 1868.

Millet R. Les nations chrétiennes et la question d'Orient. Rev. des Deux Mondes. 1890.

de Monicault. La question d'Orient, le traité de Paris et ses suites (1856—1871). 1898.

de Morillon C. Du principe d'intervention en droit international public et des modifications qu'il a subies au cours de l'histoire. 1904.

Moulin. La valeur originaire de la doctrine de Monroe et ses rapports avec le principe des nationalités. 1904.

Nys E. La doctrine de la reconnaissance des Etats. Rev. de droit intern. V. 2°. 1902.

— Le concert européen et la notion du droit international. Rev. de droit intern. I. 2°. 1898.

Oliva G. Del diritto d'intervento. 1881.

de Olivart. Del reconciamiento de beligerencia y sus efectos inmediatos. 1895.

— Le différend entre l'Espagne et les Etats Unis au sujet de la question cubaine. Revue génér. de droit intern. public. 1897, 1898, 1900.

Olivi L. La question sul diritto d'intervento. Archivio Giuridico. XXIV. 1880.

Paxson F. L. The Independence on the South American Republics, a study in recognition and foreign policy. 1903.

Payn F. W. Cromwell on Foreign Affairs. 1901.

Phelps E. J. Letter on Cuban intervention New York Herald, march 9. 1898.

Podesta Costa. Règles à suivre pour la reconnaissance d'un gouvernement de facto par les Etats étrangers. Rev. génér. de droit intern. p. IV. 2°. 1922.

Pourcher C. Essai d'étude du droit d'Intervention en Turquie appliqué au problème balkanique. 1904.

Pradt D. G. F. de. Le vrai système de l'Europe relativement à l'Amérique et à la Grèce. 1826.

— L'Europe après le congrès d'Aix la Chapelle. 1820.

— De la Grèce dans ses rapports avec l'Europe. 1822.

Quaglia. Alcune considerazioni sul riconoscimento degli Stati. Riv. di diritto intern. III. 1908.

Rather E. Z. Recognition of the Republic of Texas by the United States. 1911.

Rauschenberger. Die staatsrechtliche Bedeutung von Staatsstreich und Revolution. Zeitschrift für öffentliches Recht. II. 1921.

Reynolds. Intervention. 1898.

Romano. La instaurazione di fatto di un ordinamento costituzionale e la sua legittimazione. Archivio Giuridico. LXVIII. 1902.

— I caratteri giuridici della formazione del regno d'Italia. Riv. di diritto internaz. I. 2°. 1912.

Rolin-Jaquemyns. Chronique du droit international (Affaire d'Alabama. — Reconnaissance de souveraineté). Revue de droit intern. 1869.

— Chronique du droit international, fragment relatif à deux questions américaines. Revue de droit intern. 1870.

— Faits récents relatifs au principe de non-intervention et de neutralité. Revue de droit intern. 1870.

— Neutralité de la Grande Bretagne pendant la guerre civile Américaine. Revue de droit intern. 1871.

— Le droit international et la phase actuelle de la question d'Orient. Revue de droit intern. 1876.

— Note sur la théorie du droit d'intervention. Rev. de droit intern. VIII. 1876 (673).

— La question d'Orient en 1885—1886. Rev. de droit intern. XVIII. 1886.

Rossi P. Intervention. Archives de droit et de législation. I. 1837.

Rotteck H. v. Das Recht der Einmischung in die inneren Angelegenheiten eines fremden Staates vom vernunftrechtlichen, historischen und politischen Standpunkte erörtert. 1845.

Rotteck K. v. Intervention. Staatslexicon. VII. 1842.

Rougier A. Les guerres civiles et le droit des gens. 1903.

— L'intervention de l'Europe dans la question de Macédoine. Rev. génér. de droit intern. p. XIII. 1906.

— La théorie de l'intervention de l'humanité. Rev. génér. de droit intern. p. XVII. 1910.

— Maroc: la question de l'abolition des supplices et l'intervention européenne. Rev. génér. de droit intern. p. XIX. 1910.

Russel J. Public address discussing policy of government relative to intervention, Times 28. sept. 1863.

Sadoul. De la guerre civile en droit des gens. Reconnaissance de belligérance. 1905.

Sander. Das Faktum der Revolution und die Kontinuität der Rechtsordnung. Zeitschrift für öffentliches Recht. I. 1919.

Schönborn. Die Besetzung von Veracruz. 1914.

Schubert. Über die Lehre der politischen Intervention. 1831.

Sela. La belligerancia e la guerra civil. La Administracion. 1895.

Serna de la. La belligerancia. Rev. juridic. de Ultramar. 1896.

Silbey. The right of Intervention and the Monroe doctrine. The Law Times 4-I-1896.

hn. Intervention. Staatslexicon. 1911.

Hä. On the recognition of the Southern Confederation. 1862.

Halle. Palmerston and Hungarian Revolution. 1919.

Hartman. L'histoire des Israélites roumains et le droit d'intervention. mit Ru gebund de. Intervention and Non-Intervention, or the Foreign

Hatschek. Völker Britain from 1790 to 1865. 1866.

Stefanesco. ivile et les rapports des belligérants. 1903.

Stowell. Inters europäisch ternational Law. 1920.

Strauch. Interven. 1888 (uzischli's) Staatswörterbuch. II. 1871.

— Zur Intervention. des völkerrechtliche Studie. 1879.

Strezoff G. L'intervention. 19. Aninsule balkanique. 1893.

- Strisower*. Intervention. Wörterbuch des Völkerrechts. I. 1924.
Strupp. Bürgerkrieg. Wörterbuch des Völkerrechts. I. 1924.
Tanoviccano J. De l'intervention au point de vue de droit international. 1884.
Thomas. One Hundred Years of the Monroe Doctrine. 1923.
Triepel. Das Interregnum. 1892.
Verdross. Anerkennung von Staaten. Wörterbuch des Völkerrechts. I. 1924.
Vidari E. Del principio di intervento e di non-intervento. 1868.
Vié L. Des principales applications du droit d'intervention des puissances européennes dans les affaires des Balkans depuis le traité de Berlin jusqu'à nos jours. 1900.
Vissher Ch. de. Les gouvernements étrangers en justice: reconnaissance internationale et immunités. Revue de Droit International 3°. III. 1922, 149 и д., 300 и д.
Wächter v. Die völkerrechtliche Intervention als Mittel von Selbsthilfe. 1911.
Wang. China. Jahrbuch des Völkerrechts. I. 1913.
Wharton F. De l'assistance prêtée à une insurrection étrangère. Journ. de droit intern. privé (Clunet). X. 1883.
Wheeler. Governments de facto. Americ. Journ. of intern. law. VI. 1912.
Wiessé. Le droit international appliqué aux guerres civiles. 1898.
Winfield. The grounds of intervention in international law. The British Year Book of International Law. 1924.

II. УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ И ТРУДЫ ОБЩЕГО СОДЕРЖАНИЯ

- Alcorta*. Cours de droit international public. 1887.
Alvarez. La codification du droit international. 1912.
 — Le droit international américain. 1910.
 — Le droit international de l'avenir. 1916.
Amos Sheldon. Lectures on international law. 1874.
Anzilotti. Corso di diritto internazionale v. I. 1923.
 — Il diritto internazionale nei giudizi interni. 1905.
 — Teoria generale della responsabilità dello Stato nel diritto internazionale. 1902.
Arntz. Programme d'un cours du droit des gens. 1882.
Bärenbach. Das Problem des Völkerrechts gemäss der Ethik und Rechtsphilosophie Kant's. 1883.
Bergbohm. Staatsverträge und Gesetze als Quellen des Völkerrechts. 1877.
Binding. Zum Werden und Leben der Staaten. 1920.
Bluntschli. Das moderne Völkerrecht der zivilisierten Völker. 1878.
Bonfils-Fauchille. Manuel de droit international public. 1913.
Bry. Précis élémentaire de droit international public. 1906.
Bulmerincq. Das Völkerrecht oder das internationale Recht. 1884.
Calvo. Le droit international théorique et pratique. I.—VI. 1896 и д.

- Carnazza-Amari*. Traité de droit international public en temps de paix. I.—II. 1882 ud.
Catellani. Lezioni di diritto internazionale pubblico e privato. 1922.
Cavaglieri. La consuetudine giuridica internazionale. 1907.
 — Concetto e caratteri del diritto internazionale generale. Rivista di diritto internazionale. XIV. 1921—1922.
Cathrein. Grundlagen des Völkerrechts. 1918.
Cavaretta. Diritto interstatuale vol. I. 1914.
Chrétien. Principes de droit international public. 1893.
Davis. The elements of international law. 1916.
Despagnet. Cours de droit international public. 1910 (изд. de Boeck).
Diena. Diritto internazionale pubblico. 1908.
Dupuis. Le principe de l'équilibre et le concert Européen de la paix de Westphalie à l'acte d'Algésiras. 1909.
 — Le droit des gens et rapports des grandes puissances avec les autres Etats avant le pacte de la Société des Nations. 1920.
Eltzbacher. Totes und lebendes Völkerrecht. 1916.
Fauchille. Le droit international public. v. I. 1922 (переработ. изд. Manuel Bonfils).
Fiore. Il diritto internazionale codificato e la sua sanzione giuridica. 1915.
 — Trattato di diritto internazionale pubblico. 1904—1916.
Foignet. Manuel élémentaire de droit international public. 1923.
Foulke. A treatise on international law. I.—II. 1920.
Fricker. Das Problem des Völkerrechts. Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft bd. XXVIII. 1872.
 — Nochmal das Problem des Völkerrechts. Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft. 1878.
Friedrich. Grundzüge des Völkerrechts. 1915.
Funck-Brentano et Sorel. Droit des gens. 1877.
Gareis. Institutionen des Völkerrechts. 1901.
Gemma. Appunti di diritto internazionale. 1922.
 — Introduzione allo studio del diritto internazionale. 1902.
Gomperz. Die Idee der überstaatlichen Rechtsordnung. 1920.
Grosch. Der Zwang im Völkerrecht mit besonderen Berücksichtigung des völkerrechtlichen Vertragsrechts. 1912.
Hall. A treatise of international law. 1917 (изд. Higgins).
Halleck. International Law. 1908 (изд. Baker).
Hartmann. Institutionen des praktischen Völkerrechts in Friedenszeiten mit Rücksicht auf die Verfassung, die Verträge und die Gesetzgebung des Deutschen Reiches. 1878.
Hatschek. Völkerrecht als System rechtlich bedeutsamer Staatsakte. 1923.
Heffter. Das europäische Völkerrecht der Gegenwart auf den bisherigen Grundlagen. 1888 (изд. Geffcken).
Heilborn. Grundbegriffe des Völkerrechts. (Stier Somlo's Handbuch des Völkerrechts I., 1). 1912.

- Das System des Völkerrechts entwickelt aus den völkerrechtlichen Begriffen. 1896.
- Völkerrecht (Holtzendorff-Kohler's Rechtsencyklopädie). 1914.
- Hershey*. The Essentials of International Public Law. 1914.
- Hobza*. Právo mezinárodní. 1923.
- Holland*. Studies in International Law. 1898.
- The Elements of Jurisprudence. 1908.
- v. Holtzendorff*. Eléments de droit international public. 1891.
- Handbuch des Völkerrechts (in Einzelbeträgen). I.—IV. 1885—1889.
- Huber*. Beiträge zur Kenntniss der soziologischen Grundlagen des Völkerrechts. Jahrbuch des öffentlichen Rechts, bd. IV. 1910.
- Das gemeine Völkerrecht und die Staatengesellschaft. Scritti in memoria di A. Maiorana. 1914.
- Die soziologischen Grundlagen des Völkerrechts. Archiv für Rechts und Wirtschaftsphilosophie. bd. IV. 1911.
- Gemeinschafts und Sonderrecht unter Staaten. Festschrift für Gierke. 1911.
- Internoscia*. New code of international law. 1910.
- Jellinek*. Das Recht des modernen Staates. Allgemeine Staatslehre. 1905.
- Die Lehre von den Staatenverbindungen. 1882.
- Die rechtliche Natur der Staatenverträge. 1880.
- System der subjektiven öffentlichen Rechte. 1902.
- Die sozial-ethische Bedeutung von Recht, Unrecht und Strafe. 1878.
- v. Kaltenborn*. Kritik des Völkerrechts. 1847.
- Kaufmann W.* Die Rechtskraft des internationalen Rechts und das Verhältniss der Staatsgesetzgebungen und der Staatsorgane zu demselben. 1899.
- Kelsen*. Das Problem der Souveränität und die Theorie des Völkerrechts. 1920.
- Staat und Völkerrecht. Zeitschrift für öffentliches Recht. 1924.
- Kohler*. Grundlagen des Völkerrechts. 1918.
- Lammasch*. Das Völkerrecht nach dem Kriege. 1917.
- Kulturgemeinschaft, Weltwirtschaft und Völkerrecht. Europäische Staats- und Wirtschaftszeitung. 1916.
- Lasson*. Prinzip und Zukunft des Völkerrechts. 1871.
- Lawrence*. A Handbook of public international law. 1920.
- The principles of international law. 1915.
- Les principes de droit international. 1920.
- Le Fur*. Philosophie du droit international. 1922.
- Leseur*. Introduction à un cours de droit international public. 1893.
- Ljfschütz*. Fragen zum Völkerrecht. Archiv des öffentlichen Rechts. bd. XXXIV. 1915.
- v. Liszt*. Das Völkerrecht systematisch dargestellt. 1921.
- Völkerrecht (Birkmeyer's Encyklopädie des Rechtswissenschaft) 1904.
- Lorimer*. The Institutes of the Law of Nations. I.—II. 1883—1884.
- Principes de droit international, traduit par *Nys*. 1885.
- de Louter*. Le droit international public positif. I.—II. 1920.
- Ф. Мартенс*. Международное право т. I.—II. 1898—1900.

- v. Martitz*. Völkerrecht. Kultur der Gegenwart. Systematische Rechtswissenschaft. 1913.
- Mérignhac*. Traité de droit public international. vol. I—III. 1905—1912.
- Moye*. Le droit des gens moderne. 1920.
- L. Nelson*. Die Rechtswissenschaft ohne Recht. 1917.
- Nippold*. Die Gestaltung des Völkerrechts nach dem Weltkriege. 1917.
- Nys*. Le droit international, les principes, les théories, les faits. I.—III. 1912.
- Oppenheim*. International Law. A treatise. I.—II. 1920—1921.
- Phillimore*. Commentaries upon international law. I.—IV. 1879—1889.
- Piédelièvre*. Précis de droit international public ou droit des gens. 1894.
- Pradier-Fodéré*. Traité de droit international public européen et américain. I.—VIII. 1884—1906.
- Redslob*. Histoire des grands principes du droit des gens. 1923.
- Das Problem des Völkerrechts. 1917.
- Rivier*. Principes du droit des gens. I.—II. 1896.
- Lehrbuch des Völkerrechts. 1899.
- Salvioli*. Studi sui caratteri dell' ordinamento giuridico internazionale. Rivista di diritto intern. XIV. 1921—1922.
- Schücking*. Die Organisation der Welt. 1908.
- Der Staatenverband der Haager Konferenzen. 1912.
- Die völkerrechtliche Lehre des Weltkrieges. 1918.
- Ein neues Zeitalter? 1919.
- (und *Wehberg*). Die Satzung des Völkerbundes. 1921.
- Stier Somlo's*. Handbuch des Völkerrechts (в виде серии монографических исследований с 1911 г.).
- Strisower*. Krieg und die Rechtsordnung. 1917.
- Strupp*. Grundzüge des Völkerrechts. 1922.
- Das völkerrechtliche Delikt. 1920.
- Taylor*. A treatise on international public law. 1901.
- Tosti*. Il problema del diritto internazionale: i termini del problema. Rivista di diritto intern. XI. 1917.
- Travers Twiss*. Le droit des gens ou des nations considérées comme communautés politiques indépendantes. I.—II. 1887—1888.
- Triepel*. Völkerrecht und Landesrecht. 1899.
- Die Zukunft des Völkerrechts. 1917.
- Ullmann*. Völkerrecht. 1908.
- Verdross*. Die Einheit des rechtlichen Weltbildes auf Grundlage der Völkerrechtsverfassung. 1923.
- Walker*. The science of international law. 1893.
- A manual of public international law. 1895.
- Wenzel*. Juristische Grundprobleme I. bd.: Der Begriff des Gesetzes zugleich ein Beitrag zum Begriff des Staates und Problem des Völkerrechts. 1920.
- Westlake*. International law. I.—II. 1910—1913.
- Wheaton*. Elements of international law. 1916 (изд. С. Phillipson).
- Wilson and Tucker*. International law. 1910.
- Zorn*. Grundzüge des Völkerrechts. 1903.

III. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ, СОБРАНИЯ
КАЗУСОВ И ИСТОЧНИКОВ

Название:	Цитируется:
American Journal of International Law.	A. J.
American Journal of International Law Documents	A. J. Of. D.
Annuaire de l'Institut de Droit International.	Annuaire.
Archiv für öffentliches Recht.	A. Ö. R.
Archiv für Rechts und Wirtschaftsphilosophie.	A. R. Wph.
Jahrbuch des Völkerrechts.	J. Vr.
Revue générale de droit international public.	R. G.
Revue de droit international et de législation comparée.	R. D. I.
Revue de droit international privé.	R. Clunet.
Rivista di diritto internazionale.	R. I.
Zeitschrift für internationale Recht.	Z. I.
Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht.	Z. V.
Wörterbuch des Völkerrechts (I. 1924).	W. VR.
<i>Cobbet</i> . Cases and opinions on international law and various points of english law connected there with. I—II. (1920, 1913.)	<i>Cobbet</i> . Cases.
<i>Scott</i> . Cases on international law. 1906.	<i>Scott</i> . Cases.
<i>Strupp</i> . Völkerrechtliche Fälle. I—II. 1911—1912.	<i>Strupp</i> . Fälle.
<i>Foreign Relations</i> of the United States, Papers relating to... (1883—1915) in 44 volumes. Washington. 1883—1920.	<i>Foreign Relations</i> .
<i>Марпенс</i> . Собрание трактатов, заключенных Россией. I—XV.	<i>Марпенс</i> . С. Т.
<i>de Martens</i> . Recueil des principaux traités d'alliance, de paix, de trêve, de neutralité, de commerce, de limites, d'échange etc. et plusieurs autres actes servant à la connaissance des relations étrangères de Puissances et Etats de l'Europe tant dans leur rapport mutuel que dans celui envers les Puissances et Etats, dans d'autres parties de globe, depuis 1761 jusqu'à présent. (издано Георгом Фр. Мартенсом и продолжено Карлом Фр. Мартенсом) vol. I—VIII.	<i>Martens</i> . R.
— Nouveau recueil des principaux traités etc. I—XVI.	
— Supplément au recueil. XVI—XX.	
— Nouveaux suppléments au recueil. XX—XXIII.	<i>Martens</i> N. R.

— Nouveau recueil général de traités et autres actes relatifs aux rapports de droit international. I—XX.	<i>Martens</i> N. R. G.
— Nouveau recueil... , deuxième série. I—XXXV.	<i>Martens</i> N. R. G. 2 ^o .
— Nouveau recueil... , troisième série, I.	<i>Martens</i> N. R. G. 3 ^o .
<i>Moore</i> . Digest of international law. I—VIII. 1906.	<i>Moore</i> . D.
Staatsarchiv, основанный в 1860 г., Aegidi и Kleinhold.	St. A.

ВВЕДЕНИЕ

О Т Д Е Л I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

§ 1. Координационный и индивидуалистический характер международного права. § 2. Значение генетического метода в изучении международного права. § 3. Религиозный момент в развитии международного права.

§ 1. В международном праве нет более спорной проблемы, чем учение о вмешательстве и нет менее разработанного вопроса, чем вопрос о признании¹⁾. Между тем обе эти проблемы имеют чрезвычайное значение и с точки зрения теории и с точки зрения практических вопросов международной жизни²⁾. Теоретически здесь происходит смыкание двух противоположных токов: утверждения принципа абсолютной независимости государств в сфере их внутренней компетенции с идеей примата вселенского правопорядка. Практически ни одно государство и ни одно правительство, — как это очень остро ощущалось Францией в 1792 г.³⁾, в 1830 г.⁴⁾, в 1848 г.⁵⁾, в 1852 г.⁶⁾ и в 1870—1871 г.⁷⁾, не может при современных условиях жить изолированно от других державных образований⁸⁾. И, наконец, обе проблемы тесно связаны друг с другом по своему материаль-

¹⁾ Литература по вопросу о вмешательстве необозрима (ср. не претендующий на полноту указатель стр. 11, и д.). По вопросу о признании имеется одна юридическая монография *Le Normand*, теоретически слабая, исходящая из учения *Jellinek*'а о признании в «System der subjekt. öffentlichen Rechte» и игнорирующая, что *Jellinek* менее всего допускал получение вновь нарождающимся государством инвестируры на осуществление суверенных прав от международного общения (*Jellinek. Die Lehre von Staatenverbindungen* 1882, стр. 266, и д.).

²⁾ Конец XVIII в. и начало XIX в. проходит под знаком революционных катаклизмов и проблема вмешательства, как революционного, так и реакционного, наряду с проблемой признания новых политических образований, является почти доминирующей в жизни народов. Через сто лет наблюдается опять в известном смысле аналогичный процесс но в более грандиозном масштабе.

³⁾ *Sorel. L'Europe et la Révolution Française* III, 220 и д.

⁴⁾ *Debidour Histoire diplomatique de l'Europe* т. I. 1891, стр. 276.

⁵⁾ *Martens. N. R.* XII, 58 и д.

⁶⁾ *Geffcken. Der Staatstreich vom 2 december (1851) und seine Rückwirkung auf Europa.*

⁷⁾ *St. A.* XI, 1871, 227 X, 1870, 215 и д. (ноты Жюля Фавра о признании прав Нац. Обороны).

⁸⁾ Ср. *Holtzendorff* в Н. Н., I, 52.

ному содержанию, — что совершенно игнорируется традиционной доктриной, — потому что тут становится один и тот же вопрос величайшего значения, действует ли в международной жизни с полной последовательностью либеральный принцип — *laissez faire, laissez passer*, или же наоборот для кажущейся беспредельной свободы народов утверждать свое притязание на независимость и создавать у себя любой порядок отношений могут существовать какие-то границы, очерченные во имя требований международного над-государственного права.

И если традиционная доктрина не сознавала всей важности этих коренных проблем, то сама международная жизнь выдвигала на первый план эти вопросы и требовала от науки ответа, который она была не в состоянии дать. Известный в свое время, — а в наши дни почти забытый — *Lorimer* утверждал, что три учения: о признании, вмешательстве и нейтралитете со всеми вытекающими из них положениями образуют *corpus iuris inter gentes*⁹⁾. В новейшее же время такой ученый, как *Kohler* в своих «Основах международного права» ни одним словом не упоминает о признании¹⁰⁾, тогда как *Cavaglieri*¹¹⁾ и позднее *Sander*¹²⁾ выдвигают доктрину о признании на первый план. И если, с другой стороны, представители либерально-позитивного направления, как *Nys*¹³⁾, или *Bonfils*¹⁴⁾, хотя и окончательно элиминировать вмешательство из науки права, то, с другой стороны, *Heilborn* решительно утверждает, что без вмешательства не может быть системы международных норм и что вмешательство — ключ и основа действующего права¹⁵⁾.

Чем же объясняются эти загадочные противоречия и это упор-

⁹⁾ *Lorimer*, Principles, 1. 93.

¹⁰⁾ *Kohler*, Grundlagen des Völkerrechts 1918. *Hershey* правильно замечает, что признание является «... subject is one which is almost wholly ignored even by authorities.» стр. 128.

¹¹⁾ *Cavaglieri*. La conception positive de la Société Intern. R. G. XVIII, 1911, 259—292.

¹²⁾ *Sander*. Das Factum der Revolution, und die Kontinuität der Rechtsordnung Z. O. I, 1919—1920, 132—164.

¹³⁾ *Nys*. Le droit international. 1912, 232, на такой же точке зрения стоял и *Pradier-Fodéré*: «Il n'y a pas de droit d'intervention, parce que il n'y a pas de droit contre le droit. Le droit est l'indépendance. Il ne peut y avoir un droit à violer un droit absolu.» *Pradier-Fodéré*, I. 547, *Piedelievre* I, 271. *Despagnet-de Boeck*, 255.

¹⁴⁾ *Bonfils*. 175—176.

¹⁵⁾ *Heilborn*: Без вмешательства не может быть международного права. Вмешательство представляется «als der Schlusstein der ganzen internationalen Rechtsordnung». System. 363.

ное желание одних утвердить признание и вмешательство и стремление других наоборот отвергнуть самую возможность постановки проблемы под правовым углом?

Прежде всего здесь отражаются те своеобразные, — и упорно игнорируемые господствующей доктриной — черты международного права по сравнению с другими родственными дисциплинами, которые состоят в том, что, хотя международные нормы и являются групповыми или коллективными, но до последнего времени они были проникнуты индивидуалистическим и децентрализующим духом. И если наряду с этим нормы могли провозглашать веления, общие для множества субъектов, то общее в своем эмпирическом бытии было почти исключительно простым постоянством однородного понимания права в пределах совокупности государств, индивидуально провозглашавших эти правовые веления¹⁶⁾. Внутреннему характеру международного права, переходящего в стадию коллективно-организационную лишь в наши дни и жившего около трех столетий в виде чисто-координационной системы¹⁷⁾, как-будто таким образом соответствовала и его внешняя форма.

Но из этого своеобразия международного права не следует, что оно было не объективно и не социально по самой природе своей и поэтому в сущности не могло претендовать на название права. Даже при охране личных, материальных, а иногда и хищнических интересов индивид выступает всегда как часть, или член высшего человеческого общения и только таким путем находит для себя правовую защиту¹⁸⁾. Наряду с этим из социальной природы права

¹⁶⁾ Отсюда и своеобразное понимание международного права у Гегеля оказавшего вообще большое влияние на современное «позитивное» направление. В международных правоотношениях государства выступают как «*Selbstständig keiten, die zwischen sich stipulieren, aber zugleich über diesen Stipulationen stehen*». *Hegel*. Grundlinien der Philosophie des Rechts 1821. Zusätze 191 § 330, *Triepel*, 271, *Ullmann*, 3, *Cavaglieri*, 64—65.

¹⁷⁾ «Das Völkerrecht beruht nicht auf den Gedanken, dass über den Staaten ein Ueberstaat, eine civitas maxima herrsche ... vielmehr setzt das Völkerrecht die volle Souveränität der Einzelstaaten voraus; sie haben einander nicht zu sagen und einander keine Vorschriften zu machen, weder die eine dem anderen, noch eine Gruppe von Staaten dem einzelnen». *Kohler*, 3. «Das Völkerrecht ist eine auf Koordination beruhende Rechtsordnung». *Hatschek*, 1. (1923).

«...das Völkerrecht doch überwiegend Individualrecht nicht Sozialrecht ist». *Strupp*. Völkerr. Delikt. 1920, 127. *E. Kauffmann*. Das Wesen des Völkerrechts und die clausula rebus sic stantibus. 1911, 120, и. д. 178.

¹⁸⁾ «Die Rechtsüberzeugung ist menschliche Tat. Das Subjekt dieser Tat aber sind nicht Individuen, sondern Gemeinschaften. Der einzelne Mensch, der

менее всего вытекает его коллективное проявление. В реальных отношениях всякое индивидуальное выражение права всегда является выражением его социальной оценки¹⁹⁾. Правовое веление, как средство определения отношений к другим лицам или к их множеству, в основе своей всегда содержит отрицание исключительно личной или субъективной оценки и всегда утверждает свою коллективную природу.

Однако факт множественного проявления права мог породить (и фактически породил) учение о внешнем государственном праве²⁰⁾, как праве международном и привел к попыткам индивидуалистически и атомистически построить международное право, сводя его к воле отдельных государств, или к их общей воле, имеющей мистический характер и порождающей из пустого пространства прежде несуществовавшее международное право²¹⁾. На самом деле каждое индивидуальное утверждение нормы постулирует и наличие известного правопонимания и наличие некоторого высшего идеального единства, допускающего возможность всякого изолированного и субъективного проявления велений права. Эмпирически же нужна множественность аналогичных и параллельных правопониманий и тогда индивидуальное утверждение права получает свое реальное значение. Как указывает *Someo*, пользуясь очень распространенным сравнением права с языком, чтобы человек, прибегающий к членораздельной речи, мог говорить, он должен допустить

dabei mitwirkt, handelt stets als Glied und im Dienste einer menschlichen Gemeinschaft». *Gierke*. Deutsches Privatrecht. Bd. I, 1895, 125.

¹⁹⁾ Даже при применении нормы личным и насильственным путем подчеркивается формальная социальная природа права: «То обстоятельство, что нет инстанции, устанавливающей объективным путем условия для акта экзекуции, есть тяжелый практически-политический недостаток, но не абсолютное препятствие для теоретического построения правомерной войны, как международного принудительного акта. Как и во всяком примитивном порядке *пострадавший субъект сам и является органом правового общения*». *Kelsen*. Problem, 267.

²⁰⁾ *Ph. Zorn*. Die Deutsche Staatsverträge. Z. Gesamt. St. W. XXXVI, 1880, 9. Staatsrecht d. Deutschen Reiches I. 1895, 400 и д. *A. Zorn*. Grundzüge des Völkerrechts 1903, 5 и д., 141 и д. В свою очередь англо-американская практика утверждала, что международное право есть часть права национального. Ср. особенно *Hershey* Essentials of intern. law. 1914, стр. 9 и д. Рецепция англо-американской теории в настоящих германской и австрийской конституциях освещена у *Verdross* Einheit, 111 и д.

²¹⁾ Эта точка зрения является господствующей. Теория «общей воли», создавшей «*Vereinbarung*» разработана *Triepel* с. 15 и д. 111 и д. По его стопам идут особенно итальянские ученые: *Donati*, *Anzilotti*, *Diena*, *Marinoni* и др.

что его понимают. Если нет множественности пониманий, нет и единства языка²²⁾.

Но при наличности координационной системы, когда цель права сводится к охране личного интереса, и когда объединение субъектов права имеет неорганизованный и безвластный характер, тогда отклонения и колебания в истолковании правовой силы норм могут быть очень велики и, если теоретически в последнем итоге надо допустить известное среднее совпадение между индивидуальным и коллективным пониманием нормы²³⁾, — потому что только тогда норма может быть правовой, — то эмпирически, при отсутствии высшей самоустанавливающей и нормоприменяющей инстанции, колебания между индивидуальным применением норм и ее автономным логосом могут быть чрезвычайно велики²⁴⁾. И эти колебания могут быть двоякого рода. В одном случае индивидуальным усилием норма суживается, в другом расширяется, а иногда таким путем закладываются основы для нарождения нового права²⁵⁾.

Но в развитии международно-правовых институтов лежит тенденция к стабилизации, к преодолению гибкого и подвижного состояния норм и к установлению более жесткой и неподвижной системы, когда поле деятельности для индивидуальной правовой инициативы суживается, и определенным формам проявления права приписывается особый специфический характер и те достоинства, которые не имеют формы, более примитивные и менее твердые²⁶⁾. Таким путем

²²⁾ *T. Someo*. Maßstäbe zur Bewertung des Rechts. A. R. Ph. 111, 1910, 504 и д.

²³⁾ Критерий может дать своеобразный процесс, — аналогичный «чистому сверцанию» в эстетике — правовая оценка со стороны субъектов, не участвующих в споре и могущих установить чистую норму без примеси чужеродных мотивов и интересов. Социологические соображения в данном случае всецело применимы к институтам междунар. права. *Oppenheimer*. Staatswissenschaft und Politik. A. R. Ph. X, 1917, 202.

²⁴⁾ С 1856 г., можно было признать обычной нормой отмену каперства. Но Соед. Штаты иначе относились к этому вопросу, а Испания присоединилась к Парижской декларации только в 1908 г., а Мексика в 1909 г. *Wehberg*. Seekriegsrecht. 1915, стр. 44.

²⁵⁾ В этом отношении типично отношение Англии к запрещению торговли невольниками. Из ее практики и ее притязаний выросла целая система международной борьбы с торговлей невольниками, несмотря на оппозицию ряда других держав. *Gareis*. Der Sklavenhandel und das Völkerrecht 1885. *De Montardy*. La traite et le droit international. 1899. Особенно интересны комментарии к выступлениям Англии у *Chateaubriand*. Congrès de Vérone. Изд. 1866, 41—42.

²⁶⁾ *H. H. Алексеев*. Основы философии права. 1924, 181 и д.

достигается реальное объективирование норм и через писаное слово утверждается их бесспорность²⁷⁾. Социальный характер нормы восполняется ее внешним социальным констатированием. В актах именуемых «соглашениями» — «Vereinbarungen» находит свое заключение процесс объективирования норм и происходит окаменение норм, могущих впредь подвергаться изменениям и реформам лишь с большими затруднениями. Для некоторых теоретиков международного права других форм или источников вообще не может и быть²⁸⁾, и весь смысл развития права сводится, в таком случае, к возможно более полной кодификации. Однако международное право еще далеко не дошло до этой предельной точки, когда все право стало *ius scriptum*, а в большей своей части оно еще сохранилось в формах текучих и подвижных — прецедентов и обычаев, далеко не соответствующих по характеру своему обычаям частно-правовым, потому что в международной жизни последней основой обычая является не ссылка на пошлину или старину, но на всеобщность, понимаемую в смысле совпадения с всеобщим пониманием справедливости²⁹⁾. И, если в наши дни все государства земной планеты не отрицают наличности тех или других институтов и в этом отношении говорят друг с другом на одном языке, то часто им дают такую своеобразную интерпретацию, что как-будто создается параллелизм двух систем права (особенно американское международное право³⁰⁾). Международному праву в настоящее время еще неведома фиксация

²⁷⁾ Однако придание обычаям формы соглашений далеко не всегда укрепляет нормы. Самая форма соглашений иногда дает поводы для их нарушений. Ср. судьбу Гаагских законов и обычаев войны на суше и Лондонской декларации 1909 г., во время мировой войны. *Fauchille II*, 18—21. и *Garner. The International law and the world war 1920*.

²⁸⁾ Против учения *Jellinek*, *Bergbohm*, *Triepel* и других очень резко выступил *Kohler*: «Soweit man aber das Völkerrecht auf Vertrag stützt, begeht man denselben Fehler, wie jenes veraltete Naturrecht, welches das ganze Staats und Völkergebilde auf Vertrag gründete. Vertrag war der Popanz, das geheime Zaubermittel mit dem man alles herbeizulocken wähnte, ganz ähnlich wie die Naturvölker durch gewisse Berührungen oder gewisse Akte in die Luft hinein ungeheuerere Einwirkungen auf das materielle und seelische Leben erzielen zu können vermeinen». *Kohler*, 7. 1918, стр. 7. Исчерпывающую критику традиционного учения см. у *Nelsen. Rechtswissenschaft ohne Recht 1917* и *Kelsen Das Problem des Souveränität und die Theorie des Völkerrechts 1920*.

²⁹⁾ Ср. *Verdross. Einheit*, 106 и д., и 120—125.

³⁰⁾ *Alvarez. Le droit international américain 1910*. Критика теории американского межд. права у *Rapisardi-Mirabelli, Politica, Storia diplomatica e Diritto internazionale. 1911*.

правовой системы и оно продолжает жить в большей мере индивидуальным пониманием и индивидуальной оценкой³¹⁾. И это не является равносильным произволу, и если таким путем догматически вызываются большие затруднения, то зато право-политически через индивидуальную правовую интуицию создаются новые правовые возможности и намечаются пути, ведущие к смелым реформам и перестройкам существующих отношений.

Индивидуальными усилиями готовится новая система права, не рационально и систематически задуманная, но проявляющаяся лишь отдельными проблесками и намеками, иногда очищающая широкое поле для более тесного сближения народов и для упрочения начал всемирной единой справедливости. Международное право поэтому в смысле свободного правового творчества не последняя и запоздалая планета в системе правовых дисциплин³²⁾, но великая и царственная планета, питаемая с известной необходимостью живыми соками непосредственного восприятия права³³⁾.

§ 2. Другим чрезвычайным затруднением для современной доктрины является сохраняющееся по традиции еще от Гроция, —

³¹⁾ Ср. *Huber. Die Konstruktiven Grundlagen des Völkerbundsvertrages. Z. V. B. 1923, XII.*, 1 и д. *Bergbohm. Staatsverträge und Staatsgesetze als Quellen des Völkerrechts 1877*, 89. *O. Mayer. Völkerrecht und Völker-moral. A. Ö. R. XXXVIII.*, 1918, 3 и д.

³²⁾ „Dans le système solaire de Droit il (le Droit international) est une planète en retard“. *E. Picard. Le droit pur. 1912*, 38.

³³⁾ „... on s'est aperçu depuis longtemps que les pratiques internationales devaient être traitées avec plus de ménagement et d'équité que les questions de droit civil ou pénal. Les injustices contre les individus sont théoriquement les plus graves, mais elles sont beaucoup moins dangereuses que les injustices contre les collectivités. Comme les lapins sont habitués à être mangés, les individus sont habitués aux injustices de leurs supérieurs, de leurs égaux, de leurs inférieurs. Ils se résignent très facilement; et s'ils se plaignent, il faut qu'ils soient dans une situation bien privilégiée pour qu'on fasse attention à eux. Froisser même très légèrement les intérêts d'une collectivité, c'est frapper un essaim d'abeilles ou une fourmilière. Il faut bien longtemps avant que le calme se rétablisse. La difficulté n'est pas, pour la constitution d'un Droit des gens, de trouver une sanction, mais d'établir des règles assez équitables pour être acceptées par tous. Dans un code civil, on peut traiter la justice très cavalièrement. Ceux qui n'en sont pas contents ne peuvent pas faire grand bruit. Un code des nations serait autrement délicat à élaborer, car la moindre injustice éveillerait des susceptibilités et des rancunes inextinguibles“. *De Tourtoulon. Principes philosoph. de l'histoire de Droit. 1908—1919*, 581—582.

несмотря на позитивизм юридической школы, — статическая оценка права и упорное игнорирование значения генетического метода³⁴). Постоянство понятия права отнюдь не влечет за собой постоянства внутреннего его существа³⁵). Отношения координационные, могут переходить в отношения субординации. И если до конца XIX века для международного права было характерным предоставление возможно более неограниченной компетенции для государств в смысле осуществления в их правовой сфере личных и эгоистических интересов, причем прежде всего защищалась личность государства и затем и его приобретенные права и создавалась система отношений если и юридических, то в известном смысле и анатических (по выражению *Berolzheimer's*)³⁶), то со времени Гаагских Конференций (1899 г.), можно установить начало нового процесса³⁷). В общении государств, как субъектов права, начинается постепенно складываться коллективная организация, и в связи с этим укрепляется то новое начало, что, осуществляя свое право, государство может служить не своим эгоистическим целям, но задачам коллектива, или другого субъекта права. В силу нормы высшего правопорядка происходит материальное совпадение правовых задач, личных и коллективных, и правоотношения, по глубокому выражению проф. Петражицкого, становятся социально-служебными³⁸). Этот процесс протекает чрезвычайно своеобразно. В международной жизни в его первоначальной и примитивной фазе он выражается в установлении иерархии в силу воли и принуждения одного государства по отношению к другому. Последнее не становится объектом права и, хотя теряет целиком или частично свою дееспособность, остается все же субъектом права. В данном случае нет представительства. «Кажущийся представитель является сам субъектом того права, которое имеет другой субъект, и осуществляет это право от своего имени, как собственное право»³⁹). Этот принцип правового альтруизма, служение частному интересу другого, или общему интересу коллек-

³⁴) Вопреки писателям первой половины XIX в. особенно *Müller Jochmus* *Geschichte des Völkerrechts* 1848. и *v. Kaltenborn* *Kritik des Völkerrechts*. 1847.

³⁵) См. глубокие, не потерявшие своего значения, мысли *Suarez*. *Kohler*. *Die spanische Naturrechtslehre des XVI und XVII Jahrhunderts* A. R. Ph. X, 1917, 235 и д.

³⁶) *Berolzheimer* в *Handbuch der Politik* I, 1920, 19.

³⁷) *Schücking*. *Der Staatenverband der Haager Konferenzen*. 1912.

³⁸) *Петражицкий*. *Очерки по теории права и государства*, II, 1908, 688 и д.

³⁹) *Bernatzik*. *Kritische Studien über den Begriff d. jurist. Person*. A. O. R. V, 1890, стр. 280.

тива, как своему собственному, не является иррациональным, потому что он дает главенствующей и представляющей стороне совокупность иногда весьма значительных привилегий морального и материального характера. Такой характер имеют договоры протектората⁴⁰), явившиеся подготовительной формой для нового порядка отношений — «мандатов», выработанных на Мирной Парижской Конференции в 1919 г., и более открыто подчеркивающих начало социального служения со стороны мандаторов, задача которых должна ограничиться своеобразным «политическим воспитанием» народов, находящихся под их покровительством⁴¹). Служение чужому индивидуальному или коллективному интересу могло основываться на договорах, но оно могло быть спонтанным проявлением интуитивного чувства права и, в таком случае, могло быть или своеобразным толкованием позитивной нормы, или попыткой создать новую норму. И это осуществление могло нарушить приобретенные права, могло сопровождаться открытым или замаскированным принуждением, и иногда такое осуществление было ярким показателем перелома, переживаемого системой международного права, переходящего от изжитой системы координации⁴²) к более высокому порядку организованного обобществления⁴³).

Только при динамическом изучении могут быть научно достигнуты институты международного права, имеющие свое нормативное основание не в соглашениях и писаных договорах, но в прецен-

⁴⁰) *Bernatzik*. *Op. cit.*, стр. 281.

⁴¹) *Ср. мои* *Очерки нового международного права*. 1923, стр. 228 и д.

⁴²) Для многих выдающихся юристов XIX века был вполне ясен координационный характер международного права: «Im Völkerrecht wird der einzelne Staat in derselben Art als Individuum behandelt, wie im Privatrechte der Mensch». *Gerber*. *Über öffentliche Recht*. 1852, 40. *Ср. Holland*. *Elements of jurisprudence*. 9 edit. 1900., 372. Такая точка зрения была правильна теоретически и плодотворна правно-политически, потому что принципиально допускала дальнейшее развитие межд. права в высшую фазу. *Jellinek* однако в данном случае говорит лишь об «аналогии». *System*, 321. *Ср. Heilborn*, *System*, 311. Неправильны взгляды: *Sumner* *Main Ancient Law*. 1888, 96 и *Triepel*, 212, что подобные попытки сближения частного права, как общего понятия с межд. правом были следствием влияния римского права на естественно правовую доктрину.

⁴³) Показателем этого перелома являются синтетические конструкции международного права у *Krabbe* (*Die Lehre der Rechtssovereänität* 1906 и *Die moderne Staatsidee* 1919), *Salvioli* (*Studi sui caratteri dell'ordinamento giuridico internazionale*. R.I.I. 1921—1922, стр. 20 и д.), *Duguit* (*Traité de droit constitutionnel*. 1921, 1, 551 и д.) и *Verdross* (*Die Einheit des rechtlichen Weltbildes*. 1923).

тах, как-будто неустойчивых и противоречивых, не отражающих некоторые основные тенденции права.

Между тем современная доктрина — и даже новейшая «австрийская школа»⁴⁴⁾ — старается замкнуть изучение права лишь теоретическим и догматическим материалом, совершенно элиминируя генезис правовых явлений. Между тем при господстве прецедентов и обычаев в международной жизни нельзя обойтись при их анализе без генетического метода⁴⁵⁾. В своем преемстве и в своей последовательности нормы дают свой живой логос, не могущий быть найденным в одном разрозненном факте, но проявляющийся в известной линии, по которой двигаются прецеденты и обычаи, в их непрерывном становлении, изменении и преобразовании. Слишком наивно и грубо-реалистично сводить право к воле творцов норм — народов, на самом деле поступающих слепо, в силу интуиции, в своем правотворчестве и только очень поздно рационализирующих органически

⁴⁴⁾ Я имею в виду *Kelsen'a*, *Sander'a*, *Veraross'a* и *Kunz'a*.

⁴⁵⁾ Иначе к этой проблеме относится *Kelsen*, по мнению которого объектом права являются нормы, устанавливающие долженствование — *sollen* в отличие от других явлений сущего — *seien*, образующих предмет наук объяснительных. Историю права *Kelsen* относит ко второму циклу наук. При этом он игнорирует, что право и в прошлом действовало не как цепь простых явлений сущего, но именно как комплекс норм. И догма и история права изучают нормы, а теория права связывает статику и динамику права общим его пониманием. В области публичных отношений право органически сростается с прошлым. Освящение прошлым иногда сообщает велению правовой характер. Такие источники, как обычай и прецедент, являются *sollen* только потому что были *seien*. И не одно английское, но и французское государственное право живет и настоящим и прошлым, и нельзя французскую конституцию свести к законам 1873 г. и 1875 г. И еще менее основательно было бы приложение подобных принципов к международному праву, где роль *ius scriptum* более чем ограничена. В корне всех построений *Kelsen'a* лежит логическая ошибка, сводящаяся к тому, что он стремится эмпирически построить теорию из догмы, из правового суждения — *Rechtssatz* и не замечает, что это *circulus vitiosus*, потому что догма полна пробелов и противоречий, преодолимых лишь теоретически и генетически.

В «*Hauptprobleme der Staatsrechtslehre*» 1911, стр. 39, *Kelsen* замечает, что вообще разграничение (в его смысле) между догматическим и историческим изучением возможно только при законодательстве. Позднее в полемике с *Sander'om* *Kelsen* идет дальше и утверждает, что правовые явления, рассматриваемые во времени, перестают быть нормативными и становятся просто фактами. *Kelsen* *Rechtswissenschaft und Recht III Z. Ö.* 1922, стр. 160—161. Глубокой критике подверг теорию чистого нормативизма пр. *Н. Н. Алексеев*. Основы философии права. 1924, 164 и д.

выросшую систему права⁴⁶⁾. Доктрина еще более поздно вносит поправки в уже существующую правовую нормировку и только при переходе к объективным формам права в виде соглашений можно установить наличность сознательной воли со стороны творцов права, далеко однако не свободных в создании нового права, потому что старое право очень долго сохраняет свой авторитет и прежде всего определяет порядок самого правотворчества.

Отправная точка зрения при изучении правовых явлений переменна. Реконструкцию института теоретически допустимо начать с любого момента, и развертывание свитка в сущности происходит не с начала, а с конца⁴⁷⁾, потому что нужно общее теоретическое понятие института в смысле одной или совокупности норм, теоретически являющихся органично-целым и не подлежащим дальнейшему разложению⁴⁸⁾. И в этом отношении логически менее всего приемлемы методы современной социологии, пытающейся, — как утверждает Дюркгейм, — при изучении правовых институтов открыть их зарождение и думающей превратить историю в микроскоп для разложения правового явления на его составные элементы, для чего нужно наблюдать институт «в тот самый момент, когда он зародился» и таким образом «присутствовать при его возникновении»⁴⁹⁾. Тут происходит сочетание грубо-материалистического понимания правовых явлений с большей научной самонадеянностью, потому что даже приблизительно определить возникновение ряда институтов пространственно и временно чрезвычайно трудно и даже почти невозможно, а научно это почти иррелевантно, потому что более важно, какое иерархическое место занимает институт в системе права и в каком отношении он находится к более общим принципам, чем тот момент, когда семя правового института дало ростки, и началась его жизнь во внешнем мире.

⁴⁶⁾ «La volonté humaine est une cause juridique; elle n'est rien de plus qu'une cause. Elle pousse la loi à droite et à gauche, elle ne sait où. Faut-il la comparer au paysan ivre de Luther qui ne peut se tenir sur son âne et tombe tantôt d'un côté, tantôt de l'autre? Ce serait peut-être lui faire trop d'honneur car le paysan sait qu'il y a une route et veut la suivre quoi qu'il ne puisse le faire. La volonté juridique n'a pas de route à son usage. Elle va, comme dit un poète, où va la feuille de rose et la feuille de laurier». *De Tourtoulon*. Principes, 43—44.

⁴⁷⁾ Ср. *Wassermann*. Zur Genealogie der Entwicklungsbegriffe in der Rechts und Sozialphilosophie. A. R. Ph. Bd. III., 1910, 53 и д.

⁴⁸⁾ Иначе *De Tourtoulon Op. cit.* 478—479, 610 и д.

⁴⁹⁾ Дюркгейм. Социология и социальные науки. (Метод в науках). 1911, 241.

В каждом институте может быть только формально-логическое постоянство, но в своем реальном, эмпирическом бытии институты творят новые ценности, изменяя и преобразовывая свой телос. Это не простое механическое развертывание свойств, заложенных в семени и проявляющихся в момент «нарождения», но всегда и везде это выявление новых, неповторимых и самостоятельных качеств. Поэтому генетическое изучение дает не только воспроизведение прошлого, но оно дает то непрерывно сменяющееся идвигающееся живое всякого правового института, которое может иметь значение не только с точки зрения изучения индивидуального ряда, но и всей правовой системы. И только по получении этого результата может быть произведена последняя «оценка» в порядке высшего синтеза теории, эмпирии прошлого и эмпирии настоящего.

При таком понимании изучения правовых учреждений ясно, что генезис не заменяет ни теорию, ни догму, но восполняет и то и другое. Это восполнение тем более необходимо, что генезис в известном смысле является коррелатом теории и как бы представляет ее, но в ином разрезе. Генезис, как бытие правовых институтов, начинается с метафизических, религиозных основ и этим сближается с теорией, последними корнями уходящей тоже в иррациональные и метафизические источники.

Кант был одним из первых, пытавшихся филогенетически сконструировать процесс общего развития международного права. Если у него имеется известная телеология, то это отнюдь не Провидение в богословском смысле и не *lex aeterna* Блаженного Августина, но это автономный логос правовых учреждений, растущих и преобразующихся по своему самостоятельному плану. Кант верил в некоторую предустановленную гармонию правовых институтов и указывал на постоянство противоречия двух начал: общественности и индивидуально-анархического против-общественного элемента. Из столкновения двух как-будто противоречивых и исключающих друг друга начал творится единство морали и права. Если для людей невозможно непрерывное состояние животной свободы и если они рано или поздно устанавливают *status civilis*⁵⁰⁾, то к такому же по-

⁵⁰⁾ *Status civilis* для Канта это искусственное преодоление первоначальных звериных черт человеческой природы. *Status civilis* это — «bürgerliche Verfassung, welche die höchste Grad der künstlichen Steigerung der guten Anlagen in der Menschengattung zum Endzwecken ihrer Bestimmung ist, doch die Tierheit früher, und im Grunde mächtiger ist als die reine Menschheit in ihrer Äusserung». *Anthropologie*, 269.

рядку в силу тех же мотивов рано или поздно должны прийти народы в своих взаимных сношениях. Вместо состояния естественной свободы, в которой государства продолжают еще жить, они создадут новый строй отношений не на основе подчинения высшей принудительной власти, что было бы равносильно установлению гражданского правопорядка, — но через образование *Friedensbund*, свободного союза государств с однотипным политическим устройством⁵¹⁾. Для Канта было ясно, что внутренний правопорядок должен зависеть и определяться внешними условиями и, что без союза мира, не будет совершенного внутреннего устройства⁵²⁾. Внешний правопорядок с необходимостью должен наложить свою неизгладимую печать на внутренние отношения народов. Для Канта это не было произвольным построением, но гипотезой, вытекающей из тенденций развития истории в ее практической (нормативно-правовой) реальности.

Кант все время отлично сознает, что говорит о нормативных явлениях и в конце этюда подчеркивает своеобразную *clausula salvatoria*, содержащуюся в заглавии статьи «in weltbürgerlichem Absicht». Дело идет о точке зрения исследователя, пытающегося познать прошлое, оценивая его *post factum*, согласно системе, выработавшейся не только позднее, но даже вообще не существовавшей в конце XVIII века, именно, согласно *Weltbürgerrecht*, т. е. согласно праву, лишь сконструированному из общих принципов права априорным путем.

Конечно, эмпирически, точка зрения Канта совершенно устарела. Естественная животная свобода⁵³⁾, чудесно преодолеваемая

⁵¹⁾ Проблема хорошего государственного строя для Канта является центральной. «Moralische Bildung» обеспечивается народу его конституцией. У Канта, как и у французских просветительных философов XVIII в., глубокая вера в чудодейственную мощь права. Родившись из темной животной свободы, из стремления людей мстить за нарушенное право, последнее постепенно преобразуется в высшую цель человеческой природы и это осуществление возможно для отдельных государств лишь при наличии твердого мирового правопорядка. Cp. *Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlichem Absicht*. 1784. Zum ewigen Frieden. 1795.

⁵²⁾ Cp. в новейшее время *Affolter*. *Recht über den Staaten*. A. R. Ph. XIV, 1921, 103.

⁵³⁾ Хотя должно отметить, что у Канта первобытное состояние свободы не равносильно отсутствию права. Это лишь состояние — *ius controversum*, права спорного, когда нет высшего судьи. Каждый по собственному праву, или по договору, или голым насилием может заполучить то, что ему нужно, но такое овла-

людьми и народами, относится к области исторических мифов⁵⁴⁾ Развитие человечества идет не по восходящей прямой, но волнообразно, или циклически и очень часто регрессивно. Естественное состояние государств было вторичным явлением, и такие проникновенные глоссаторы, как *Azo*, *Baldus*, *Angelus de Peruso* были в известном смысле более правы, когда утверждали, что войны не родились с первым человеком, но были результатом новых форм существования людей, их оседлой жизни и стремления защищать свои земли⁵⁵⁾. То же происходило и в жизни народов, и развитие сильных национальных монархических государств в новое время, утверждавших в абсолютной форме свой суверенитет и провозглашавших свою *voluntas laedendi* по отношению к другим себе подобным образованиям, было отрицанием властного правопорядка, выше их стоявшего, но насколько оно было «естественным» — это, конечно, трудно сказать⁵⁶⁾. Однако подобный строй европейских отношений не был вечным и в свою очередь был лишь своеобразным преодолением универсализма, лежавшего в основе отношений народов в средневековье.

Но, если проблема является неизмеримо более сложной, чем думал Кант, и если достижение его идеала *Friedensbund* не может быть достигнуто простым интеллектуальным усилием и если преодоление индивидуальной стихии через идею великого космического целого осталось у Канта невысказанной⁵⁷⁾, то все-таки в той или иной форме, самая постановка проблемы была неизбежной. И, конечно, право всегда проявляется в истории, в известных «исторических ситуациях» и, конечно, в последнем итоге логос международных институтов в их совокупности и целостности охватывает развитие, без наличия высшей распределительной справедливости, будет всегда провизорным. *Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre*. § 45.

⁵⁴⁾ Между тем традиционное учение в межд. праве еще и сейчас основывается всецело на теории о преодолении «естественного состояния» соединенными волеизъявлениями государств, причем спорят только об исторической дате этого чудесного преодоления и большинство склоняется, что оно имело место в 1648 г. (Вестфальский мир). В этом смысле высказывались: *Martens*, *Bonfils*, *Fauchille*, *Oppenheim*, *Hershey*, *Ullmann* и другие. Ср. также *Grosch*. *Der Zwang im Völkerrecht*. 1912, 40—41.

⁵⁵⁾ 1 neque, § 1 Dig. XXIX., 1 (de testim. milit.), 1 si quid Dig. XII., 6 (de condit. indeb.). Ср. *Salvioli*. *Le concept de la guerre juste* 1918, 39—40.

⁵⁶⁾ Ср. характеристику этой эпохи у *C. A. Котляревского*. *Правовое государство и внешняя политика*. 1909, 238 и д.

⁵⁷⁾ В противоположность Яну Амосу Коменскому.

вите не отдельных народов, но всего мира⁵⁸⁾. Однако правовое откровение Канта и смелый вопрос: «*Wie soll sich geschichtliche Situation unseres Planeten entwickeln?*»⁵⁹⁾ в наши дни, является, при реализации идеи Союза Мира в виде Лиги Наций, уже перешедшим в область *опытного познания настоящего*, могущего служить отправной точкой при поисках в прошлом как путей реализации этого откровения, так и сопутствующих ему правовых явлений.

И Кант был прав в своих поисках божественной мудрости правовых учреждений, дающих в своем творческом развитии новые моральные ценности, как итоги правовых акций и реакций⁶⁰⁾. И в особенности в области международных правоотношений были велики те противоречия, на которые указывал Кант, говоря о противоположной общительности. Теоретически всегда, даже в периоды регрессивного развития права (как, например, в XVII и XVIII веках, хотя именно к XVII веку, в силу каких-то недоразумений традиционная доктрина относит факт «народждения» международного права) государства говорили на одном юридическом языке. Но наличие права, лишенного организационной санкции, заставляла народы кровью и железом осуществлять свое непризнанное и оспариваемое другими понимание права. Война, как вид самопомощи, носила на себе печать права, как при своем возникновении, так и при своем завершении, когда договорным путем кончалось применение насилия и начиналось состояние мира⁶¹⁾.

⁵⁸⁾ Ср. *De Tourtoulon*. *Principes*, 708—710.

⁵⁹⁾ *Emge*. *Über den Charakter der Entwicklungsbegriffe in der Rechtswissenschaft*. A. R. Ph. XIV, 1921, 146 и д. Особенно стр. 157, где иронически ставится вопрос, на который Кант пытался дать ответ.

⁶⁰⁾ Однако нельзя упускать из виду ошибочности основной точки зрения Канта в виде его веры в прямое прогрессивное развитие институтов международного права. Ср., например, оценка прогресса с точки зрения современной социологии: «*Les manifestations et activités de la vie humaine, n'étant pas comparables entre elles ni additionnables, on ne peut même pas constituer une résultante, ni établir un rythme quel qu'il soit de progrès. Tout au plus peut-on constater certaines circonstances, certaines périodicités. Encore faudrait-il pour trancher toute difficulté et rester rigoureusement scientifique, nier le progrès dans le sens global du mot, et n'admettre que des progrès bien définis et dans les sujets bien déterminés.*» *R. Michels*. *Le caractère partiel et contradictoire du progrès*. *Inst. intern. de sociologie*. 1913, 460.

⁶¹⁾ *Picard*. *Le droit pur* 1912, 37—38. Картина правового начала войны у народов классической древности, представлявшая «странный характер» в виду необходимости соблюдения ряда религиозно-юридических формальностей, ярко обрисована *Фюстель де Куланжю*. *Древняя гражданская община*

И вряд ли были правильны утверждения, что идея мира равносильна идее права и что будто бы только христианство принесло и пыталось осуществить единственный исключительный подвиг в мировой истории во второй половине средневековья, когда будто бы европейские народы впервые пытались реализовать высокие принципы мира⁶²). Для будущего мир может быть последнею целью права, но в прошлом право не было связано с миром⁶³). Ряд древне-восточных культурных образований (Индия, отчасти Китай) одно время как будто не имели резко выраженного желания ограничить себя от себе подобных образований, и это отражалось на слабом развитии их международных отношений. Наоборот для проявления, укрепления и роста международного права нужна резкая отчетливость и заостренность национальных границ, острое различие между «моим» и «твоим», чтобы вполне реально сознавалось различие между

(русский перевод) 1895, 192. Такой же характер имеет и заключение мира, сопровождавшееся иногда своеобразным обменом религиозными обрядами и даже божествами. Op. cit., 196. См. также P. Vinogradoff. *Outlines of Historical Jurisprudence*. vol. II, 1922, 97—98.

⁶²) Ср. б. Таубе. Принципы мира и права в международных столкновениях средних веков. Т. П. История зарождения современного международного права. 1899.

Примат идеи мира не является свойственным исключительно христианскому романо-германскому миру. И если Ориген, Лактанций и другие первоучители Церкви были сторонниками воинствующего пацифизма, то в этом отношении их соперниками были и другие первоучители человечества. Великие моралисты, даже неизвестные нам по имени, как автор знаменитого египетского Лейденского папируса, на котором начертаны заповеди любви, милосердия и прощения к ближним (*Revellout. Le papyrus moral de Leide. Journal Asiatique, mai—juin 1907, 487—491; mars—avril 1908, 256—311*), или же проповедник известных пяти правил Се-ма, утверждавший, что война — состояние ненормальное, что война по отношению к народу то же, что тяжелая болезнь по отношению к человеческому телу, или же Конфуций и Сакия-Муни, — все они защитники идеи мира и враги насилия. Отсюда понятно, что наш современный, китайский ученый, свидетель мировой войны, резко нападавая на моральную культуру христианских европейских народов, считает, что для ее оздоровления нужно перенести в Европу принципы религии Конфуция и, на основе этих принципов, прежде всего реформировать воспитание. *Ku-Hung-Min. Der Geist des chinesischen Volkes und der Ausweg aus dem Krieg. 1916.*

⁶³) Однако значение идеи поддержания всеобщего мира и роль мирных способов разрешения международных несогласий ясно сознавалась и в древнем мире. Ср. мою статью «Проблема зарождения международного права» в Учен. Зап. 1924 I т. 3 в. стр. 265—266. Иначе — *Ростовцев. Международные отношения и междунар. право в древности. Современн. Записки 1921, IV, 131. Nys, I, 3. б. Таубе. История зарождения междунар. права, I, 9, II, 3 и д.*

отдельными народами⁶⁴). И это было результатом сравнительно позднего развития в жизни племен и государств. Поэтому Азо с глубоким проникновением дал любопытную характеристику международного права, подчеркивая, что в сущности оно несправедливо, потому что оно творит несправедные последствия, как обращение в рабство побежденных, потому что оно вводит войны, вооружает народы друг против друга и заставляя их делить земли и города (*Summa, De Iustitia et iure (liber 1) № 7*)⁶⁵). Эта несправедливая правомерность отвергалась Азо во имя естественного права⁶⁶).

И в период регрессивного развития права (анэтический, или героический⁶⁷), как говорил Вико) международное право через насилие спаивало и скрепляло государство и придавало ему военный и хищнический характер. Война заставляла народы, представлявшие ранее расплывчатое соединение бароний, городов, общин и других образований, сливаться в одно крепкое целое. Но даже в период замкнутых национальных государств, они никогда не оставались отрешенными и отделенными друг от друга. Мир и война связывала их в высшее единство, в *genus humanus*, о судьбах которого повествует история. В этих отношениях, несмотря на кажущуюся беспредельную власть кровавого тальона, все-таки принципиально царит социальная и универсалистическая природа права⁶⁸). Не государства творят международное право, но оно является их предпосылкой, потому что по самой природе своей право является вселенским нача-

⁶⁴) Такое противопоставление преодолевает более древние универсалистические и федералистические тенденции своеобразной национализацией божества (Ягве в древнем Израиле, см. ниже след. §) и параллельной национализацией политической власти.

⁶⁵) Ср. 1, 5, Dig. I, 1

⁶⁶) *Salvioli. Le concept de la guerre juste, 39.*

⁶⁷) Право и насилие в эту эпоху как будто совпадают и для *Manzoni* обрисовывается злобный образ права на службе силы:

Une feroce
Forza il mondo possiede, e fa nomarsi
Diritto: la man degli avi insanguinata
Seminò l'ingiustizia; i padri l'hanno
Coltivato col sangue, e omai la terra
Altra messe non dà.

(*Manzoni, Adelchi, V, str. 9, 152*).

⁶⁸) Отсюда любопытное для XVIII века упоминание о «*Société des Nations*». Договор 28 августа 1736 г. Австрии с Францией в ст. VI говорит о «...droits, qui dans la société des nations sont reconnus». *Wenck. Codex juris gentium. I, 51. Cp. Moser. Versuch d. neuest. europäisch. Völkerrechts. 1778, VI, 398.*

лом, охватывающим правовое общение государств без пространственных пределов. Можно было говорить о фиктивном христианском обществе государств в XIV или XV веках, но по существу одно и то же договорное и посольское право применялось не только в Западной Европе, но и в международных отношениях Китая и Индии, Персии и Турции, Московской Руси и Золотой Орды⁶⁹). И не только пространственно не было пределов действительности международного права, но, как система высших норм, она могла регулировать внешние сношения, и могла в форме договоров определять и внутренний порядок отношений государств (в силу договоров в Мюнстере и Оснабрюке в 1648 г., по отношению к германским государствам, согласно договору в Оливье в 1660 г., по вопросу о положении религиозных меньшинств в Польше, по Ништадск. дог. 1721 г., по отношению к России, и т. д.). Эти тенденции сталкивались с культом государства, выше которого ничего быть не могло⁷⁰). Если естественно-правовая доктрина еще энергично настаивала на примате естественного права, стоящего выше любой внутригосударственной нормы, то новое учение о *ragione di stato* (Макиавелли⁷¹), о том, что государство есть смертный Бог и что государственная власть, как *suprema potestas*, есть господство, выше которого в правовом смысле ничего не может быть создано (Гоббес⁷²), учение, — достигшее своего апогея в философии Гегеля⁷³), — просто уничтожает правовую возможность надгосударственного порядка, потому что все право без остатка творится волею государства⁷⁴).

⁶⁹) Точно также необходимо отметить, что законы и обычаи войны, не только у арабов, но и у монголов были проникнуты гуманным духом и были одной из самых замечательных попыток систематической обработки права войны на суше. Ср. *Леонтович*. Национальный вопрос в России (без даты), 51 и д. *Его же*. К истории права русских инородцев. Ойратский устав.

⁷⁰) *Moser*. Von d. Recht der Staaten über seine Handlung zu Rede zu stellen. § 33 (там же и указания на различные межд. акты, утверждающие примат государственности).

⁷¹) *С. Котляревский*. Правовое государство и внешняя политика. 1909, 239 и д.

⁷²) *Hobbes*. De cive, cap. VI., §§ 12—13, cap. XII., § 4, cap. XIV., §§ 14—15.

⁷³) *Hegel*. Grundlinien der Philosophie des Rechts, 1821, § 258 и д., § 278 и д. «Das Volk als Staat ist der Geist in seiner substanziellen Vernünftigkeit und unmittelbaren Wirklichkeit, daher die absolute Macht auf Erden». Ibid., § 331.

⁷⁴) К этому и пришел гегелианец *Lasson*, утверждавший «вредный», и «опасный» характер международного права. *Prinzip und Zukunft des Völkerrechts*. 1871.

Органическая природа международного права несовместима с идеей государства, как последнего абсолютного морального начала⁷⁵). Эти противоречия настолько остры, что в свою очередь могут быть разрешены лишь «справедливою неправомерностью», насилем над началом неподчиненности государства правопорядку. Такое насилие или угроза насилем, без санкции со стороны писаной позитивной нормы, может быть актом индивидуальным, но может быть коллективным. Принципиально для общей международной нормы нет сдержки при вторжении ее в область внутренних отношений, и отдельные государства, считая, что их право совпадает с правом коллектива, выступали как органы высшего порядка, никем на это не уполномоченные, с требованием к другим народам соблюдать те или другие веления будто бы соответствующие общим принципам права. В этих исторических и правовых явлениях как бы предугадывалось будущее, но почти всегда эти выступления нарушали приобретенные права и были поэтому противоправными. Догматический анализ в данном случае был бы бесплоден, только генетически и затем правно-политически можно преодолеть глубокие противоречия в действующем праве и в данном случае выяснить правовую природу вмешательства, как авторитарного притязания одного или нескольких государств требовать или принуждать другое государство совершить определенные действия (*facere*) или допускать чужие акты (*pati*), не основывая этого притязания на конкретной норме позитивного права⁷⁶).

§ 3. Проблема преобразования координационной системы в высшую форму через личные усилия отдельных субъектов права и восстановление известного равновесия между основными вселенскими началами, лежащими всегда в основе международного права и нача-

⁷⁵) *Lasson*. Op. cit. стр. 23—24.

⁷⁶) „L'Intervention implique l'usage de la force pour faire prévaloir la volonté étrangère sur celle de la nation. Par suite de cet acte, la Souveraineté étrangère est substituée à celle de l'Etat indigène, et elle décide à son gré des destins de la nation chez laquelle l'intervention a lieu.“ *Carnazza-Amari* в R. I. V., 1873, 353. Ср. *Pierantoni*. Storia degli studi del diritto internazionale in Italia, 241.

„Intervention ist im Völkerrecht das gebieterische Eingreifen eines Staates entweder in die Beziehungen zweier anderer Staaten, ohne die Zustimmung beider, oder eines derselben und namentlich in die inneren Angelegenheiten eines anderen Staates“. *Geffcken* в H. N. IV., 131.

лами индивидуальными, равновесия, не находящего своего воплощения в период примата государственного интереса, может быть правильно постигнута лишь при рассмотрении того своеобразного характера, который имеет международное право в своем примитивном проявлении.

Известный швейцарский ученый Губер в своих «Социологических основах международного права» подчеркивал, что международно-правовые сношения имеют место уже на первых ступенях социальной жизни, даже у примитивных народов, повсюду, где автономные группы вступают в отношения, регулируемые представлением о праве⁷⁷). Отношения международные уже существовали в ту эпоху, когда внутри племен еще не кристаллизовалась система обязательственного права между индивидами. Губер однако считает, что этим примитивным международным правоотношением недостает общего правового основания (*eine gemeinsame Grundlage*⁷⁸). Дело ограничивается лишь партикулярными сношениями, и обязанности не вытекают из обще-признанного права, но из религиозной основы и правообразующей силы слова, подтвержденного клятвой⁷⁹). Даже при очень интенсивном международном обороте, как это было в Элладе, право покоилось прежде всего на общности культа. Связь между правом и религией рвется навсегда лишь при народжении национальных суверенных образований. Тогда создаются настоящие условия для формирования международного права, потому что только высший правопорядок, после монопольного захвата правотворчества суверенными государствами, мог стать *международным* в истинном смысле этого слова — *«international d. h. sie (die Rechtsordnung) musste auf die übereinstimmende Willen mehrer unabhängigen Gemeinwesen beruhen»*⁸⁰).

Конечно, трудно понять, почему эти воли не могли себя проявить и раньше, так как и раньше и древнему миру, и средним векам была известна совокупность независимых государств, обменивавшихся посольствами, заключавших договоры и ведших войны. В эти эпохи тоже можно было говорить об «*übereinstimmende Willen*» суверенных государств и можно было к этим эпохам с таким же успехом отнести возникновение фиктивного международного «*contrat social*».

⁷⁷) *M. Huber. Die soziologischen Grundlagen des Völkerrechts. A. R. Ph. IV., 1910—1911, 25 и д.*

⁷⁸) *Huber. Op. cit., 25—26.*

⁷⁹) *Huber. Op. cit. Ibid.*

⁸⁰) *Huber. Op. cit., 27.*

Важно однако и значительно то, что Губер правильно отметил глубокое значение религиозного момента в развитии международного права. В данном случае речь идет не о внешнем факторе, но о составной части древнего международного права, исходным моментом для которого является его религиозное освящение⁸¹). Комплекс норм, определяющих отношения народов, связывается с представлением о небожителях⁸²). Нормы, являющиеся велениями свыше можно найти и познать путем откровения, формы проявления которого чрезвычайно разнообразны: оно могло быть наблюдаемо по полету птиц, по внутренностям жертвенных животных, путем закапывания жезлов, оно могло осуществляться в грозных явлениях природы: в вихре, буре, молнии и громах. Слияние права с религией не было алогично, потому что выше людей в правовом смысле были только боги. Если божества не были сторонами в международном договоре, их надо было все-таки призвать к участию в правовом акте, и этим призывом была клятва⁸³). Но и сами боги могли стать клятвоступниками, и тогда для них наступало возмездие и наказание⁸⁴). Тогда право из *θεμις* и *δικη* делается таинственной и могучей *μοῖρα* или *Αἶσα μοῖρα* — судьбой, преследующей одинаково как богов и людей, так и народы в их отдельности и совокупности⁸⁵). Мистическая сила права становится высшей и последней мировой судебной инстанцией⁸⁶).

При таком религиозно-правовом миросозерцании один народ резко отграничивается от другого. У каждого народа, у каждого национального божества своя сфера владения, в которую никто

⁸¹) Внутри государства очень рано и очень резко наблюдается дифференциация того, что Аристотель называл *ἐπιμέλεια πολιτική* и *ἐπιμέλεια πρὸς τοὺς θεοὺς* и можно говорить лишь о *солидарном параллелизме* права и религии. Ср. *Rehm Allgemeine Staatslehre. 1899, 34.* Иначе обстояло в международных отношениях.

⁸²) *E. Meyer. Geschichte der Altertums I., 1, 2. Aufl., 132. Vinogradoff. Outlines of Historical Jurisprudence vol. II., 1922, 97.*

⁸³) О значении клятвы и гарантии богов при заключении договоров см. *Тураев. История Древнего Востока. I. 1911, 315. Vinogradoff. Outlines of Historic. Jurisprudence II, 162.*

⁸⁴) Кроме Теологии Гесиода, особ. ср. *Одиссея XVII, 430—440.*

⁸⁵) *Burle. La notion du Droit naturel dans l'antiquité grecque. 1908, 108, и д., 163 и д. Hirzel. Themis, Dike und Verwandtes. 1907.*

⁸⁶) Ср. *De Tourtoulon. Principes philos. de l'histoire de Droit 1908—1919, 589—590.*

вторгаться не может⁸⁷). В истории Древнего Израиля известен его переход к территориальному политическому образованию, когда Ягве становится богом местным, а рядом с ним живут Хамош, бог моавитян, Мильком, бог аммонитян, Астарта, богиня сидонян, и т. д.⁸⁸). Когда Израиль подвергается нападению со стороны царя аммонитского, Иеффай спрашивает нападающего. «Что тебе до меня, что ты пришел ко мне воевать на моей земле?» — «Не владеешь ли ты тем, что дал тебе Хамош, бог твой? И мы владем всем тем, что дал нам в наследие Господь, Бог наш»⁸⁹).

Если исследователь междуплеменного права (Wheeler) пришел к заключению, что в сущности система перераспределения, захвата и отчуждения территории незнакома примитивным образованиям, считающим, что религиозно недопустимо и бесцельно захватывать чужие земли⁹⁰), то международная практика держав Древнего Востока устанавливает недопустимость простого поглощения или захвата государств. Слабое образование может вступить в отношения протектората с более могущественным, но для международного правопонимания этой эпохи непонятно полное уничтожение религиозной или национальной индивидуальности хотя бы маленького народа⁹¹).

Подобные принципы характерны не только для древних государств Передней Азии, но и для держав Дальнего Востока, и у китайского философа Мех-ти, учившего в V веке до Рождества Христова, эти начала находят свое доктринальное выражение. Подобно Лао-тце, Мех-ти утверждает недопустимость насильственного нарушения существующих международных отношений. Над людьми высшая государственная власть охраняет их имущественные права; но, подобно небу, обнимающему весь свет, одно великое общение

⁸⁷) Такое резкое отграничение делает Ягве в истории Израиля, как Бога местного и национального, жестоким и нетерпимым. „L'essence d'une nation est de croire que le monde entier existe pour elle, que Dieu n'est occupé que d'elle.“ „Ce nouveau Jahvé n'est plus l'antique source de la force et de la vie dans le monde. C'est un politique massacreur, un Dieu qui favorise une petite tribu par fas et nefas.“ *Rénan. Histoire du peuple d'Israël. T. II., 1887, 263—264.*

⁸⁸) *Giesbrecht. Die Grundzüge der israelitischen Religionsgeschichte. 1908, 34.*

⁸⁹) Кн. Судей 11, 23—24.

⁹⁰) *Wheeler. Etude sur l'histoire primitive de droit international. R. I. 2. X., 1908, 8—9.*

⁹¹) *Winckler. Vorderasien im 2 Jahrtausend. Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft XVIII. 1913.*

охватывает все государства. И, если человек, отнимающий имущество у другого, совершает преступление по отношению к государству, народ, ведущий наступательную войну, совершает преступление перед небом. Поэтому недопустимо и вмешательство: никто не смеет вмешиваться в дела своих соседей⁹²).

Но если, в силу самостоятельности религиозных систем и богов, народы отчетливо утверждают свое различное бытие, противопоставляя себя друг другу, и если они ведут жестокие национальные войны⁹³), то они могут установить и *modus vivendi* и создать нечто вроде Пантеона, или международного общения богов, и могут даже допустить временное переселение национальных божеств⁹⁴).

Рядом с этой доктриной международного общения и сожителства равноправных религиозных систем создается новое учение, являющееся резким и безусловным отрицанием свободного характера общения народов на основе признания индивидуального права на существование каждой религии и каждого государства. Национальному геноцизму противопоставляется учение об универсальном и едином нравственном порядке, и народ, считающий себя носителем такого высшего религиозного, этического и правового идеала, стремится быть учителем и вождем для всех других национальных образований. Вместо идеи простого свободного общения Древний Восток дает новое слово и новую проповедь, не замыкающуюся в местных рамках, но получающее мировое распространение и отразившееся на развитии международных отношений государств в течение долгих тысячелетий⁹⁵). За несколько веков до христианской эры совершается великое чудо: страдания, а затем гибель Израиля, как национального политического единства, пробуждают с поразительной

⁹²) *Al. David. Le philosophe Mech-ti et l'idée de la solidarité. 1907, 122 и д. Ср. Kohler. Der älteste Vertreter vom Staatsvertrag. A. R. Ph. III., 1909, 26 и д.*

⁹³) Ср. в особенности священную войну Израиля. *Schwally. Semitische Kriegsaltertümer. 1900.*

⁹⁴) Ср., например, путешествие богини Астарты из Митани в Египет. *Winckler. Tel el Amarna Letters. 1896, стр. 46.* Народам Древнего Востока была знакома идея свободного общения и трудно видеть в национальном характере восточных религиозных систем препятствие к «народному» межд. права. Ср. *Постовцев. Межд. отношения и междун. право в древности. Совр. Записки, IV, 1921, 137 и д.*

⁹⁵) Эта проблема будет подробно освещена в моем специальном подготовляющемся к печати исследовании, «Международное право Древнего Востока».

силою идею вселенской, вечной и единой справедливости⁹⁶). Нарождается новая идея Бога не мстительного, а карающего, но несущего с собой высшее благо для народов — обуздание насилия. Признание единства Божественного Начала приводит к идее единства в правовых отношениях, потому что нормы международного права были связаны неразрывно с моралью и религией. После первой своеобразной теории единства рода человеческого, нашедшей свое выражение — в учении о едином прародителе⁹⁷), второй — в сказании о построении Вавилонской башни⁹⁸), третье учение утверждает необходимость нравственного сближения народов через существование Верховной Силы, управляющей вселенной через избранный народ и не могущей допустить, чтобы сыны человеческие не признавали нравственного порядка и продолжали бы враждовать между собой⁹⁹). Особенно отчетливо проявляются новые начала в сказании о пророке Ионе, где вырисовывается забота Ягве стоять на страже не одного народа, но всех народов, одинаково близких Божеству. Таким путем были заложены основы для более возвышенной религии любви и всепрощения, ставшей решающим моментом в моральном развитии человечества. Но ветхозаветное учение было не только моральной программой миростроительства, оно еще вполне конкретно и реально намечало путь, по которому должно идти осуществление великой

⁹⁶) Псалтырь 66, 3—8. Исаия 33, 34. Однако идея единства Божества и единого нравственного порядка имеет корни в религиозном мирозерцании Вавилона.

⁹⁷) Ср. *Philo Iudaicus*. *Περὶ νόμων* 3, 4, 5 (Орега, изд. Таухница 1853, т. VI), стр. 172—174.

⁹⁸) Ср. *Philo*. *Περὶ συγγένσεως διαλέκτων* (Орега II, 1851), стр. 304 и д.

⁹⁹) И у греков и у варваров, — говорит Филон, рационализируя религию Израиля, — каждый город имеет свои особенности и свои законы, не напоминающие законов других стран. Афиняне презирают обычаи лакедемонян, египтяне презирают законы скифов, скифам неведомы египетские законы. Все народы привязаны к своим обычаям и отвергают обычаи других народов, думая усилить этим свою славу.

Иначе закон Израиля. Он обращается и к варварам и к грекам, обитателям островов и континента, Востока и Запада и ко всем людям, рассеянным в разных пределах вселенной. Закон Моисея блещит среди других законов, как солнце среди звезд. Только этот закон может стать законом света. Законодатель Израиля искал свои правила не в особых и переменчивых условиях жизни одного государства; он почерпнул их из природы человека, чтобы они могли стать основой для государства вселенной. Потому что человечество есть единый народ, долженствующий иметь одну власть и один закон. *Philo Περὶ βίου Μωσέως* Libr. II, 4; III, 13 (Орега IV. 1853), стр. 204—205., стр. 228—229; Ibid. стр. 313 и д., 319 и д.

задачи, и путь этот приводил к утверждению, что единству Господина мира соответствует и единое исключительное назначение избранного народа «Раба Божьего», слугителя и вождя всех других народов¹⁰⁰).

Идея начала монизма нравственного порядка не умерла вместе с полным уничтожением Израиля и его культурного единства. В отношениях между народами идеал нравственного единства, осуществляемый индивидуальным усилием, мог получать политическую окраску и правовую формулировку, но в основе его лежала всегда вера в исключительную истинность своего понимания морали и права. В силу религиозных и этических мотивов государства утверждали не наличность императива: «поступай так, как ты желаешь, чтобы с тобой поступали», но наоборот: «поступай так, как я считаю правильным поступать». Отсюда создавалась наивная классификация государств как субъектов международного права по степени их цивилизованности протестантски-английского происхождения¹⁰¹), рецепируемая немецкими и русскими юристами¹⁰²), или же классификация государств, по религиозному признаку, и т. д.¹⁰³). При отсутствии соответственных норм объективного права создавалось фиктивное международное право, бывшее лишь притязанием морального характера. В такой форме влияние религиозного и нравственного момента сохранилось до наших дней, и это влияние отразилось в чрезвычайной мере на доктрине международного права.

В настоящее время международное право совершенно секуляризировалось и оторвалось от своей религиозной основы, но известная связь с религиозным миропониманием продолжает существовать и сейчас, поскольку в международном праве играет совершенно исключительную роль *opinio doctorum*, как источник права, или поскольку применение права находится в связи с его пониманием народом, на психологию которого церковный идеал наложил неизгладимый след. Нигде государственность не носит в себе большей печати религиозности, как в англо-саксонских демократиях, восприимчивом которых был кальвинизм, и нигде проблемы, связанные

¹⁰⁰) *Budde*. Die sogenannten Ebedjahvelieder. 1900. *Giesbrecht*. Der Knecht Gottes des Deuterjesaia. 1902.

¹⁰¹) В генетической форме теория «общения» была формулирована *Kaltenborn* в «*Kritik des Völkerrechts*» 1847 г. В догму она проникла через учение *Mill* *Dissertations and Discussions* III, 1867, 153 и д. *Lorimer*, 69 и д.

¹⁰²) Особенно см. v. *Liszt*. *Völkerrecht* § 1, 2, 3, 4. *Ullman*, 53 и д., в России: *Даневский* Основание международн. права. Юридич. Вестн. 1881 г., стр. 116 и д. *Мартенс* I, 183 и д. в новейшее время *Hershey*, 1—3, *Oppenheim* I, § 7,

¹⁰³) *Мартенс* I, 185.

с осуществлением международных норм не имеют большего значения в государственной жизни¹⁰⁴). И, если непосредственная связь между религией и правом и оказалась утерянной, то сохранилось взаимоотношение скрытое и невидимое, проявляющееся лишь иногда в попытках считать свое интуитивное и субъективное понимание права единственно верным и обязательным для всех народов. Проблема вмешательства в международном праве определяется стремлением осуществить право в его общих началах в силу индивидуального толкования и вопреки конкретным позитивным нормам. Здесь сильнее, чем в других вопросах, проявляется подземная связь права с нравственными и религиозными представлениями. Но доктрина пыталась и чисто юридически построить теорию этого института, и анализ этих попыток является необходимым для выяснения теоретической природы вмешательства в международном праве.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

¹⁰⁴) Cp. What the churches of Christ in America are doing for international justice. 1924.

О Т Д Е Л II

УЧЕНИЕ О ВМЕШАТЕЛЬСТВЕ В ДОКТРИНЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА О ВМЕШАТЕЛЬСТВЕ

§ 4. Средневековая доктрина. § 5. Учение Виктории о международном правопорядке. § 6. Теория вмешательства у Г. Гроция. § 7. Вмешательство в учении Ваттеля.

§ 4. В эпоху средних веков трудно говорить о доктрине вмешательства, потому что принципиально при господстве универсалистических тенденций, воспринятых политически от Рима и религиозно от Востока, провозглашалось начало примата единой духовной и единой светской власти, отвергавших начало свободного и равноправного сожительства суверенных государств. Правда, последовательно и до своего логического завершения эти принципы не развивались, и наряду с этим противоположные тенденции находили свое воплощение как в попытках Исидора Севильского заложить, повидимому впервые, основы систематики международного права¹⁰⁵), так и в учении Блаженного Августина и его последователей не допустить перенесения принципов языческого Рима в строительство вселенских церковных отношений. Для Августина нет и не может быть единовласти в международных отношениях. Во имя начал мира и доброго соседства, государства обязаны понять, что вселенная должна состоять из многих народов, как государство из многих граждан¹⁰⁶). Высшее счастье — жить в согласии с близкими народами, и равносильно преступлению — желание подчинить их своей власти через насилие и войну. Рах гомана для Августина — международный разбой. Народы, все без исключения, должны свободно жить со своим языком, правами и установлениями. Для единой вселенской церкви ни расовые, ни политические различия не могут быть препятствием для привлечения народов на свое лоно. Единая вера

¹⁰⁵) *Schmekel*. Isidorus von Sevilla. Sein System und seine Quelle. 1914. Новейшее издание: Isidori Hispalensis Episcopi. Ethymologiarum sive Originum libri XX, recognovit W. M. Lindsay. Oxonii 1919. *Грбарь*. Римское право в истории международно-правовых учений. 1901, 13—17.

¹⁰⁶) *Augustinus*. De Civ. Dei 4, 15 (т. I, 182, изд. E. Hoffmann, Wien. 1898).

совместима с уважением к национальным особенностям народов¹⁰⁷⁾.

Глубокая и оптимистическая точка зрения Августина преодолевается идеей верховного принудительного господства главы Церкви — папы у Фомы Аквинского и его учеников¹⁰⁸⁾. Новая теория стремится обосновать светское владычество Церкви и ищет способов сделать светских властителей орудием церковной политики¹⁰⁹⁾. Не только через отлучение, но и через «exposition en proie» — предоставление в добычу земель еретиков и ослушников своих велений, Церковь может оказать могучее давление на своих врагов¹¹⁰⁾. Пале подсудны *ratione peccati* все правонарушения публичного характера¹¹¹⁾, и он считает в праве в одних случаях подстрекать к гражданской войне и революции подданных, в других возводить на престолы монархов без согласия сословий или вообще желания населения¹¹²⁾. Иногда это вызывает решительные протесты, и Фридрих II в 1238 г. обращается с призывом к Господу быть судьей между ним и Григорием IX: «Iudicet Deus inter me militem suum et param ipsum vicarium»¹¹³⁾. Но доктрина в лице Panormitanus и Hostensis решительно утверждает допустимость для главы Церкви прибегать к насилью¹¹⁴⁾.

Декреты Иннокентия II дают папе право вторгаться в область светского управления при *casus inopinati et particulares, casus difficiles, casus ambigii* и этим создается широкое поле для произвола¹¹⁵⁾. Еще дальше идет булла *inam sanctam* (1302 г.), где утверждается, что Церковь владеет двумя мечами, что светская власть подчиняется духовной, потому что последняя божественна. Ради своего собствен-

¹⁰⁷⁾ „Haec coelestis civitas . . . ex omnibus gentibus cives evocat atque in omnibus linguis peregrinam colligit societatem, non curans quidquid in moribus, legibus, institutisque diversum est, quibus pax terrena vel conquiritura, vel tenetura, nihil eorum rescidens vel destruens, immo etiam servans ac sequens, quod licet diversum in diversis nationibus ad unum tamen eundemque finem terrena pacis intenditur.», *Augustinus. De Civitate Dei.* 19, 17 (II., п д. 1900, стр. 404).

¹⁰⁸⁾ В его: *De Regimine principum.* 1274.

¹⁰⁹⁾ *Nys.* II., 351.

¹¹⁰⁾ *Pissard.* La guerre sainte en pays chrétiens. 1912, 37 п д.

¹¹¹⁾ *Pissard.* Op. cit., 113.

¹¹²⁾ *Pissard.* Op. cit., 131 п д. 156 п д. особенно заслуживает внимания постановление собора Галликанской церкви в Тур в 1510 г., 164—165.

¹¹³⁾ *Pissard.* Op. cit., 127.

¹¹⁴⁾ *Pissard.* Op. cit., 101 п д., 95 п д.

¹¹⁵⁾ *Pissard.* Op. cit., 122—123 п д.

ного спасения всякое человеческое существо должно беспрекословно подчиняться римскому первосвященнику¹¹⁶⁾. При таком построении отношений Церкви к народам, последние становятся в отношении подвластных, и сама теория вмешательства делается ненужной, потому что папа по праву есть блюститель моральных и юридических принципов, и веления его должны рассматриваться как объективно бесспорные и подлежащие осуществлению.

Притязания советской власти находят формулировку в учении глоссаторов и Данте¹¹⁷⁾. Для глоссаторов¹¹⁸⁾ все народы уже объединены во вселенскую монархию, и главе этой державы принадлежит высшее господство и высший контроль над всеми отношениями, касающимися, как *ius publicum*, так и *ius privatum*¹¹⁹⁾. И в своих внутренних и в своих внешних несогласиях народы обязаны прибегать к решению споров со стороны императорской власти. Последней принадлежит право восстанавливать мир¹²⁰⁾. Внутри империи войны между народами, без санкции императора, являются разбоем — *latrocinia* и не могут иметь никаких правовых последствий. Точно также и перевороты внутри отдельных государств и захват власти тиранами являются всегда неправомерными, и тираны являются *latrones*¹²¹⁾. Весь род человеческий, согласно глоссе, делится на пять рядов: римский народ, его враги, народы, с которыми римский народ не поддерживает сношений, союзники и разбойники. И, если короли Франции, Англии и Арагонии пытаются самовольно прибегать к вооруженному насилью, без ведома императора, они переходят в последнюю категорию рода человеческого¹²²⁾.

При таком мирозерцании доктрина о вмешательстве тоже отпадает. Принцип *concordia ordinis* и *tranquillitas ordinis*, осуществляемые духовным или светским мечом, отрицают начало множественности свободных субъектов права и устанавливают аксиома-

¹¹⁶⁾ *Pissard.* Op. cit., 111, *Phillimore* II, 386—388. Исправленный текст буллы в *Revue des questions historiques* 1889, VII, 255 п д.

¹¹⁷⁾ *Dante.* De monarchia (около 1320 г.).

¹¹⁸⁾ *Грабарь.* Римское право в истории международно-правовых учений. Элементы международного права в трудах легистов XII—XIV в. 1901. *Brugi* Dottrina politiche dei Glossatori. 1915. *Ercole.* Impero e Papato. 1912. *Ercole.* Studi sulla dottrine di Bartolo. 1917. *S. Wolf.* Bartolus of Sassoferrato. 1913.

¹¹⁹⁾ *Salvioli.* Le concept de la guerre juste. 1918, стр. 38.

¹²⁰⁾ *Salvioli.* Op. cit., 37—38.

¹²¹⁾ *Glossa ad I., 13. Dig., XXXVIII., 1. Salvioli.* Le concept de la guerre juste, 46—47.

¹²²⁾ *Glossa in I., 28 Dig. XXVII, 15. Salvioli* Op. cit., 47.

тически подчинение одному авторитету. Конечно, доктрина единства духовного меча и единства светского меча была более идеологической, чем программой реально осуществленной. И если французский граф de Cornouailles, в ответ на «предоставление в добычу» Сицилии в 1252 г. со стороны Иннокентия IV, иронически ему отвечает «Vendo tibi lunam, ascende et apprehende eam»¹²³⁾, то такого рода ответы были бы еще более уместны по адресу императорской власти, никогда не распространившей своего политического авторитета на Арагонию, Англию и Францию.

§ 5. Только в трудах испанских схоластиков конца XVI века делается попытка построить систему международных отношений на известном опытном фундаменте. Виктория, повидимому, первый¹²⁴⁾, делает попытку охарактеризовать субъектов конструируемой им системы права, указывая на то, что таковыми являются лишь образования, обладающие совершенным суверенитетом, т. е. независимостью, отделенностью от других подобных образований, собственными органами управления, собственной законодательной властью и собственными законами. Таковы национальные государственные единства, как республика Венецианская или королевство Арагонское и Кастильское. Но могут быть и государства сложные, как империя, составленная из совершенных и несовершенных образований, соединенных господством одного правителя, объединяющим в своем лице власть над государствами членами союза. В таком объединении государства не могут по собственному праву вести войну¹²⁵⁾.

Император не господин мира, потому что ему не принадлежит над народами высшая судебная компетенция¹²⁶⁾. Также папа не может притязать на подобное господство, потому что власть папы

¹²³⁾ *Pissard*. Op. cit., 133. (Math. de Paris, an. 1252, 573, 579.)

¹²⁴⁾ *Nys*. Introduction в *Classics of International Law*. Fr. Victoria. De Indis et de Iure belli relectiones (1917), 45.

¹²⁵⁾ *Fr. de Victoria*. De Indis, relectio posterior, 425—426, стр. 277 (изд. *Nys*. 1917.)

¹²⁶⁾ „De iure autem humano constat quod Imperator non est dominus orbis, quia vel esset sola auctoritate legis, et nulla talis est; et, si esset, nihil operaretur quia lex praesupponit iurisdictionem. Si ergo ante legem habebat Imperator iurisdictionem in orbe, lex non potuit obligare non subditos. Nec hoc habuit Imperator aut per legitimam successionem, aut donationem, aut permutationem, aut emptionem, aut iusto bello, aut electione, aut alio legati titulo, ut constat. Ergo nunquam Imperator fuit Dominus totius mundi“. *Fr. de Victoria*. De Indis Sect. II., стр. 238 (изд. 1917) стр. 340—347.

распространяется лишь «in spiritualibus» — на духовные дела¹²⁷⁾.

Государства, живущие в постоянном общении, имеют известные личные или основные права. Государство имеет право на самосохранение и может защищать себя всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Но если независимость и неприкосновенность государств защищены правом, то вместе с тем каждое государство должно относиться с уважением к жизни и необходимости свободно развиваться других государств¹²⁸⁾. Эти основные начала международного права определяются религиозным сознанием, нравственным чувством, присущим человеческому роду и проявляются эти начала в многовековой и всеобщей практике народов¹²⁹⁾. Но подробнее всего Виктория останавливается на проблеме справедливой войны, которая со времени Фомы Аквинского, стала главным, если не единственным, объектом международно-правовых исследований. Однако в данном случае эта проблема меня не интересует. Важны те выводы, которые делает испанский канонист из своих основных посылок. Несмотря на свою принадлежность к Католической Церкви, Виктория решительно отвергает возможность авторитарного и насильственного вмешательства в религиозные дела¹³⁰⁾. На Новом Свете нельзя силой заставлять языческие народы принимать христианство. Сила испанцев должна служить только защите народов, уже принявших христианство, от нападений со стороны язычников. Во имя религии применять насилие недопустимо. Христиане могут быть оправданы, если они прибегают к оружию лишь для защиты против нападения со стороны врагов, стремящихся отнять у них жизнь и имущество¹³¹⁾.

Идеи Виктории являются замечательными и значительными, потому что он принадлежал к воинствующей католической Церкви,

¹²⁷⁾ „... Et quod Dominus dixit Petro, „Pasce oves meas“, satis ostendit esse potestatem in spiritualibus et non temporalibus. Et praeterea ostendit non esse in toto orbe. Nam ipse Dominus dixit (Ioann., 10) quod in fine Saeculi „fiet unum ovile et unus pastor“. Unde satis constat in praesentia non omnes oves huius oviles. Item, dato quod Christus haberet hanc potestatem, constat non esse commissam Papae. Patet, quia non minus Papa est vicarius Christi in spiritualibus quam in temporalibus“. *Victoria*. Op. cit. Sect. II., 353, стр. 241. Стр. 349—352.

¹²⁸⁾ *Salvioli*. Le concept de la guerre juste, 87—88.

¹²⁹⁾ *Salvioli*. Op. cit., 88.

¹³⁰⁾ *Victoria*. De Indis. Relectio prior., 306—336. Sect. II., 367—382 (стр. 218 и д., стр. 248 и д.) изд. 1917.

¹³¹⁾ *Fr. de Victoria*. De Indis. Sect. III., 401—402 (стр. 264—265).

которой грозили и схизматики, и мусульмане, и язычники, и он, казалось, мог бы оправдать распространение истинного вероучения кровью и мечом, ссылаясь на декреты Грациана и каноны, утверждавшие «*crimina pro Deo punire non est crudelitas sed pietas*» (Св. Иероним)¹³²). Однако взгляды Виктории являются отголоском более общего учения, знакомого и по творениям католиков-теологов и представителей реформации, что вмешательство в религиозные дела допустимо только между христианами. Эразм Роттердамский, Корнелий Агриппа, Лютер осуждают борьбу с сарацинами и турками и главной своей целью утверждают войну с «римским содомом»¹³³). И вместе с тем для лютеран кальвинисты хуже турок. В свою очередь Беллармин, Молина, Сото, Суарец и другие скорее считают необходимым авторитарное вмешательство по отношению к протестантам, но не по отношению к язычникам, потому что нельзя распространять религию путем вооруженного насилия среди необращенных, не нарушая этим самым естественного закона¹³⁴). Виктория однако заложил основы новому пониманию международного права, в котором центр тяжести переносился на его субъектов и где последним принадлежала не только теоретическая задача играть роль *differentium specificum* правовой дисциплины, но быть вообще исходным пунктом в ее обосновании и оправдании. Для Виктории ясно, что международное право выше государств, и он еще верил в своеобразную предустановленную гармонию между целым и частями, в то естественное нравственное равновесие в отношениях народов, о котором проповедывал Блаженный Августин. Отвергая принудительный универсализм средневековья, культ языческого Рима и заповеди ветхозаветного Израиля, которые пытались утвердить римские первосвященники, Виктория считал, что моральной санкции самой по себе достаточно, чтобы сохранить в равновесии всю международноправовую систему.

Его великому последователю и ученику, бывшему свидетелем тридцатилетней войны и прошедшему школу тяжелой политической борьбы, проблема представлялась под совершенно другим углом.

§ 6. Теория вмешательства у Гроция соединяется с учением о справедливой войне. Для великого голландского юриста проблема справедливой войны в смысле ее материального основания не огра-

¹³²) *Pissard*. 4. (I. Decret. XXIII., q. XIII., 13 ad Riparium contra Vigilantium).

¹³³) *Pissard*. 177.

¹³⁴) *Salvioli*. Op. cit., 107.

ничивалась исключительно понятием самопомощи, или лишь представлением о двухстороннем споре, где выступают лишь две державы — правонарушительница и жертва правонарушения. Война может быть вызвана стремлением государства альтруистически выступить в поединке в защиту высшей нормы права, нарушенной государством, не нанесям однако прямого ущерба выступающей против него стороне. Государства должны выступать на страже основ мирового правопорядка, и в этом отношении Гроций утверждает, что, кроме войн охранительного и состязательного характера, могут быть войны карательные, где не личный, а *социальный* интерес имеет решающее значение. Критика позднейших юристов, отвергающих теорию Гроция, потому что он пытается передать функции наказания отдельным государствам, тогда как известно, что наказание есть общественная задача и осуществляется органами государственной власти в пределах своей собственной территории (*Vattel*¹³⁵), *Carnazza-Amari*¹³⁶), *Pradier-Fodéré*¹³⁷), *Rougier*¹³⁸), бьет мимо цели. Гроций утверждает, что его предшественники Виктория, Васкец, Молина и другие говорили о том, что справедливую войну может начать только тот, кто сам (если он государь), или его государство является оскорбленным, или же тогда, когда он имеет особую юрисдикцию над оскорбителем. Это заблуждение объясняется тем, что все эти писатели считают право наказания особым свойством гражданской (государственной) юрисдикции, тогда как Гроций считает, что это право, независимо от позитивного законодательства, вытекает из естественного права¹³⁹). Не надо забывать, что в основе построения всего международно-правового учения Гроция лежит своеобразный монизм — идея единства *genus humanus*, рода человеческого, проходящего в своем развитии различные стадии, но преодолевающего свое естественное состояние через право¹⁴⁰), неподвижное в основных своих началах¹⁴¹) и осуществляющее на различных ступенях одну и ту же общую цель — общечеловеческий мир. Дальнейшим, послед-

¹³⁵) *Vattel*. Le droit des gens, 1774, II., 10—12.

¹³⁶) *Carnazza-Amari*. I., 555 и д.

¹³⁷) *Pradier-Fodéré*. I., 651—659.

¹³⁸) *Rougier* в R. G. XVII., 472 и д.

¹³⁹) *H. Grotius*. De jure belli ac pacis libri tres. Amsterdami. 1631 (2-ое изд.), 40, стр. 317. Ср. однако *Fr. de Victoria*. De Indis Relectio posterior 462, 467, стр. 295 и 197 (изд. 1917 г.) и *H. Grotius*. De jure praede commentarius ex auctore codice descripsit et vulgavit Hamaker. 1868 г. стр. 29.

¹⁴⁰) *H. Grotius*. De jure belli ac pacis (1631), Prolegomena, стр. 2 и д.

¹⁴¹) *Kohler*. 4.

ним, моральным и религиозным освящением международного права является реализация заповедей любви и милосердия по отношению ко всем людям, как «существам дорогим Богу»¹⁴²⁾.

При таком монистическом понимании одна линия непрерывно шла от междуиндивидуальных к международным отношениям и это было теоретическим оправданием для дальнейшего движения в пользу всеобщего мира (как на это вполне основательно в новейшее время указал Gomperz¹⁴³⁾).

Поэтому Гроций отнюдь не допускает гипертрофии государственных функций, стремящихся распространить свою компетенцию на все уголовные деяния, где бы они ни происходили, и он не конструирует мирового уголовного кодекса, но он, по аналогии с отношениями междуиндивидуальными, строит правовую систему между государственных отношений¹⁴⁴⁾. Он указывает на то, что в области суда публично-правовые функции могут выполняться не только специально на то уполномоченными органами, но в некоторых случаях и всеми людьми. Кодекс Юстиниана допускает в ряде случаев самоуправство и самопомощь. Солдаты-дезертиры, грабящие страну, могут быть всеми убиваемы. «Каждый должен знать, что он имеет право во имя общественного блага осуществлять общественную месть по отношению к открытым грабителям и дезертирам»¹⁴⁵⁾.

Сюда же относится и самоуправное убийство беглых каторжников. Очень близко подходит сюда и практика позднейшего времени, и, если наказание за долгие столетия государственной власти ею и монополизировалось, то надо отметить, что все же совершение ряда актов со стороны частных лиц по отношению к беглым преступникам является не только правом, но и обязанностью¹⁴⁶⁾. Мысль Гроция сводится к тому, что, при особенно тяжких правонарушениях, часть может выступать вместо целого, и последнее в этом смысле дает бланкетную норму. При полном отсутствии карательной организации может ли индивидуальное усилие по отношению к преступнику заполнить вияющую пустоту его полной безнаказанности? После зарождения суверенных государств, никому более не подчи-

¹⁴²⁾ H. Grotius. Op. cit., стр. 554.

¹⁴³⁾ Gomperz. Philosophie des Krieges, 1915, 123—124.

¹⁴⁴⁾ Карательная война осуществляется „... ex illo iure naturale quod et ante institutas civitates fuit et nunc etiam viget quibus in locis homines vivunt in familias non in civitates distributi“. Grotius. Op. cit. II., XX., 40, стр. 317.

¹⁴⁵⁾ Grotius. Op. cit. II., XX., 17, стр. 303—304.

¹⁴⁶⁾ Grotius. Ibid. loc. cit.

ненных, кто может быть судьей, как не они сами? — Этим объясняется, как утверждает Гроций, слава Геркулеса в древности. Он проходил ряд стран и повсюду освободил народы от их тиранов: от Антея, Бузириса, Диомеда и других. Он уничтожал злых и беспощадных властителей и «совершил обход света, наказывая преступление»¹⁴⁷⁾. Аристид был прав, заявляя, что заботы Геркулеса о благе рода человеческого дали ему право занять место среди небожителей¹⁴⁸⁾. И в современной ему международной жизни Гроций допускает возможность совершения зверств, за которые необходимо принести искупление. И такое право применяется государствами во время и после войны и не в силу гражданской (государственной) юрисдикции, но по тому естественному праву, которое царило до установления государства и продолжает царить в общинах людей, не объединенных в народы, но живущих отдельными семьями.

Однако Гроций считает необходимым сделать ряд оговорок. Прибегать к карательному воздействию нельзя под предлогом недостатков гражданских законов, или в ответ на нарушение божественного права, но не закона природы (при прелюбодеяниях, кровосмешениях), кроме того, нельзя забывать, что право не математика, и что могут быть различные степени жестокостей, и что только очевидные и исключительные жестокости могут дать основательный предлог, и, наконец, что некоторые акты правителей могут быть объяснены болезненным их состоянием¹⁴⁹⁾. В конце Гроций настаивает на том, что войны, ведомые из мести, или из желания наказать, всегда чрезвычайно подозрительны в смысле справедливости, поэтому их следует предпринимать лишь при условии, что преступления действительно были и жестокие и очевидные¹⁵⁰⁾.

Но можно ли наказывать народы за преступления религиозного характера? Covarrivius думал, что нет, но Гроций отвечает утвердительно, потому что христианские государи должны заботиться о всем роде человеческом. Они должны стоять на охране принципа существования Бога, Его единства, Его верховенства, Его участия в судьбах людей и творения Им всего сущего¹⁵¹⁾.

Затем Гроций ослабляет значение своего принципа, отвергая компетенцию Церкви в этих выступлениях и указывая на то, что

¹⁴⁷⁾ Grotius. Op. cit. II., XX., 40, 316.

¹⁴⁸⁾ Ibid., loc. cit.

¹⁴⁹⁾ Grotius. Op. cit., 41, 42, 43, стр. 317.

¹⁵⁰⁾ Grotius. Ibid., II., XX., 43, 318.

¹⁵¹⁾ Ibid., 44, 318 и д.

нельзя начинать войн против язычников и мусульман только потому, что они отказываются от истинной веры, но зато вполне допустимо с оружием в руках защищать христиан против их угнетения иноверными. Все христианские государи должны объединиться во имя этой высокой цели¹⁵²).

Теория Гроция не была в достаточной мере оценена ни современниками, ни потомством. Конечно, в известном смысле она «неисторична», потому что она предполагает вечное постоянство основных постулатов морали и права и считает пространственные и политические границы несуществующими. Вопреки ироническим замечаниям Паскаля¹⁵³), современная доктрина стоит на точке зрения принципиального плюрализма правовых систем. Даже понимаемое в смысле аналогии, учение Гроция не может отвергнуть того принципа, что убийство, или кража наказуемы не в силу общих внепространственных и вневременных норм, а в силу определенных статей Уголовного Уложения, причем между государствами может быть единогласие по вопросу о наказуемости тех или других деяний, но этого единогласия может и не быть. В итоге Гроций в двух отношениях ошибался: в смысле материальном нет и нельзя найти ни позитивного критерия, ни какой бы то ни было нормы для вполне объективной оценки «насилия» и «жестокостей», творимых согласно закону, или по чистому произволу местною властью. Отсюда вытекает и формальная ошибка: применять кару при отсутствии нормы невозможно. Поэтому никакое государство ни в прошлом, ни в настоящем не могло считать себя в праве применять наказание, вопреки принципу *nulla poena sine lege*.

Теория Гроция однако правильно отмечает противоречия, царя-

¹⁵²) Ibid., II., XVII., 12, стр. 246 и II., XXII., 14—15, стр. 348—350.

¹⁵³) „... Plaisante justice, qu'une rivière borne. Vérité au-deçà des Pyrénées, erreur au-delà. Il y a sans doute des lois naturelles, mais cette belle raison corrompt à tout corrompu. De cette confusion arrive que l'un dit que l'essence de la justice est l'autorité de législateur, l'autre la commodité de souverain, l'autre la coutume présente, et c'est le plus sûr: rien, suivant la seule raison, n'est juste en soi; tout branle avec le temps. La coutume fait toute l'équité par cette seule raison qu'elle est reçue: c'est le fondement mystique de son autorité. Qui la ramène à son principe, l'anéantit.

Pourquoi me tuez-vous? Eh qu'il Ne demeurez-vous pas de l'autre côté de l'eau? Mon ami, si vous demeurez de ce côté, je serais un assassin, et cela serait injuste de vous tuer de la sorte, mais puisque vous demeurez de l'autre côté, je suis un brave et cela est juste“. Цитир. по Funck Brentano. Le droit naturel au XVII-ème siècle. Revue d'histoire diplomatique 1887, I., 491.

щие в международноправовой системе при полном отсутствии всякой санкции против правонарушителя, переступающего требования правопорядка общего характера. Он правильно отметил и другой момент, имевший исключительное значение в смысле теоретического оправдания вмешательства: *защита социального порядка индивидуальным усилием при отсутствии личной заинтересованности сама по себе может быть гарантией справедливости этой защиты*.

§ 7. Из других представителей школы естественного права я останавливаюсь только на теории Vattel, потому что у него чрезвычайно отчетливо излагается параллельно с общим принципом невмешательства учения о вмешательстве¹⁵⁴). Этим Vattel указывает тот путь, по которому продолжает идти современная доктрина, буквально воспроизводящая утверждения швейцарского юриста XVIII века, не дополняя их иными аргументами и упорно отказываясь анализировать по существу прецедентный материал, накопившийся со времени новой эпохи¹⁵⁵).

Принципиально для Vattel государства свободны, независимы и равноправны. Отсюда вытекает общий принцип: *«Aucune nation n'est en droit de se mêler du gouvernement d'une autre»*. Это лишь прямое следствие из идеи свободы и независимости. Поэтому каждое государство может управляться так, как оно считает для себя под-

¹⁵⁴) В этом смысле Vattel идет по стопам Хр. Вольфа. Ср. его Jus gentium... (.749), § 254 и § 269. Из современников Vattel'я ср. Achenwall. Primae lineae juris gentium europearum practici. 1775, sect. II., § 29. Burlamaqui. Principes du Droit de la nature et des gens. 1768. A. VII., p. II., ch. 2, § 3. Köhler. Einleitung in das praktisch. europ. Völkerrecht. 1790, § 20. G. Martens. Précis du droit des gens. 1789, §§ 74—78. Martini. Positiones de jure civitatis. 1772, § 535. J. Moser. Grundsätze d. jetzt üblich. europ. Völkerrecht in Friedenszeiten. 1777, bd. II., cap. I., § 33, и д.; cap. IV., § 8 и д.; bd. X., cap. I., § 3; cap. IV., § 1. De Rayneval. Institutions du droit de la nature et des gens. 1893, 130 и 345. Schrodt. Systema juris gentium. 1780. Prolegomena § XII.; p. II., cap. II., § 12, §§ 18—20.

¹⁵⁵) Последователями Vattel в этом смысле является большинство интернационалистов XIX и XX века. Современный голландский ученый de Louter (в 1920 г.) утверждает, что за некоторыми исключениями „... il n'existe pas de droit d'intervention et que celui-ci doit plutôt être stigmatisé du nom d'attentat brutal contre les bases du droit,„ De Louter. I., 258. Ср. особенно: Bluntschli. §§ 68—69, 474—480. Bonfils. 175. Calvo. I., § 110. Hall-Higgins. § 92. Heffter. §§ 44—46. Fauchille. I., 538 и д. Gareis. § 26. Lawrence. 123. De Louter. I., 250 и д. Mapmenс. I., 305. Nys. II., 225. Phillimore. I., 218, 553. Pradier-Fodéré. I., 355. Rivier. Principes I., 390. Strupp. Grundzüge, 61. Ullmann. 459.

ходящим, и другим до этого нет никакого дела¹⁵⁶). Исключение может иметь место лишь при принятии государством на себя каких-либо специальных договорных обязательств¹⁵⁷). Но тут обязанности пассивной стороны надо толковать ограничительно. Во всех же остальных случаях государство может рассматривать интервента врагом. Всякие попытки добиться в чужих странах перемен в управлении недопустимы. Если государь жестоко обращается с подданными, обременяет их налогами, то это лишь дело его и его народа¹⁵⁸). Точно так же и в религиозных вопросах вмешательство недопустимо. По какому праву люди присваивают себе роль защитников и покровителей культа Бога? Если Он найдет нужным, Он Сам выберет средства, чтобы заставить народы принять истинную веру. Доктрина насильственного распространения веры есть в сущности отрицание международного права¹⁵⁹).

Те же принципы находят свое применение и в гражданской войне. Связи государства, как политического общения, могут быть приостановлены или порваны. Государь и народ могут стать двумя враждебными силами, не признающими над собой никакой высшей власти. Никто принципиально не в праве их судить и поэтому нельзя поддерживать ни ту, ни другую сторону. Нельзя подстрекать, или призывать жителей к восстанию против существующего правительства. Это — «*odieuses manoeuvres contre la tranquillité de l'Etat*»¹⁶⁰). И каждое государство считает оскорблением вмешательство извне в политическую борьбу, происходящую в его пределах¹⁶¹).

Такова принципиальная постановка проблемы с точки зрения позитивно-догматической, но является ли она удовлетворительной? И *Vattel* решительно отрицает за такой постановкой абсолютный и неизменный характер.

Во-первых, в религиозных делах, если один народ имеет единоверцев в чужом государстве, и эти последние притесняются, тогда

¹⁵⁶) *De Vattel*. Le droit des gens. 1774. Neuchâtel, vol. II., 10—12. Ср. *Renault*. Introduction à l'étude de droit international. 1879, Последний говорит: „... il (l'Etat) doit pouvoir se gouverner et administrer comme il l'entend, sans que d'autres Etats aient la prétention de lui imposer des lois sur des matières qui ne les regardent pas“. Op. cit., 22.

¹⁵⁷) *Vattel*. Op. cit., II., § 57, стр. 59.

¹⁵⁸) *Ibid.*, II., §§ 54—55, стр. 55.

¹⁵⁹) *Ibid.*, II., § 59, стр. 65 и д.

¹⁶⁰) *Vattel*. Op. cit., II., § 56, стр. 58 и д.

¹⁶¹) *Ibid.* loc. cit.

можно выступать в защиту преследуемых¹⁶²). Правда, в аналогичном случае, король Франции ответил иностранным послам, просившим за гугенотов, что он один господин у себя в государстве. Однако право в данном случае было на стороне протестантских государей: «Il n'est plus distinction d'état et de nation quand il s'agit de se réunir contre des furieux qui veulent exterminer tout ce qui ne reçoit pas aveuglement leur doctrine». Такое выступление допустимо лишь в чрезвычайных случаях, когда поведение власти нарушает все границы, установленные человечностью и моралью¹⁶³). Вторым случаем будет вмешательство в гражданскую войну¹⁶⁴). Когда государь нарушает основные законы, он дает своему народу законное право на сопротивление и когда тирания, ставши невыносимой, сама приводит людей к открытому восстанию, тогда каждая иностранная держава в праве помочь угнетенному народу, просящему о помощи. В этом смысле было вполне правомерно вмешательство Голландии при свержении в Англии Якова II¹⁶⁵). Надо всегда поддерживать людей, защищающих свою свободу. Когда дело доходит до междоусобной борьбы, иностранные государства могут помочь той стране, за которой стоит справедливость¹⁶⁶).

Наконец, третьим случаем допустимого вмешательства будут меры, принимаемые против «вредной нации» — *nation malfaisante*¹⁶⁷). Если имеется особенно беспокойный и неуживчивый народ, непрерывно поддерживающий беспорядки в чужих странах, другие нации могут объединиться, чтобы общими усилиями положить конец возможности причинения себе вреда. Можно наказывать подобный народ, и это будет достойным возмездием за политику, осуществляемую таким народом, согласно принципам Макиавелли, и сводящуюся к причинению зла другим. В таком случае и война, — как последнее и крайнее средство, — может быть справедливым воздействием против общего врага¹⁶⁸).

¹⁶²) *Ibid.*, II., § 62, 65—66.

¹⁶³) *Ibid.*, loc. cit.

¹⁶⁴) *Ibid.*, II., § 56, 57.

¹⁶⁵) *Ibid.*, II., § 56, 57.

¹⁶⁶) *Vattel*. Op. cit. II, 57—58. Ср. В новейшее время: *Hall-Higgins* § 92. *Heffter*, стр. 111. *Pinheiro-Ferreira* в примеч. к *Droit des gens Vattel* изд. Pradier-Fodéré vol. II, 1863, 25. *P. Fiore*. Nouveau droit intern. public. I, 1868, 223. Ср. однако изд. 1885, I, 516—517. Ср. и *Phillimore* I, § 393. Иначе *Despagnet*. 194.

¹⁶⁷) *Vattel*. Op. cit., II., § 53, 54.

¹⁶⁸) *Ibid.*, II., 55.

Vattel, как и Гроций, обращает мало внимания на необходимость найти конкретную норму, в виде ли обычая и прецедента, и нормативным путем обосновать как учение о невмешательстве, так и о вмешательстве. Если Гроций строит свое учение монистически, то *Vattel* чисто-эклетически, и у него случайно совмещаются равнородные элементы. Если государство действительно совершенно свободно и независимо в своей внутренней компетенции, то и по вопросам религиозного характера и в моменты гражданской войны, оно очевидно само должно решать вопросы, касающиеся его бытия. Если внутри государства идет кровавая тяжба между властью и подвластными, трудно объективно найти правовой критерий для оценки справедливости тех или иных притязаний, и всякая иностранная военная помощь может рассматриваться как самое тяжелое покушение на суверенитет государства, — жертвы подобной интервенции.

В критический момент рождения нового строя всякая попытка чужеземной инвентуры является менее всего приемлемой, если считать, что народы свободны в установлении своего правопорядка. Ни международное право, ни какое-либо иное право до последнего времени не давало критерия, оправдывающего или отвергающего перевороты внутри государства.

Третий случай, в смысле действующего права, был лишь гипотетическим, но так же как и при гражданской войне, в виду полного отсутствия объективного критерия, он открывал лишь широкое поле для самого грубого произвола.

Естественно — правовая доктрина слишком упрощала проблему. Она думала путем примитивного обращения к здравому смыслу элиминировать сложность юридических построений. *Vattel* и его ученики в романских странах как будто говорили «*Ne raisonnons pas trop dans le droit*». На самом деле вопросы вмешательства и невмешательства гораздо труднее разрешить, чем это предполагали юристы прошлого и настоящего времени, и, может быть, здесь поставлена проблема, вообще могущая найти лишь свое *частичное* решение.

Но заслуга естественно-правовой доктрины состоит в том, что она наметила правно-политический характер вопроса. Как и другие правовые дисциплины, международное право не может пройти мимо вопроса о субъектах права, являющихся активным и неразрывным элементом всех правоотношений. Государство, являясь соединением частей и целого, индивидуального и коллективного, само становится единичным во всеенском правовом общении и вместе с тем органом и частью этого общения. Как часть общения государство должно

быть достойным целого. Его уважение к высшему правопорядку связывается и с его внутренним строем, образующим как бы его нравственную личность. С точки зрения догмы можно было ограничиться требованиями формальной свободы государства, но с точки зрения правно-политической решающими могут быть требования целого — т. е. над-государственной правовой системы. Заслуга естественно-правовой школы велика в том отношении, что она, в той или иной форме, поставила вопрос (иногда бессознательно, как у *Vattel*) об органическом единстве системы международного права, для которой не может быть безразличен облик государств, как субъектов прав и обязанностей. Но для юристов XVIII века остались неразгаданными те конкретные пути, по которым должно было идти преодоление противоречий, возникающих при попытках индивидуального применения норм вытекающих из требований всеенского миростроительства, норм *будущего*, оцениваемых государствами с точки зрения их реализации в *настоящем*.

Но если естественно-правовая доктрина не могла дать ответа на этот вопрос, то не дала его и позитивная школа XIX и начала XX века.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТЕОРИЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВА У ПОЗИТИВНОЙ ШКОЛЫ

§ 8. Отсутствие систематического единства в позитивном учении о вмешательстве. § 9. Авторитарный характер вмешательства. § 10. Вмешательство и принуждение. § 11. Нормативная основа вмешательства. § 12. Объект вмешательства. § 13. Вмешательство и международноправовой деликт. § 14. Вмешательство и самопомощь. § 15. Вмешательство и состояние крайней нужды. § 16. Заключительные выводы.

§ 8. Современная доктрина в лице романской школы повторяет с самыми незначительными вариантами весь ход рассуждений *Vattel*¹⁶⁹⁾ (в части, касающейся не-вмешательства), но школа немецкая¹⁷⁰⁾, новейшая англо-американская¹⁷¹⁾ и русская¹⁷²⁾ создает из учения

¹⁶⁹⁾ *Bonfils*, 175 *Fauchille* I, 538. и д. *Nys*, II, 225 и д. *Pradier-Fodéré*, I, 551 и д. *Mérignac* I, 284 и др.

¹⁷⁰⁾ *Heffter*. III и д. *Gareis* § 27 *Kohler*, 128 *Liszt* § 7, 61 и д. *De Louter* I, 250 и д. *Ullmann*, 459 и д. *Strisower W. VR* I, 581.

¹⁷¹⁾ *Мартенс* I, 305.

¹⁷²⁾ *Hall-Higgins* § 88—95. *Hershey*, 148 и д. *Lawrence* § 62, и д. *Oppenheim* I, § 134.

о вмешательстве невероятное нагромождение гетерогенных фактов, совершенно не задумываясь над заданиями методологического и систематического характера. В рубрику вмешательства переносятся чисто-механически вопросы, имеющие непосредственное иерархическое отношение к другим международно-правовым институтам и создается логический хаос и лабиринт, из которого нет выхода. Традиции беспринципного эклектизма, воспринятые Мартенсом от Милля, упорно сохраняются в новейших курсах международного права *Liszt, Oppenheim, Hershey* и достигают своего расцвета в последней американской монографии *Stowell* наиболее бессистемной по своим основным предпосылкам. *Stowell* считает, что научно осветить вмешательство это значит «исследовать случаи, когда государство *в праве* прибегать к силе или угрозам и этим оказывать влияние на управление и внутренние обстоятельства другого государства». (*Stowell, Intervention in International Law. Preface, I—IV*) Автор совершенно не дает себе отчета, что этим самым он фактически уничтожает объект своего исследования, так как именно с точки зрения позитивного права вмешательство является тем случаем, когда нет позитивно-нормативного основания для выступления чужих государств, и в конечном итоге он вынужден рассматривать такого рода вопросы, как *expiation* — а) salute of the flag, б) expiatory missions and monuments, в) exemplary damages, и т. д. проблемы, не имеющие к вмешательству *никакого* отношения, но связанные с вопросом о международно-правовой ответственности, или иначе с учением о международном деликте¹⁷³).

Излагать и подвергать логической критике существующие теории вмешательства было бы совершенно бесплодной и лишней тратой времени. Достаточно в общих чертах наметить те некоторые итоги, к которым пришло современное учение, логически согласовать эти итоги и тогда будут ясны те выводы, которые должны разрушить сооружения современной доктрины и очистить почву для нового правно-политического понимания вмешательства.

§ 9. *Авторитарный характер вмешательства.* Доктрина единого гласна в том, что первой основной чертой вмешательства является его авторитарный характер. Вмешательство — выступление не по инициативе пассивной стороны и не в результате ее обращения к добрым услугам, или посредничеству, но это акт самовольный и спонтанный со стороны чужого государства, субституция воли своей чужой,

¹⁷³) *Stowell*. 21 и д., 31 и д. *Fauchille*. I., 564.

акт, исходящий от вмешивающегося, отнюдь не спрашивающего мнения объекта интервенции¹⁷⁴). И в этом отношении нельзя согласиться с Листом¹⁷⁵), желающим конструировать дозволенность вмешательства при наличии согласия со стороны правительства того государства, которое подвергается интервенции. Ни король Фердинанд Неаполитанский, ни принц Карл Альберт в Пьемонте, ни Фердинанд VII испанский в 1821—1822 г., не могли дать санкции вмешательству, объектом которого были их отношения к подданным и тот конституционный порядок, который они, кроме Карла Альберта, обязались клятвенно соблюдать. Формально насилие через применение австрийского или французского оружия могло ставиться в связь с положением или волеизъявлениями этих монархов, но по существу — и именно это типично для вмешательства — Австрия и Франция действовали *по собственной воле и в силу собственного понимания права*, хотя их поведение и получило одобрение со стороны других членов Священного Союза¹⁷⁶).

§ 10. *Вмешательство и принуждение.* Вмешательство, будучи императивным и авторитарным, возбуждало бы только смех (выражение Гейльборна), если бы за ним не было бы угрозы применить насилие, или если бы эта угроза фактически не реализировалась¹⁷⁷). Далеко не всегда надо, чтобы угроза нашла бы свое фактическое

¹⁷⁴) *Heilborn*. System, 354. *Cavaglieri*. 7, 8 и д. *Liszt*. § 7, II. *De Louter*. I. 251. *Marrenc* I., 305. *Ullmann*. 460. *Strisower*. 582—583. „L'intervention proprement dite doit être définie suivant moi: l'ingérence d'un Etat Etranger agissant d'autorité dans les affaires intérieures d'un autre Etat indépendant et contrairement à la volonté de ce dernier. Je dis: agissant d'autorité pour exclure toute action officieuse, gracieuse, amicale, telles que: l'interposition, de bons offices, la médiation entre les partis belligérants, toute direction donnée à titre seulement de conseil etc. J'ajoute: contrairement à la volonté de ce dernier, pour écarter le cas où l'ingérence est réclamé par l'Etat dans les affaires duquel on s'immisce, cas où il y a aide, secours, mais où l'on ne peut dire qu'il y ait intervention proprement dite“. *Pradier-Fodéré*. I., 551—552. Ср. *Stapleton*. 6. *Fauchille*. I., 541.

¹⁷⁵) *Liszt*. § 7, 63. Ср. *Fauchille*. I., 541.

¹⁷⁶) «In den Rechtsbegriff der Intervention ist aber doch das Merkmal der Eigenmacht, des Mangels der Zustimmung des oder mindestens eines der betroffenen Staates, selbständig einzusetzen». *Strisower*, W. V. R. I. 582. Такой же характер носило вооруженное вмешательство Германии в отношении Украины и Финляндии к Сов. России в 1918 г. Ср. *Strupp*, Grundzüge, 62.

¹⁷⁷) *Heilborn*. System, 355—356. „Nicht jede zwangsweise Einmischung in fremde Angelegenheiten ist im Rechtssinne Intervention, sondern nur eine solche, die sich mittels Eingriffs in die fremde Rechtssphäre, also wesentlich in Gewaltakten vollzieht“. *Strisower*. W. VR. I., 582.

применение, достаточно лишь возможность, хотя чаще всего насилие в действительности применялось, и вмешательство нормально приводило к войне: австрийские выступления в Италии в 1821 г., французское в Испании с 1808 г. по 1815 г., в 1822 г., русское в 1849 г. в Венгрии, французское в 1861 г. в Мексике сопровождалось не только угрозой, но настоящей международной войной, и такая потенциальная возможность войны всегда содержится в вмешательстве¹⁷⁸⁾. Здесь, конечно, происходит очевидное нарушение личной неприкосновенности и свободы других государств и здесь острее всего чувствуется противоречие в системе международного права, защищающего теоретически личность каждого государства и допускающего вместе с тем открытое насилие, или угрозу насилием¹⁷⁹⁾. Гейльборн считает, что вмешательство не нуждается в особом правовом обосновании при наличии угрозы войной, потому что тогда устанавливается некоторое равновесие между вмешивающимися и жертвой интервенции в смысле одинакового риска. Если же нет этой угрозы, вмешательство должно быть специально оправдано нормативным путем. Однако это различие не выдерживает критики, как правильно указали *Cavaglieri* и *Strisower*, потому что интервент может прибегать и к другим средствам принуждения: реторсиям, репрессалиям, мирной блокаде, и характер вмешательства не может измениться из-за характера средства принуждения¹⁸⁰⁾.

§ 11. *Нормативная основа вмешательства.* Эта основная сторона проблемы была освещена лишь *Heilborn* и *Cavaglieri*¹⁸¹⁾ и выводы обоих совершенно игнорируются современной доктриной (в особенности *Stowell*). Для вмешательства типичен его односторонний характер. Цель вмешательства — покушение на чужую свободу при

¹⁷⁸⁾ *Heilborn. System.*, 356 и особенно 363. Ср. однако *Fauchille. I.*, 540, *Hall-Higgins* § 88, 293.

¹⁷⁹⁾ Ср. *de Louter. I.*, 258. *Strisower. W. VR. I.*, 588—589. *Strupp.* 59 и др.

¹⁸⁰⁾ *Cavaglieri* 41—46. *Strisower Ibid.*, 582. Последний вполне основательно замечает: «Es ist systematisch unrichtig die Intervention neben Repressalien, Krieg usw. als Streiterledigungsmittel zu setzen.» loc. cit. Ср. однако *Hobza* 9—11. *Liszt* § 38. *Ullmann*, 459.

¹⁸¹⁾ *Cavaglieri. 122. Heilborn. System*, 360 и д. *Lawrence. § 75. H. v. Rotteck.* 60 и д., 92 и д., „So oft auch Einzelinterventionen oder Kollektivinterventionen mehrerer Staaten stattfinden, bei denen sie eingeführt wurden, so wenig lässt sich einigermassen feststellen, dass die betroffenen Staaten, selbst wenn sie sich solchen Interventionen fügten, dies in Anerkennung eines Rechtssatzes und nicht bloss wegen angedrohten oder geübten Gewalt taten“. *Strisower. W. VR. I.*, 588.

принципиальном признании этой свободы. Тут происходит своеобразное демонстрирование правового лицемерия, выражающегося в том, что под видом осуществления фиктивного права в сущности совершается тяжкое правонарушение. Гейльборн иллюстрирует это положение анализом знаменитой Лайбахской депеши 12 мая 1821 г., где утверждается допустимость реформ под условием свободного их октроирования законными государями. Поэтому государство-жертва интервенции менее всего обязано исполнять притязания интервента. *Для интервента нет права и поэтому для пассивной стороны не может быть обязанности*¹⁸²⁾. Некоторые юристы пытаются нормативно оправдать вмешательство указанием на то, что в области частно-правовых отношений могут быть ограничения в пользовании самого по себе законного права. Вследствие злоупотребления право может стать потерянним. В частном праве таким образом действует общий принцип «*qui suo iure utitur neminem laedit*», но с ограничениями, установленными законом¹⁸³⁾. Конечно, нельзя эти нормы просто переносить в международные отношения, но все-таки, если государства могут, как желают, пользоваться своей свободой и независимостью, то против попыток использовать эти права без правонарушений, но во вред другим народам, должны быть созданы предохранительные меры. *Cavaglieri* приводит комментарий итальянских юристов, что этот вред должен быть следствием плохого, или не-нормального использования прав, но вынужден сам признать, что эти понятия очень неопределенны¹⁸⁴⁾. В некоторых законодательствах однако имеются специальные указания на случаи злоупотребления правом, и сомнения разрешаются применением соответственной нормы. В международном праве таких указаний нет. В международном праве вмешательство осуществляется *без нормативного основания со стороны позитивного права, и это его третья характерная черта*¹⁸⁵⁾.

§ 12. *Объект вмешательства.* Для вмешательства характерны и те действия, к которым психически или физически принуждается

¹⁸²⁾ *Heilborn. System*, 354—355. Ср. *Strisower. W. VR. I.*, 588—589.

¹⁸³⁾ *Heilborn. System.* 361. *Cavaglieri*, 30—35. *Strisower* говорит о «*Sittliche Angemessenheit*» в пользу вмешательства в случае внутреннего разложения государственного строя или в случае контр-вмешательства *Strisower. W.V.I.*, 588; *Strisower, Krieg*, 125. *Wheaton-Coleman Phillipson*, 127—130

¹⁸⁴⁾ *Cavaglieri.* 35.

¹⁸⁵⁾ Отсюда и совершенно неправильная терминология *Hershey: «Intervention on Legal Grounds»*. Законных или правовых оснований в смысле позитивного права при вмешательстве именно нет. *Hershey*, 149, и д. Ср. однако *Fauchille I.*, 545 и д. *Hall-Higgins* § 95, 303. *Phillimore, I.*, 559.

жертва интервенции. Воля вмешивающегося не столько становится на место воли пассивной стороны, которая не осуществляет акты (fасере) в пользу интервента и не терпит (pati) известных поступков со стороны последнего, но сама должна совершить ряд положительных действий в своих внутренних отношениях или должна допустить совершения актов со стороны третьих государств в пределах своей компетенции. Иногда требуется изменение государственного строя, иногда законодательства, иногда отказ от территориальных приобретений (как это было по отношению к Японии по заключении ею с Китаем Симоносекского мира в 1895 г., согласно требованию Германии, России и Франции¹⁸⁶).

§ 13. *Вмешательство и международно-правовой деликт.* При нарушении нормы международного права (деликте) одним государством возникает его ответственность перед другими, интересы или права которых были нарушены. Казалось бы, что этот институт ответственности не имеет никакого отношения к вмешательству, как к авторитарному выступлению не на основе позитивной нормы, однако доктрина в лице Мартенса¹⁸⁷), *de Louter*¹⁸⁸), *Liszt*¹⁸⁹), *Oppenheim*¹⁹⁰), *Hall-Higgins*¹⁹¹), *Hershey*¹⁹²) упорно смешивает эти два института. Все эти ученые утверждают допустимость вмешательства при наличии договора, создающего подобное право, как это было например, с Польшей, которой государства-соседи гарантировали ее конституционный строй (1773 г.). *Oppenheim* идет дальше и до чрезвычайной степени расширяет количество аналогичных случаев¹⁹³). По его мнению, государство-сюзерен может вмешиваться в дела государства-вассала, согласно договору протектората. Затем, государство может вмешиваться, защищая интересы своих подданных за границей. Государство может вмешиваться в силу любого международного договора, дающего основание для такого выступления, и т. д. Тут очевидно, имеется недоразумение. При наличии выполнения обязанностей со стороны другого контрагента во всех этих

случаях никакого вмешательства нет и не будет. Если же договорные обязательства, или вообще любые нормы международного права нарушаются, имеется налицо международно-правовой деликт и возникает нормально ответственность за правонарушение. Юридически иначе проблема не может быть разрешена, и все построения и рассуждения на эту тему *Liszt*, *Martensca*, *Oppenheim*, *de Louter*, или *Stowell* являются какой-то загадочной аберрацией, совершенно не могущей быть оправданной особенно у ученых, специально, монографически разрабатывавших проблему вмешательства. Такие простые результаты важны и при чисто практическом применении нормы, потому что дело должно идти не о случае, когда обязанная сторона свободна от исполнения обязательства и в праве отвергнуть притязание другой стороны (как это допустимо при вмешательстве), но наоборот, о правовом долге, возникающем *ex delicto*. *Защита своих подданных покоится на обычном праве и на договорах*, и совершенно недопустимо, следуя *Oppenheim*, переносить этот вопрос на шаткую и выбукую почву вмешательства. Недостаток систематичности и логической продуманности могут иногда жестоко отомстить за себя¹⁹⁴).

§ 14. *Вмешательство и самопомощь.* Вмешательство не имеет ничего общего с самопомощью (в ее международном значении). Последняя отнюдь не является непосредственным голым насилием, или простым косвенным принуждением. Она является *или реакцией на правонарушение*, или *поиском и осуществлением своего правопритязания*. В том и другом случае характерно для самопомощи, что она или ответ правонарушением на правонарушение (реторсия), или самовольное и одностороннее проведение своего притязания

¹⁹⁴) Что происходит при смешении ответственности из деликта с вмешательством, видно из следующей системы построения видов вмешательства в новейшем (1920 г.) исследовании *Stowell*. Глава II посвящена International Police, под которой подразумевается международно-правовая практика. Это выражение «is used in the sense of justifiable action to enforce a compliance with the provisions of international law». В «Police» различаются:

- I. Humanitarian Intervention (стр. 51 и д.).
- II. Persecution (63 и д.).
- III. Oppression cruel and unnecessary suppression of the national institutions (86 и д.).
- IV. Uncivilized Warfare (violations of the laws of war) (125 и д.).
- V. Injustice: a) extraordinary crimes, b) persistently abusive treatment c) constitutionalism и т. д. (139 и д.).
- VI. Suppression of the Slave Trade. (195 и д.).
- VII. Humanitarian Asylum (205 и д.). Трудно уловить какую-либо мысль в этом невероятном нагромождении совершенно разнородных фактов.

¹⁸⁶) *Cavaglieri*. 91—97. *Heilborn*. System, 355 и д. *Strisower*. W. WR. I., 581—582.

¹⁸⁷) *Martensca*. I, 307—308.

¹⁸⁸) *De Louter*. I., 256. Ср. *Rivier*. Principes, I., 390. *Mérignhac*. I., 291. *Kebedgy*. 53.

¹⁸⁹) *Liszt*. § 7, 63.

¹⁹⁰) *Hall-Higgins*. § 92.

¹⁹¹) *Oppenheim*. I., § 135, II., § 246.

¹⁹²) *Hershey*. 149—151. Ср. также *Heffter*. § 104 и *Bluntschli*. §§ 471, 478.

¹⁹³) *Oppenheim-Roxburgh*. I., § 135. *Geffcken* в Н. Н., IV., 134 и 157.

через нарушение интересов чужого государства, защищенных правом (репрессалия) или, наконец, применение насилия, могущего перейти и в *ultima ratio* — войну.

В данном случае характерно обоснование насилия ссылкой на правонарушение или на персональное правопритязание. В вмешательстве государство выступает не как лично пострадавший, но во имя интересов целого, или даже самой пассивной стороны. Формально нет ссылки на конкретное правонарушение, и дело идет о вполне специфическом акте: требованиях интервента, чтобы пассивная сторона осуществила ряд мер вопреки своей собственной воле.

§ 15. *Вмешательство и состояние крайней нужды.* В ответ на проекты европейских континентальных держав предоставить Австрии право уничтожить конституционный строй в Неаполе, лорд *Castelreagh* в знаменитой ноте 19 января 1821 г., утверждал, что только в одном случае допустимо вмешательство, именно когда непосредственная безопасность и жизненные интересы одного государства серьезно скомпрометированы событиями, происходящими внутри другого государства¹⁹⁵). Другими словами здесь намечается состояние крайней нужды, которое оправдывает вмешательство¹⁹⁶). Однако само учение об этом состоянии можно перенести лишь с большими затруднениями в международные отношения¹⁹⁷). Государства обладают большою эластичностью, чем живые физические личности. Территориальные расчленения, временная потеря территориального господства, самые тяжелые внутренние кризисы не уничтожают государственного единства. Наряду с этим международное право, в противоположность внутри-государственному, отнюдь не гарантирует в абсолютной форме «персональной целостности и неприкосновенности государств», их «*integrità personale*», хотя бы потому, что оно допускает войну и уничтожение государства через аннексию¹⁹⁸). При состоянии крайней нужды сталкиваются определенные юридические интересы, объекты охраняемые правом: свое и чужое суще-

¹⁹⁵) *Martens*. N. R. IX., 595—598.

¹⁹⁶) Ср. однако *de Louter*. „Chaque Etat a le droit d'agir arbitrairement si la marche des affaires dans un Etat qui l'avoisine constitue un danger imminent pour sa propre existence, son repos et sa sécurité“. *De Louter*. I., 254. Ср. *Chrétien*. 300. *Despagnet*. 255. *Pradier-Fodéré*. I., 440.

¹⁹⁷) Ср. особенно *Cavaretta*. *Diritto interstatuale* I, 143—170 и *Cavaretta*. *Lo stato di necessita nel diritto internazionale* 1910. Подобное вмешательство имеет место, когда государство выступает в защиту персональной целостности другого государства, как субъекта права. Ср. *Cavaretta*. *Diritto interstat*, 155 и д.

¹⁹⁸) *Cavaglieri*. 47 и д.

ствование, при вмешательстве сталкивается интерес, защищенный правом — независимость государства с интересом, не находящимся под правовой охраной. Уже, по одному этому основанию нельзя смешивать вмешательство и состояние крайней нужды, как на это правильно и указал *Cavaglieri*¹⁹⁹).

§ 16. *Выводы.* Позитивная доктрина настаивала на том, что в области научного изучения права необходимо установить систему логической иерархии, она требовала единства объекта и, указывая на значение образования понятий и терминологии, полагала, что при строгом проведении однородности метода, международное право можно свести к законченной системе правовых суждений, образующих самостоятельное и автономное целое. *Heffter* утверждал «*Im Völkerrecht kann nur von Rechtsgründen die Rede sein*» и в свою очередь *Jellinek* провозгласил второй основной постулат, сводя к нему свою пеструю коллекцию основных прав государства: «*Kein Staat kann rechtlich von dem anderen etwas fordern oder ihn rechtmässig zu etwas zwingen als auf Grund eines Rechtssatzes*»²⁰⁰).

При таком понимании системы международного права остаются два выхода: или международное право действительно система общих норм, иерархически между собой связанных, и тогда эти нормы должны быть соблюдаемы, и тогда в этой системе нет места вмешательству и его просто нужно хирургическим путем раз навсегда элиминировать из сферы «правовых суждений». Или же, можно сохранить в системе права вмешательство, но рано или поздно оно подорвет и отравит всю систему существующих норм, потому что по аналогии можно будет вводить в систему бесконечное число и других фиктивных юридических институтов и право станет конгломератом произвольных и доктринальных утверждений. Если бы доктрина ограни-

¹⁹⁹) *Cavaglieri*. *Ibid.*, loc. cit. „*Wäre die Intervention nur im Notstande statthaft, so brauchten wir keine Interventionslehre*. Die Zulässigkeit der Intervention ergäbe sich dann nicht aus einer besonderen Völkerrechtsnorm, sondern aus der allgemeinen Notstandsnorm des Völkerrechts; die Intervention wäre nur eine der im Notstande unverbottenen Handlungen“. *Heilborn*. *System*, 358. *H. v. Rotteck*. 20. *Ullmann*. 461.

Против этой юридически единственно допустимой гипотезы: *Chataubriand* в речи в палате депутатов в 1823 г. *Moniteur* 15. févr. 1823. *Guizot*. *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*. IV., 4—5. *Rossi*. *Mélanges, droit des gens, intervention*, т. I., 442. *Wheaton*. *Eléments de droit international*, т. I. 1874, 93.

²⁰⁰) *Jellinek* *System*, 318. Отсюда *Strupp* вполне последовательно приходит к выводу, что вмешательство всегда противозаконно. *Strupp*, *Grundzüge*, 61. Ср. *Funck Brentano—Sorel*, 216—217. *Piédélièvre*. I. 260.

чилась подобным результатом, то это свидетельствовало бы лишь о регрессивном характере ее развития. Однако идеи Гроция и Ваттеля не погасли совершенно и не исчезли в современной науке и, наоборот, опять получили новое теоретическое оправдание. В сущности учителем естественного права были поставлены две проблемы: о своеобразном выступлении государств, как членов и органов над-государственного общения и во-вторых, о том, может ли иметь это выступление *какое-либо* (не позитивно-правовое) нормативное основание? В такой формулировке проблема ставится исключительно *de lege ferenda*, и на оба эти вопросы пытались дать ответ французский и итальянский ученые: *Rougier* и *Cavaglieri*.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРАВНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВА

§ 17. Теория *intervention de l'humanité*. § 18. Учение *Cavaglieri*. § 19. *Вмешательство в соглашениях о Лиге Наций*.

§ 17. Французский ученый *Rougier* утверждает, что существует теория вмешательства во имя человечности (*intervention de l'humanité*)²⁰¹). Эта теория провозглашает, что имеется право на вмешательство и на установление международного контроля над государством, власть которого позволяет себе акты, противные требованиям человечности. Согласно этой доктрине, каждый раз, когда открыто попираются «законы человечности», одно или несколько государств могут вмешаться во имя интересов Общества народов — «*Société des nations*». Вмешательство выражается в тройной форме: в требовании аннулирования тех актов власти, которые являются бесчеловечными, в восполнении бездеятельности государства немощным принятием соответственных мер и, наконец, в создании гарантий для будущего, чтобы подобные акты больше не повторялись²⁰²). Государство может прибегать к самопомощи, защищая свой нарушенный интерес, но при вмешательстве гуманитарном нет личного,

²⁰¹) *Rougier* в R. G. XVII., 478—526. Ср. *Arnzt* в R. I. VIII., 675. *Heffter*. § 45. *Heiberg*. 14—15. *Hodges*. 91. *Fauchille*. I., 564—565. *Kebedgy*. 78. *Pillet*. *Principes de droit international privé* 1903, 171. *Rolin-Jacquemyns* в R. I. VIII., 675. *H. v. Rotteck*, 11, 36. *Stowell*. 53 и д. *Strisower*. *Krieg*, 121. *Vié*. 26. *Westlake*. I., 319 и д. Ср. также *Borchard*. 14 и д.

²⁰²) *Rougier*. 472. *Mandelstam*. *Le sort de l'empire ottoman*. 1917, 414—462.

корыстного мотива. Здесь государство выступает, как орган и часть целого, и такое выступление напоминает *actio popularis*²⁰³).

Гуманитарное вмешательство допустимо и согласно прецедентам, и согласно доктрине. (*Rougier* ссылается на европейскую практику по отношению к Турции, так же как и авторитет *Rolin-Jacquemyns*, *Basdevant*, *de Lapradelle*)²⁰³). Государственная власть основывается на общей воле людей и поэтому она должна относиться с уважением к человеческой личности²⁰⁴). Если государство не обеспечивает правильного хода правосудия, оно теряет право на уважение со стороны других государств²⁰⁵).

С другой стороны человеческая деятельность не ограничивается государственными пределами, и можно говорить о более широком общении всех людей, как членов единого человечества. Здесь заложены прочные основы солидарности и имеются три комплекса прав таких, как: *droit à la vie*²⁰⁶), *droit à la liberté*²⁰⁷), *droit à la légalité*²⁰⁸), которые должны пользоваться всеобщей защитой. Нарушение этих трех основных видов права узаконяет и оправдывает всякое вмешательство. Оно оправдывает крестовый поход против врага человеческого, «*christian war*», как называли свою борьбу американцы за освобождение Кубы²⁰⁹). Такое вмешательство может быть осуществлено единолично, но для полного беспристрастия нужна его международная санкция.

Конечно, могут быть возражения, и, прежде всего, разве «понятие человечности и бесчеловечности не меняются в зависимости от расы, климата, эпох, физической и моральной чувствительности индивидов»? И можно ли найти общий критерий для европейца, дорожащего своею жизнью и для монгола, гораздо более легко с нею расстающегося?

И затем насколько даже гуманитарное вмешательство является в правовом отношении чистым? Не является ли гуманитарная интервенция первым шагом к моральному поглощению, к попытке расширения сферы политического влияния? Контроль — первая ступень к владычеству: «*Ainsi l'intervention d'humanité apparaît comme un*

²⁰³) *Rougier*. 478—479.

²⁰⁴) *Westlake*. I., 319—320.

²⁰⁵) Ср. *Westlake*. *Op. cit.*, *Ibid*.

²⁰⁶) *Rougier*. 517—518. *Mandelstam*. *Op. cit.*, 445.

²⁰⁷) *Rougier*. 518—520. *Mandelstam*. *Ibid*.

²⁰⁸) *Rougier*. 521—523.

²⁰⁹) *Rougier*. 524—526. *Mandelstam*. *Op. cit.*, 463.

moyen juridique ingénieux d'entamer peu à peu l'indépendance d'un Etat pour l'incliner progressivement vers la «mi-souveraineté»²¹⁰).

Поскольку *Rougier* связывает свое учение с действующим правом, он, бесспорно, совершает ошибку. Прецеденты, упоминаемые им, иногда вовсе не имеют отношения к вмешательству.

Выступления отдельных держав и «европейского концерта» по отношению к Турции имели своим основанием международные договоры или собственные просьбы Блистательной Порты. Вопрос о том, что в основе государств лежит принцип народного суверенитета, теоретически спорен и отнюдь не может оправдать внешнего давления на власть. Попытка конкретизировать «законы человечности» тоже неудачна, потому что она произвольна и не вытекает ни из общих начал международного права, ни вообще из какого-либо правового источника, а имеет дело с ценностями морального характера. Но *Rougier* прав в том смысле, что мировое общение наряду с процессом перехода к новой централизующей и социально-организованной системе выдвигает на первый план и человеческую личность, облагораживая ее, делая ее дестинатором норм и обязывая, в ряде случаев, государства уважать духовные права человека. Если *Stammler* говорил о *Weltrecht*, как о высшей правовой надгосударственной системе²¹¹), то он был тоже в известной степени прав, потому что она начинает в наши дни получать первые признаки своего формального существования. Складывается специфическая система международной охраны прав человеческой личности. И, при известной общности правовых национальных систем, при их сознательной нивелировке во имя потребностей все растущего международного оборота, члены вселенского единства не могут не реагировать болезненно на реакционные и регрессивные тенденции отдельных народов, или на попытки какой-либо государственной власти вырвать у людей пользование не материальными благами, но и величайшими духовными ценностями.

Здесь возникает вопрос чрезвычайного теоретического значения: должна ли система охраны прав личности принять форму установления *Weltbürgerrecht*, т. е. своеобразной универсалистической и единой правовой системы, или же, сохраняя компетенцию государственного господства по отношению к подвластным, международный правопорядок лишь должен ограничиться своеобразным вер-

²¹⁰) *Rougier*. 526.

²¹¹) *Stammler*. Lehrbuch der Rechtsphilosophie 1922, 282 и д. Ср. *Verdross*. Einheit, 62—64.

ховным контролем над осуществлением власти в различных государственных образованиях, объединенных в Международный Союз? Только последняя форма эмпирически, при современных исторических и политических условиях, является возможной, и только через нее права человеческой личности могут найти свою защиту. Пути практического осуществления тоже могут быть различны. Или можно принять принцип постоянства международного контроля, или менее гибкое начало постоянства публично-правовых гарантий во внутригосударственном строе, получающим свое международное освящение в определенной форме правового, «свободно-управляемого» государства. В таком случае вмешательство в материальном смысле по своему объекту совпадает с признанием, в особенности, когда последнее получает коллективный характер, или сопровождается определенными револютивными условиями. Этой проблемой, являющейся тоже «частичным» разрешением вопроса о вмешательстве, я посвящаю вторую часть своей работы. В практике подобная тенденция находила свое воплощение чаще, чем принято это допускать. *Rougier* слишком упрощает проблему, думая, что в гуманитарном вмешательстве отражается лишь правовое фарисейство и желание во имя моральных принципов осуществлять простую эгоистическую программу расширения политического влияния. Вмешательство, на самом деле, сочетание и тесное сплетение двух начал: индивидуального проявления по существу сверх-индивидуальной и коллективистической оценки права. Тут есть элемент выгоды, но уже есть элемент альтруизма и подвига. В этом его значении, оставшееся темным и для естественно-правовой и для позитивной доктрины.

§ 18. В противоположность *Rougier*, *Cavaglieri* резко отвергает возможность индивидуального вмешательства и допускает только коллективное²¹²). Он не отрицает, что вмешательство очень близко напоминает то, что во внутригосударственном праве именуется *azione popolare*, т. е. случай, когда гражданину принадлежит право защиты перед судом публичных интересов, что нормально принадлежит к функциям органов государственной власти. «L'attore appare

²¹²) „L'humanité ne peut être représentée que par tous les autres Etats ou tout au moins par le plus grand nombre des Etats civilisés, qui doivent se réunir en Congrès ou en tribunal pour une décision collective”. *Arnzt*. R. I. VIII., 675. *Pufendorff*. De iure naturae et gentium. 1672, V., XII., § 7. *Gejcken* у *Heffter* § 46, примеч. 1. *Marrens*. I., 307. *Kebedgy*. 82. *Rivier*. Principes I., 403. *Fedozzi* в *Archivo giuridico*. 1899. III., 267. *Cavaglieri*. 46 и д.

come rappresentante dell' interesse pubblico, del diritto della comunità, anziché come difensore di interessi e diritti sui proprii»²¹³). Но в области международного вмешательства такое индивидуальное выступление невозможно. Ни одно государство не может быть судьей в делах другого, и здесь опаснее всего, чтобы *summum jus* не стал бы *summa injuria*.

Вмешательство допустимо только для защиты коллективных интересов. Внутри государства имеется *ordre public*, совокупность основных принципов, на которых покоится вся существующая политическая и социальная организация²¹⁴), между государствами тоже имеется свой *ordre public*, являющийся для общения народов такою же высшею ценностью, как и соответственные начала для отдельного государства²¹⁵). Правда, международное право еще проникнуто эгоцентрическими и индивидуалистическими тенденциями и оно имеет безвластный, анархический порядок, но наличность правового общения выдвинула задачу охраны общего правового достоинства. Формула, охватывающая наиболее значительные интересы, может выразиться в одном слове: «*normalità*», нормальный строй жизни общества народов. Этот порядок в дальнейшем можно определить лишь отрицательно, как отсутствие аномалий, пертурбационных факторов, но не положительно²¹⁶). Это — строй относительного спокойствия, относительного мира и он является тем правовым благом, покушения против которого недопустимы. У *Cavaglieri* оно отчасти связывается и с идеей политического равновесия, которое поддерживает «*coesistenza normale e pacifica*» всех государств²¹⁷). С другой стороны сюда приближается и теория вмешательства во имя человечности. Здесь выступление вызывается глубоким потрясением нормальных условий жизни международного общества²¹⁸).

Однако можно ли говорить о том, что подобные принципы уже получили правовую силу в современных условиях международной жизни? Соглашений об этом не было (до 1919 г.), обычай установить невозможно, и, в сущности, можно было бы найти некоторую опору в доктрине, но она была чрезвычайно неустойчива и противоречива. Считать, что здесь имеется норма, но в латентном, скрытом состо-

²¹³) *Cavaglieri*. 55.

²¹⁴) *Cavaglieri*. 63—69.

²¹⁵) *Cavaglieri*. 70 и д.

²¹⁶) *Cavaglieri*. 104 и д.

²¹⁷) *Cavaglieri*. 105.

²¹⁸) *Cavaglieri*. 106—108.

янии значит просто уклоняться от ответа²¹⁹). Признание в ряде международных актов идеи солидарности народов, или же начала «*stabilité de l'association générale*» (Ахенский протокол 1818 г.), «*l'intérêt du repos de l'Europe*» (Лондонский договор 1830 г.) «*une pensée d'ordre européen*» (Берлинский трактат 1878 г.) еще отнюдь не свидетельствует о коллективном праве охранять эти блага вмешательством во внутренние или внешние дела другого государства²²⁰).

Cavaglieri отвергает идею индивидуального вмешательства, потому что считает, что она не может дать гарантий, которые дает коллективное выступление держав. Он только упускает из виду, что в международных отношениях нет той логической последовательности, которую он желает установить. Интуиция нового порядка и насильственное вмешательство было слишком часто личным выступлением а иногда и личной жертвой. Защита прав религиозных меньшинств, или угнетенных национальностей нормально не становилась все-европейским или мировым делом, а было объектом спора двух-трех наиболее заинтересованных государств. Общество народов до последнего времени не имело корпоративной организации, и даже такой факт, как появление в общении нового субъекта права, получал формальную санкцию, не путем общего приема, но индивидуальным признанием.

Черты организации с зачатками авторитарного центра были до 1919 года лишь неясным миражем, фатаморганой, и слова, произносимые в Ахене, Лондоне, Париже и Берлине, были формой, прикрывавшей совершенно другое содержание и свидетельствовавшей лишь об общем правовом языке. Общение было таковым только потому, что было общее право, весьма эластичное, очень краткое в мировом смысле, более подробное в европейском и большого объема в чисто партикулярной форме отношений друг к другу двух конкретных государств. Отсутствие организации, конечно, не было равносильно отсутствию интересов, и дело шло не об охране несуществующей мировой конституции, но лишь об экономической, духовной и технической связанности государств. Одним понятием порядка и *status quo* нельзя было наполнить несуществующую хартию *civitas maxima*. Последней не было, и в этом смысле не было позитивно-нормативного основания для коллективного вмешательства.

Но у *Cavaglieri* верна не его позитивная тенденция, но указание, что в современном общении народов некоторые ценности должны

²¹⁹) Ср. *Cavaglieri*. 155—156 и д.

²²⁰) *Cavaglieri*. 155—156.

получить правовую защиту. Современная доктрина не отдает себе отчета в том, что центр всего учения остается наиболее хрупким и уязвимым. Народы, конечно, свободны, независимы и равны, но над этой свободой висит Дамоклов меч войны и насилия со стороны более могущественных держав. При отсутствии организованности на основе субординации кажущиеся широкие права делаются чисто декларативными; иначе обстоит дело при признании их и гарантии, хотя бы в меньшем объеме со стороны общего правопорядка. В основе грядущей хартии прав народов неизбежно должен лежать принцип *normalità*, начало отказа от самовольного нарушения мира и спокойствия, и это является ценой, которую приходится платить за признание субъективных прав. Оба начала живут совокупно одним дыханием и поэтому всякая хартия двухсторонняя. Однако в международной жизни идеал мира и гарантий может реализовываться лишь медленно и постепенно и вряд ли получит когда-либо свое полное завершение. И если до этого момента как индивидуальное, так и коллективное вмешательство остается в силе, то постепенно позитивное право будет все более и более сокращать пространство применения вмешательства как способа, противного действующим нормам, хотя и расчищающего путь для новых условий жизни народов.

§ 19. Если современная доктрина до последнего времени не могла теоретически справиться с учением о вмешательстве, то после мировой войны была предпринята новая попытка, хотя и одетая в позитивную форму, но, в сущности, лежащая в сфере политики права²²¹).

Здесь как будто сознательно фиксируются те начала, о которых говорил *Cavaglieri* и делается впервые последовательный опыт осуществления «коллективного» вмешательства.

Правда, эта область является очень ограниченной, и в этом смысле можно говорить только о своеобразном «частичном» разрешении сложной проблемы вмешательства. Лига Наций должна была быть «Союзом мира», и в своих внутренних между-государственных отношениях, согласно своей конституционной хартии, она заставляет своих членов предварительно использовать все мирные способы разрешения конфликтов и только в крайнем случае, по исчерпанию других средств, допускается война, причем, если к войне прибегает сторона, или отвергая другие средства, или совершившая вторжение в ком-

²²¹) *Schücking-Wehberg*. Die Satzung des Völkerbundes 1921, 97—99, 394—400. *Mou* Очерки нового межд. права, 1923, 255—256. *Hatschek*, 303—305. *Strisower W. VR. I*, 589—590.

петенцию другого, то создается необходимость военной экзекуции против нее со стороны Лиги в целом. Таким образом внутри Лиги обеспечивается некоторая относительная политическая устойчивость, на страже которой стоят все члены в отдельности и совокупности. Однако мирный порядок может быть всегда нарушен извне, или открытым нападением государства, не входящего в Лигу Наций, на члена Лиги, или косвенно опасностью вовлечения в кровавую борьбу ряда государств, из которых некоторые входят в Лигу, а другие находятся вне Лиги. Конфликты Соединенных Штатов Америки с Японией, Советской России с Польшей и т. д., могут быть угрозой миру не только в Азии, или Восточной Европе, но и во всей вселенной. «Каждая война, или опасность войны, которая прямо или косвенно касается одного из членов Лиги, определенно признается делом, затрагивающим интересы всей Лиги в целом, и на ней лежит обязанность принять меры, чтобы действительно охранить мир народов» (ст. 11)²²²). Косвенно членом Лиги затрагивает всякая борьба даже двух не-членов Лиги, например, Сов. России и Афганистана. Поэтому при такой формулировке, компетенция Лиги должна распространиться на все конфликты, возникающие во всех уголках земного шара, потому что все пять частей света представлены в Лиге различными государствами и во всех пяти частях света война может вовлечь в свои сети любого члена Лиги Наций²²³).

Расширение компетенции Лиги Наций могло последовать двояким образом. Или она могла продолжать традиции Гаагских Конференций и по отношению к государствам не-членам ограничиться предложением посредничества, или третейского суда, причем эти предложения были бы факультативного характера, потому что, не будучи участниками соглашения, государства в конфликте были бы свободны принимать или отвергать предложения Лиги или ее органов. В таком случае нельзя было бы говорить о «вмешательстве», но лишь о мирных способах разрешения международных конфликтов во вселенском масштабе.

Однако на Мирной Конференции в Париже одержали верх другие тенденции, находившие свое выражение в проектах генерала Смута и президента Вильсона. Хотя делегация Чили предложила на совещании с нейтральными государствами отказаться от попыток авторитарного давления на не-членов Лиги при их конфликтах

²²²) Ср. *Schücking-Wehberg*. Op. cit., 97—98.

²²³) *Hatschek*, 304. *Strisower* однако смешивает эти исключительные случаи вмешательства с нормальным посредничеством, *Strisower W. VR. I*, 589.

между собой²²⁴), но представители комиссии по выработке соглашения настойчиво указывали, что государства, находящиеся вне Лиги, не могут требовать к себе благожелательного отношения и должны быть *принуждены* подчиниться предписаниям, обязательным для членов Лиги. В итоге были приняты правила, возлагающие односторонне *обязанность* на государств-не-членов Лиги, по приглашению Совета Лиги Наций, подчиниться нормам, определяющим необходимость предварительного исчерпания мирных средств для решения международных споров. Наряду с этим приглашением, Совет по собственной инициативе производит анкету и предлагает свои способы улаживания конфликта. Наконец, если одно государство соглашается на мирные предложения Лиги, а другое отказывается и прибегает к силе оружия, тогда возникает проблема экзекуции Лиги против правонарушителя. Та же проблема экзекуции, или экономической блокады может возникнуть и против двух сторон в конфликте, если они обе отказываются подчиниться «*приглашениям*», исходящим от Лиги Наций²²⁵).

Здесь идет дело о своеобразном ограничении дееспособности государств (в их *ius belli ac pacis*), не участвовавших в соглашении и отнюдь не давших санкций на подобное *capitis deminutio*. Если бы здесь шел вопрос о кодификации обычных или прецедентных норм, тогда и не возникали бы сомнения, и можно было бы утверждать, что дело идет не о партикулярном, но об универсальном международном праве. В данном случае однако делается попытка установить новое право, отвергающее в корне принцип координации и отрицающее принципиальное значение договорной основы нового субординационного строя, потому что для одних государств союзная организация принимается в силу их добровольного волеизъявления, а другим она должна быть просто насильно навязана. Это своеобразное деление государств на различные категории в правовом отношении не *может быть оправдано*, и оно лишь подчеркивает истинный характер коллективного вмешательства, не только как средства воздействия при решении изолированного спора, но и как могучего способа заставить все державы войти в Лигу на общем равноправном положении.

И при достижении изолированной, и при достижении более общей цели одинаково действуют принципы упрочения мира во вселенском масштабе. Но эти начала противоречат принципу позитивного

²²⁴) Schücking-Wehberg. Op. cit., 396.

²²⁵) Schücking-Wehberg. Op. cit., 400.

права, в силу которого всякое соглашение, не носящее кодификационного характера, является для государств в нем неучаствующих *res inter alios acta*, и тем более нормы соглашения, направленные исключительно к одностороннему ограничению дееспособности тех или других субъектов права.

Однако в основе деятельности Лиги Наций лежат ценности, имеющие неизмеримо большее значение, чем соблюдение начал своеобразного паритета в международных отношениях. Во имя моральных и общих правовых начал, органически вытекающих из самого существования Лиги, как Союза Мира, она может и должна в трагические моменты истории человечества сломить индивидуальную волю государства, прибегнуть к *ultima ratio* — войне, потому что война несовершенный и опасный для других народов способ защиты своего правопритязания.

Таким образом своеобразное построение вмешательства в соглашении о Лиге Наций является показателем того, как цели мира и взаимной гарантии требуют возможно более энергичного проведения начала иерархической организованности и вместе с тем оно свидетельствует о зарождении *первого намека на социальную власть, зачинаемую в своей наиболее примитивной и слабой форме — международным «вмешательством»*.

Однако исчерпывается ли этой попыткой проблема «вмешательства» и не имеет ли она еще и других корней, дающих ростки на другой почве и приводящих тоже к своеобразной «коллективистической» организации и нормировке, но на иной плоскости? На эту проблему могут дать ответ только конкретные исторические прецеденты вмешательства.

ОТДЕЛ III

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕЦЕДЕНТЫ ВМЕШАТЕЛЬСТВА

ГЛАВА ПЯТАЯ

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВМЕШАТЕЛЬСТВО

§ 20. Революционное учение об основных правах народов и о принципе не-вмешательства. § 21. Революционное вмешательство и его оправдание. § 22. Вырождение революционного вмешательства.

§ 20. Конец XVIII и начало XIX века можно считать началом новой органической эпохи, которое переживает международное право, преодолевая порядок простого фактического сожителства национальных суверенных монархических государств, в правовом отношении замкнутых и самодовлеющих. Революционная гроза, пронесшаяся над Новым Светом и затем охватившая и Старый Свет, была первым предвестником нового порядка отношений народов. Современная доктрина игнорирует все глубокое значение новых принципов, провозглашенных Америкой и Францией, и не сознает, что если она действительно желает свести систему международных отношений к междугосударственным (что теоретически очень спорно), то тогда историю *современного* международного права следовало бы начать со времени борьбы американских колоний за независимость, или же с 1789 г.

В смысле исторических прецедентов вмешательства, эта эпоха, как и последующая, имеет решающее значение. Правда, предшественниками и предвестниками новых тенденций были религиозные войны, но они велись в сущности без санкции со стороны права, но только в силу освящения со стороны Церкви. Система политического равновесия как в международной практике, так и в грандиозной интерпретации Фенелона была с другой стороны лишь политической программой и принципиально не предотвращала всех международных правонарушений, но лишь некоторые и только вследствие их политических последствий²²⁶). Наоборот, новая революционная доктрина

²²⁶) *Dupuis*. Le principe de l'équilibre et le concert européen de la paix de Westphalie à l'acte d'Algéiras. 1909. *Fénélon*. Examen de la conscience sur les devoirs de la royauté. 1734. *Redslob*. L'Histoire des grands principes

французская и американская (хотя и находится под сильнейшим влиянием кальвинизма) пытаются заложить автономные основы международному праву, выдвигая в качестве его субъектов не монархов, но народы, и впервые с полной отчетливостью провозглашая личные неотчуждаемые права последних²²⁷).

Новое учение пытается поставить и решить проблемы международного права иррелигиозно и в силу тех же начал, которые лежат в основе междуиндивидуального общения. «Les nations — говорит *Carnot* в инструкциях дипломатическому комитету в 1793 г. — sont entre elles dans l'ordre politique ce que sont les individus dans l'ordre social; elles ont, comme eux, leurs droits respectifs... Or, la loi naturelle veut qu'on respecte ces droits»²²⁸). Отсюда и вывод, как будто утверждающий начало не-вмешательства: «Каждая нация сама имеет исключительное право давать себе законы... она имеет и неотчуждаемое право их изменять, пытаться силой отнять это право значит стать врагом рода человеческого». (*Condorcet*²²⁹). То же самое повторяет с одинаковой силой Карно, Дантон и Робеспьер²³⁰). И вывод один: нет народа, который имел бы право вмешиваться или притеснять другой народ. Если даже и принимаются впоследствии декреты 19 ноября и 15—17 декабря 1792 г., о братской помощи народам, борющимся за свободу, то наряду с этим Конвент постановляет, что Республика ни под каким предлогом не будет вмешиваться в дела других государств, — «...la République ne s'immiscerait en aucune manière dans le gouvernement des autres puissances». Министерство Иностранных Дел, представляя по этому поводу доклад, du droit des gens. 1923, 251 и д. *Wheaton*. Histoire des progrès du droit des gens. vol. I., 1865, 110 и д., особ. 113. Ср. и *Kaeber*. Die Idee des europäischen Gleichgewichts. 1907. *O. Hoijer*. Théorie de l'équilibre. 1917.

²²⁷) *Aulard*. Etudes et leçons sur la Révolution Française. 1893. *Nys*. Etudes de droit international. La Révolution Française et le droit des gens, vol. I., 1896, 344 и д. *Redslob*. Das Problem des Völkerrechts 1917, 216 и д. *Redslob*. Die völkerrechtlichen Theorien der französischen Revolution. Festgabe für Otto Mayer. 1916. *Redslob*. Histoire des grands principes du droit des gens. 1923, 279 и д. *Sorel*. L'Europe et la Révolution Française, vol. I—IV, 1885 и д.

²²⁸) Цит. по *Johannet*. Le principe des nationalités, 1918, 108. Ср. речь de Jallet в Национальном Собрании 16 мая 1790 г. *Moniteur univ.* 18 mai 1790.

²²⁹) Exposé de *Condorcet*. *Moniteur univ.* 20 avril 1782, *Tchernoff*. Les Nations et la Société des Nations. 1919.

²³⁰) *Redslob*. Histoire, 281 и д. Ср. ст. 4 декр. 22 мая 1790. *Moniteur univ.* 23 mai 1790.

указывает, что в мирное время у Франции нет никакого желания подстрекать другие народы к восстанию²³¹).

Но это только одна сторона проблемы. Народы, хотя и свободны и независимы, но вместе с тем подчинены высшему международному правопорядку. Только этот строй определяет права и обязанности народов. И он отнюдь не имеет характера абстрактного и вне-временного. Ему даются черты, заимствованные из организации революционной демократии, установившей вообще единственно разумный политический порядок и, через это международное правовое освящение, все народы приобщаются к достижениям Революции.

Аббат Грегуар предлагает Конвенту обнародовать «Декларацию международного права» — «Déclaration du droit des gens»²³²). При наличии такой декларации, соответствующей разуму и природе вещей, всякое покушение на свободу какого бы то ни было народа становится покушением против всечеловеческого общения. Дело идет не только о внешнем нападении, но и о внутреннем угнетении²³³). Грегуар и Робеспьер повторяют, что тот, кто угнетает одну нацию, становится врагом всех наций. Он — бунтовщик и бандит, и совершается самое тяжелое покушение на оскорбление всего человечества²³⁴).

Подобно доктрине Монрое, провозглашенной на тридцать лет позднее, французская революционная практика принципиально говорит о не-вмешательстве, чтобы с удвоенной силой установить, что в жизни народов бывают такие моменты, когда они обязаны выступить не в защиту своих эгоистических интересов, но задач и принципов всечеловеческих. Ниже мне придется анализировать доктрину Монрое; пока мне надо отметить, что в основе ее лежит не столько начало — Америка для американцев, но принцип, что народы сами вольны создавать у себя строй по своему желанию, что если Европа осталась страной монархических традиций, то Новый Свет заложил основы более правильному и разумному строю и что Соединенные

²³¹) *Redslob*. Ibid. loc. cit. *Vast*. La Convention nationale. La diplomatie et la guerre. *Lavisse-Rimbaud*. Histoire générale. VIII, 1904, 243. Текст резолюции 13 апреля 1793. *Moniteur univ.* 16 avril 1793.

²³²) *Grégoire*. Déclaration du droit des gens. Convention nationale. *Moniteur*, 4. floréal an. III. *Redslob*. Histoire, 280, 282.

²³³) *Redslob*. Histoire, 280.

²³⁴) *Grégoire*. Déclaration du droit des gens art. 15. *Robespierre*. Proposition de quatre articles pour une déclaration des droits. *Moniteur*, 24 avril 1793. *Redslob*. Ibid. loc. cit. Ср. декларацию *de Volney* 18 мая 1790. *Moniteur univ.* 20 mai 1790.

Штаты обязаны выступить для защиты новых условий жизни народов. Президент Монрое верил в разумную и склонную к добру природу народов. Это как бы перенесение политического учения о производителе Адаме в международные отношения²³⁵). И с еще большей силой та же вера в прирожденные добрые качества народов ощущается в практике Французской революции. И выводы в обоих случаях одинаковы. Свобода есть высшее и последнее благо, данное от природы и поэтому неотчуждаемое. Отнять ее значит стать врагом рода человеческого. И по отношению к такому международному преступнику вмешательство приобретает характер законной кары.

§ 21. Это преступление не легенда и не миф. С первых дней революции ей грозит опасность со стороны все-европейской коалиции. Екатерина II считает, что дело идет не столько о восстановлении во Франции порядка, сколько об искоренении «зловредных начал», могущих прежде всего оказаться опасными для соседей Франции²³⁶). Император Леопольд II австрийский, король Фридрих Вильгельм II прусский настаивают на необходимости положить пределы крайностям Французской революции, чтобы она не могла служить заразительным примером для других народов²³⁷). Пильницкая декларация 1792 г. 27 августа идет дальше, потому что она решительно утверждает необходимость во Франции такого монархического строя, который одинаково соответствовал бы и благу нации и правам государей²³⁸). Наконец, манифест герцога Брауншвейгского в 1792 г. утверждает ответственность членов Законодательного Собрания и населения Парижа за судьбу короля и его семьи²³⁹). На это министр иностранных дел *Lebrun* отвечает (в инструкциях своему агенту *Chauvelin* в Лондоне 19 октября 1792 г.): «La nation seule a le droit de juger Louis; aucune puissance étrangère ne doit intervenir dans la résolution qu'elle prendra»²⁴⁰).

Союзная коалиция пытается оправдать свое вмешательство указанием: на состояние крайней нужды, на угрозу Европы, на то, что революционеры во Франции «*perturbateurs de l'ordre public*», что

²³⁵) *Hatschek*. 131 и д.

²³⁶) *Martens* I, 117.

²³⁷) *Redslob*. Histoire, 308. *Sorel*. L'Europe et la Révolution Française II, 229.

²³⁸) *Martens*. R. V, 35.

²³⁹) *Basdevant*. La Révolution française et le droit de la guerre continentale 1901, 11 и д.

²⁴⁰) *Sorel*. Op. cit., III., 156.

они враги всякой власти и что свои преступные деяния они хотят распространить на все другие государства²⁴¹).

В свою очередь революция прибегает к средствам, о которых говорит Демулэн в 1790 г., — к революционной пропаганде²⁴²) и в том же году Национальное Собрание обращается к королю по поводу приготовлений коалиции на Рейне: «Скажите им, что, если немецкие государи будут продолжать свои приготовления, направленные против французов, мы вторгнемся в их пределы не с огнем и мечом, но со словом свободы. И пусть они сами решат, какие будут последствия пробуждения народов»²⁴³). *Héroult de Séchelles* говорит, что враги Франции всюду, где есть трон²⁴⁴), *Merlin de Thionville* утверждает, что надо объявить войну королям и мир народам²⁴⁵), и Грегуар повторяет, что жребий брошен: «все правительства нам враждебны, все народы — для нас друзья, или мы погибнем, или они будут свободны»²⁴⁶). И эта борьба, имеющая характер грандиозного революционного пан-европейского вмешательства должна, по мнению жирондистов, быть чистым и бескорыстным подвигом: «...жители занятых территорий не будут врагами Франции. И они не будут даже ее подданными. Гордая завоеванием естественных прав, она не осквернит этих прав у других людей. Ревнивая к своей независимости, она не нанесет ущерба чужой независимости. Она покажет Европе, что значит нация действительно свободная, верная законам справедливости, посреди грозных потрясений войны, и уважающая повсюду и везде по отношению ко всем людям права, одинаковые для всех... В противниках побежденных, примиренных и обезоруженных она будет видеть своих братьев» (*Condorcet* 29 декабря 1791 г.²⁴⁷).

Во второй половине 1792 г., перед Конвентом проходят вер-

²⁴¹) Ср. особенно русскую ноту Дании от 10 авг. 1793 г. *Martens*. R. V, 259—261.

²⁴²) *C. Desmoulins*. Révolutions de France et de Brabant I, 212, III, 318 и д. *Sorel*. II, 111. Ср. письмо *Anacharsis Clootz*. 15 июля 1790. *Ibid.*, loc. cit.

²⁴³) *Redslob*. Histoire, 310. *Sorel*. II, 311.

²⁴⁴) *Moniteur*, 22 décembre 1792.

²⁴⁵) *Redslob*. Histoire, 310.

²⁴⁶) *Sorel*, III, 202—203, аналогичный характер имела и пламенная речь *Isnard* 29 января 1791. *Sorel* II, 315. «D'après l'exemple qui vient de donner la France, les révolutions vont devenir faciles» — уверяла английская делегация в Конвенте 28 ноября 1792. Отсюда надежда на скорое восстание в Ирландии, Шотландии и Англии. *Sorel*, III, 214—215.

²⁴⁷) *Sorel*. II, 320. Ср. доклад *Lasource* от имени дипломатического комитета *Ibid.* *Martens*, R. V, 357—360.

ницы делегаций освобожденных и жаждущих освобождения народностей. Из Брабанта, Нидерландов, Савойи, Голландии, Германии и Англии проходят делегаты, заявляющие о том, что их сограждане желают революционной свободы и покровительства Франции²⁴⁸). В ноябре того же года депутат Эльзаса Рюль доводит до сведения Конвента, что граждане города Майнца обращаются с просьбой, могут ли они рассчитывать на помощь Франции, чтобы сбросить иго деспотизма²⁴⁹). *Carra* отвечает: «Франция провозгласила суверенитет народов». «Она признала этот закон не для себя одной, но для всего света. Следовательно, она обязана оказывать помощь соседним народам, борющимся за это высшее благо». *Varras* и другие члены Конвента требуют, чтобы немедленно был принят соответственный декрет. Собрание соглашается, и в том же заседании утверждает знаменитый декрет 19 ноября 1792 г.: «От имени французского народа Национальный Конвент обещает оказать братство и помощь всем народам, желающим вернуть себе свободу и поручает исполнительной власти дать необходимые приказания генералам, чтобы принести помощь этим народам и оказать защиту гражданам, которые пострадали или могли бы пострадать за дело свободы»²⁵⁰). В официальном комментарии к декрету министр *Lebrun* мог указывать, что вмешательство применяется только во время войны и что Франция совсем не собирается поддерживать восстания в странах, с которыми она сохраняет мирные сношения. Но она имеет право признать и оказать помощь каждому революционному правительству: «...lorsqu'un peuple asservi par un despote, aura eu le courage de briser ses fers... lorsque ce peuple... se sera constitué de manière à faire entendre clairement l'expression de la volonté générale; lorsque cette volonté générale appellera sur sa nation l'assistance et la fraternité de la nation française, alors le décret du 19 novembre trouvera une application si naturelle que nous doutons qu'elle puisse paraître étrange à personne»²⁵¹). Революция должна происходить спонтанно, но раз революционное правительство вступило в борьбу за власть, оно будет признано и поддержано Францией. Это буквально те же начала, которые позднее в Америке будут провозглашаться президентом

²⁴⁸) *Sorel*. III, 168—169.

²⁴⁹) *Redslob*. Histoire, 283. *Vast*. La Convention nationale. La diplomatie et la guerre. *Lavisse et Rambaud*. Histoire VIII, 1904, 243 и д.

²⁵⁰) *Sorel*. III, 179. Ср. *Moniteur univ.* 20 novembre 1792 (séance du 19 novembre 1792).

²⁵¹) *Sorel*. III, 225.

Монрое, утверждающим, что правилом поведения Соединенных Штатов будет признание власти фактической властью законной.

Но и в такой форме вмешательство всетаки сохраняет свои специфические черты. «Ясное выражение общей воли» установить почти невозможно, и самый факт установления в сущности уже является вмешательством. Интерпретация *Lebrun* декрета 19 ноября приводит к необходимости лишь выждать начало гражданской или революционной борьбы у своих соседей и затем, основываясь на призыве революционеров, силой заставить заинтересованный народ принять новый строй. И это уже не принципы добрых прирожденных начал в душе народов, и это не облик прародителя Адама, одинаково близкого всем людям, но это ветхозаветное старое учение об избранном и святом народе, ведущем за собой все племена и все национальности, и считающего себя пророком и учителем. Внутри, несмотря на нравственную неискорченность людей, устанавливается террор и диктатура, извне проповедуется не свободное содружество, но суровое господство. Пробуждается горделивая мысль быть духовным вождем и господином вселенной и как будто осуществляются слова космополита *Anacharsis Clootz*: «*Quand je lève mes yeux sur une mappe-monde, il me semble que tous autres pays sont disparus et je ne vois que la France*»²⁵²).

Народы, входящие в орбиту влияния Франции, обязаны установить революционный порядок. По отношению к Женеве, Савойе, рейнским областям и Бельгии делаются попытки насильственного давления на их «общую волю» — «*volonté générale*». И, наконец, выдвигается новое начало. Нельзя ограничиться простым приведением народов в естественное состояние: «...*toute révolution veut une puissance provisoire qui ordonne ses mouvements désorganiseurs, qui fasse en quelque sorte démolir avec méthode*»²⁵³). Каждая революция стремится к тому, чтобы создать временную но достаточно могущественную силу, которая должна все привести в порядок и этим укрепить свою внутреннюю мощь. Вмешательство перестает быть вмешательством. Франция, присоединяющая Савойю, расширяющая границы до Рейна, и Альп, осуществляет в дальнейшем не демократическую и космополитическую систему жирондистов, но новую программу монтаньяров. Борьба ведется не за освобождение

²⁵²) *Sorel*. II, 410.

²⁵³) Доклад *Cambon* 15 декабря 1794 г. *Vast*. La Convention nationale у *Lavisse-Rimbaud*. Histoire, VIII, 245.

народов, но для их муниципализации и военной эксплуатации²⁵⁴).

Декрет, принимаемый Конвентом 15 и 17 декабря 1792 г., еще содержит слова о том, что французская нация будет считать своими врагами все народы, отказывающиеся от благ свободы и равенства и желающие сохранить своих государей и свои привилегированные касты. Поэтому Франция не сложит своего оружия, пока не укрепится свобода народов, на территории которых вступили французские армии, и Франция обязуется не вступать в переговоры с государями, лишенными своих владений²⁵⁵). Но тот же декрет наряду с подробным описанием того порядка, который должен быть установлен в освобожденных областях и который должен привести к организации «*gouvernement libre et populaire*», требует и финансовой помощи для содержания французских армий и обязует освобожденные народы принять высший административный французский контроль²⁵⁶).

§ 22. Идеология жирондистов окончательно сменяется реалистической практикой монтаньяров. Тут уже ставится вопрос о подчинении *единому господству победителя*, подданными которого становятся освобожденные, оказавшиеся на положении побежденных. Организация покоренных областей осуществляется лишь во имя эгоистических интересов революционной диктатуры. Границы фактического властвования, как в дни императорского Рима, становятся пределами политического господства. Это начало вырождения и умирания вмешательства. И эти новые тенденции приводят в дальнейшем к полному отказу от первоначальной революционной практики. В любопытном договоре Французской республики с Императором Всероссийским (8 октября 1801 г.) обе стороны обязуются в торжественной форме воздерживаться «...*propager les principes contraires à leurs constitutions respectives, ou d'y fomenter les troubles*» (ст. 3)²⁵⁷). В объяснительной французской ноте утверждается новая истина, провозглашаемая французским правительством: «...*le peuple Français considère également toutes les espèces de gouvernement; il désire leur conservation, leur prospérité à tous, non pas seulement par le sentiment de l'attente de réciprocité mais par un véritable esprit de philosophie et de l'humanité. Les révolutions bouleversent les*

²⁵⁴) *Ibid.*, loc. cit.

²⁵⁵) *Martens*. VI, 741.

²⁵⁶) *Redslob*. Histoire, 283 и д. *Basdevant*. La Révolution française et le Droit de la guerre continentale 1901, 162 и д., 178 и д.

²⁵⁷) *Martens*. N. R., II, 551—552.

empires, elles amènent nécessairement à leur suite, et la guerre extérieure et la guerre intestine. Le jour est enfin venu où tous les peuples de l'Europe et de l'Amérique... ont la volonté que la paix soit solide et durable... Non, il n'existe pas en France un seul individu, s'il est sensé, et s'il reconnaît la souveraineté et la volonté du peuple, qui par des vaines abstractions veuille encore compromettre, brouiller les Nations et inonder la Terre de sang...»²⁵⁸).

В силу политических условий революционная практика вмешательства осталась без преемственных правовых результатов. И, в отличие от учения Монро, она не была канонизирована и нормально не является объектом исследования с международно-правовой точки зрения. Между тем она своеобразна в том отношении, что она живет рядом с признанием основных личных прав народов и даже теоретически вытекает из них. И это понятно, потому что пользование субъективными правами во вне связано с внутренней свободой, с демократическим укладом, с фактом существования нации, переставшей быть объектом династических интересов и воплощающей в себе идею *volonté générale*²⁵⁹).

Где же происходит смыкание двух принципов: принципиальной свободы с внешнею связанностью и подчинением над-государственному порядку? Практика революции отвечает на это соединением вмешательства с признанием. Не извне, но изнутри загорается борьба за строй, долженствующий соответствовать вселенскому правопорядку. Но инвестиру эту новый строй получает извне, освящением и помощью со стороны государства, уже достигшего высшей степени разумного государственного строительства и потому могущего быть примером для других. Личный пример и индивидуальное усилие, согласно революционной практике, становятся необходимою ступенью для установления равновесия между справедливостью международной и справедливостью государственной.

²⁵⁸) *Martens. N. R.*, II, 555.

²⁵⁹) *Redslob. Histoire*, 279—280.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ И ВМЕШАТЕЛЬСТВО

§ 23. Первоначальная идея Священного Союза. § 24. Практика вмешательства Союза и попытка ее оправдания. § 25. Правовая идея Священного Союза и его разложение.

§ 23. Если современная доктрина традиционно игнорирует практику вмешательства со стороны революционной Франции, то зато она почти всегда останавливается на попытках Священного Союза организовать новый порядок отношений на основе признания существующих исторически-сложившихся государственных форм, причем целью международного права Союз провозгласил охрану мира, как внутри, так и вне государства. Историки очень часто скептически относятся к значению Священного Союза, не отдавая себе отчета в том правовом характере, который имел этот Союз, и в тех юридических последствиях, которые вытекали из факта подчинения политических задач своеобразным правовым целям²⁶⁰).

При анализе теории и практики Священного Союза обыкновенно не обращают внимания на первоначальные проекты императора Александра I о создании нового порядка отношений народов Европы. Еще в 1804 г., перед тем как присоединиться к европейской коали-

²⁶⁰) „In Wahrheit blieb aber die Akte der heiligen Allianz ein Wirkungsloses Blatt Papier. „Sie ist ein Denkmal politischer Romantik, dem die europäische Geschichte der folgenden zwei Menschenalter hundertfach ohn spricht“. *Stern. Geschichte Europas seit den Verträgen von 1815 bis zum Frankfurter Frieden von 1871*, bd. I, 1894, 41. Ср. *Redslob. Das Problem des Völkerrechts*. 1917, 229—244.

О Священном Союзе и его практике вмешательства: *Bi non. Les cabinets et les peuples depuis 1815 jusqu'à la fin de 1822*. 2-me édition. 1: 23. *Goerres. Die Heilige Allianz und die Völker*. 1859. v. *Kamptz*. 18 и д., 57 и д. *E. Mayor. Il trattato della Santa Alleanza et la signora di Krieger*. 1883. *Mühlenbeck. Les origines de la Sainte Alliance*. 1888. К сожалению автор не мог использовать капитального труда *Надлера*: Император Александр I и идея Священного Союза 1892 и д.

Из новейших работ ср. *W. A. Phillips. The Confederation of Europe: A Study of the European Alliance 1813—1823, as an Experiment in the International Organization of Peace*. 1914, и особенно *W. P. Cresson. The Holy Alliance. The European Background of the Monroe Doctrine*. 1922 (автор был Секретарем Америк. Посольства в Петрограде и получил в 1917 г. доступ в Архив Мин. Иностр. Дел).

Текст договора у *Мартенса* С. Т. I, IV, № 99. *Martens. N. R.* II, 656—658. Манифест импер. Александра I 25 декабря 1815. *Ibid.* 658—659.

ции против Наполеона, Александр I в секретных инструкциях князю Адаму Чарторыйскому, отправленному для переговоров в Лондон, набросал план того правового акта, который, по его мнению, долженъ былъ стать гарантией мира и хартией вольностей европейских народов²⁶¹).

Новый великий Союз не должен сразу установить всеобщего мира, но должен быть первым шагом к полному умиротворению. Прежде всего для этого нужна кодификация основных принципов международного права и установление того начала, что члены Союза могут прибегать к войне лишь после того, как будут исчерпаны все мирные способы улажения международных конфликтов²⁶²). После всех пережитых потрясений, народы поймут, что вместо иллюзорной и неустойчивой полной самостоятельности, лучше пойти в лигу народов, которая гарантирует им безопасность и спокойствие²⁶³). Однако основным условием должно быть *обеспечение правового строя внутри государств*. И прежде всего надо заранее признать, что *принципы управления должны быть повсюду одинаковы*. Эта великая цель, — говорит Александр I, — осуществима лишь при условии, что народы будут испытывать чувство привязанности к своим правительствам *«en rendant ces derniers capables de ne se conduire que pour le plus grand bien des peuples qui leur sont soumis»*²⁶⁴).

Гарантии новому порядку могут дать только две великие державы: Россия и Англия, к которым присоединятся и другие более мелкие государства и только через предоставление известной гегемонии двум великим державам, заинтересованным в поддержании мира и спокойствия, Европейский Союз станет реальной политической силой на службе права и не допустит нарушения воцарившейся *«heureuse tranquillité»*²⁶⁵).

§ 24. От этих чисто-правовых построений в корне отличен Священный Союз, возникший 26 сентября 1815 года. Вместо идеи правового государства утверждается принцип, что каждое имеющееся на лицо государственное устройство разумно в правовом отношении, потому что оно существует. Вместо юридического построения, выдвигается начало о необходимости перенесения религиозных и мо-

²⁶¹) Mémoires du Prince Adam Czartoryski et Correspondence avec l'Empereur Alexandre I. 1887, t. II, 32 и д. Cresson. 11 и д.

²⁶²) A. Czartoryski. Op. cit., II, 34—35.

²⁶³) Czartoryski. II, 35—36.

²⁶⁴) Czartoryski. II, 32 и д.

²⁶⁵) Czartoryski. II, 41. Ответ британского правительства у Cresson, 15 и д.

ральных велений в область международных отношений. В политических отношениях надо установить: *«les principes de paix, concorde et d'amour qui sont la fruit de la religion et la morale de christianisme»*²⁶⁶). В силу морали и религии внутри государств утвердилась стабилизация и спокойствие, и такой же порядок является необходимым в сношениях народов. Творец Союза Александр I так определял последнюю цель объединения народов: *«le but unique et exclusif de l'alliance ne peut être que le maintien de la paix et le ralliement de tous les intérêts moraux des peuples que la Divine Providence s'est plu à réunir sous la bannière de la croix»*²⁶⁷).

Если дело мира и международного порядка есть задача, реализуемая человеческими силами лишь при постоянном содействии Высшего Начала, тогда понятна известная резигнация со стороны вождя Священного Союза, который утверждал, что христианские монархи простое послушное орудие в руках Провидения. *«Я вполне отдаюсь, — писал император Александр I, — Его предназначениям, и Он один всем руководит, так что я следую только Его путям, ведущим к завершению общего блага»*²⁶⁸).

При наличности подобной интуиции не могло быть сомнений, что право было на стороне государей, объединившихся в силу торжественного акта 26 сентября 1815 года. Этот акт — «ключ к хранилицу, которое не удалось побороть ни революционным либералам, ни радикалам, ни международным карбонариям»²⁶⁹).

Но, кроме уверенности в прямом оправдании со стороны христианского вероучения, имеются и другие мотивы более правового характера. Государства и их строй должны быть сохранены. И это охранение вытекает не из начала уважения к самостоятельной национальной жизни, но из уважения к тому, что исторически сложилось. Это *учение о давности*, оправдывающее и территориальный

²⁶⁶) Письмо импер. Александра I в Лондон кн. Ливену 18 марта 1816 г. Вел. Кн. Николай Михайлович. Император Александр I, 1914, 196. Ср. Cresson, 37 и д.

²⁶⁷) Ibid., loc. cit. Ср. с целью Союза по договору: «открыть пред лицом вселенной... непоколебимую решимость, как в управлении вверенными государствами, так и в политических отношениях ко всем другим правительствам, руководствоваться не иными какими-либо правилами, как заповедями святой веры, любви, правды, мира». Мартенс С. Т. IV, № 99. Cresson, 39 (письма к Bergasse и Laharpe).

²⁶⁸) Письмо импер. Александра I из Люблин кн. А. Н. Голицыну 8—15 февр. 1821. В. Кн. Николай Михайлович. Op. cit., 248. Ср. письмо княгине Мещерской из Опавы (Троппау) в ноябре 1820 г. Ibid., 255.

²⁶⁹) Ibid., 250.

порядок и наличность династий в разных державах. Оно защищает власть царствующего монарха, но в известном смысле провозглашает и начало неприкосновенности каждого государственного образования²⁷⁰).

Дальнейшим оправданием является социальная природа международного общения. Нельзя проводить эгоистическую индивидуальную политику, но надо вести политику вселенскую, совпадающую с требованиями единого высшего правопорядка. «Не может быть более политики, — говорил император Александр I, — английской, французской, русской, прусской, австрийской: есть одна всеобщая политика, долженствующая ради общего спасения быть принятой как народами, так и государями»²⁷¹). Этот высший правопорядок создает социальное право контроля государственного порядка отдельных государств²⁷²). Перемены в управлении не *res domestica*, потому что они никогда не остаются без влияния на соседние государства²⁷³).

Другим элементом «братского и христианского» Союза является начало взаимной гарантии территориальной неприкосновенности. «В Европе, — писал Александр I, — более немислимы какие-либо земельные приобретения после тех ув, которыми связаны державы, и ни одна из них не допустит изменений внешних владений²⁷⁴». Союз устанавливает прочное распределение владений и ставит на страже этого распределения общие силы победителей, утверждающих, что каждый завоеватель, подобно Наполеону Бонапарту, есть революционер и враг всех народов. «Ведь каждая революция, будучи олицетворенною, есть ничто иное, как завоеватель, посягающий на законную собственность и права»²⁷⁵). Исходя из этих начал, русская конфиденциальная записка, от 25 сентября 1818 г., представленная на Ахенском конгрессе требовала: 1) подтверждения взаимной гарантии территориальных владений, согласно Парижским и

²⁷⁰) *Redslob. Histoire*, 341.

²⁷¹) *В. Кн. Николай Михайлович*. *Op. cit.* 298.

²⁷²) *Malet. La Sainte Alliance et les Congrès в Lavissee-Rambaud. Histoire Gen. X.*, 69.

²⁷³) *с. Kamptz*, 56—57: «Die Befugniss (право на вмешательство) beruht theils auf der gesellschaftlichen Verbindung, worin die europäischen Mächte zu einander stehen, theils auf besonderen Verträgen einzelner Mächte, und ist mithin theils ein *Szial's*, theils ein *Vertrags-Recht*».

²⁷⁴) Письмо импер. Александра I из Люблян кня. А. Н. Голицыну 8—15 февр. 1821 г. *В. Кн. Николай Михайлович*. *Op. cit.*, 247 (фр. текст 417).

²⁷⁵) Докладная записка Поццо ди Борго 24 июня 1818 г. *Мартенс С. Т.*, VII, 322.

Венским актам 1815 г., и 2) взаимной гарантии законного суверенитета, существующего издревле, или признанного действующими трактатами²⁷⁶).

В основе Союза лежит начало связанности внутреннего государственного права международным. Первое может колебать основы последнего. В противоположность революционной доктрине, исходившей из требований и идеи примата над-государственного строя и допускавшей лишь свободные народы в качестве полноправных субъектов, практика Священного Союза стремится существующие династические образования сохранить и поддержать без изменений во имя интересов мира.

Если на Ахенском конгрессе в 1818 г. вопрос о вмешательстве ставится лишь в очень неопределенной форме, и допускаются важные оговорки, как в протоколе, так и декларации, в том смысле, что выступление союзников против изменений в государственном строе могут последовать не иначе, как с согласия заинтересованных законных правительств, то через два года осуществляется совершенно иная практика.

1820 год ознаменовался революционными переворотами сначала в Испании, затем в Неаполе (королевстве двух Сицилий), позднее в Португалии и Пьемонте.

На конгрессе в Опаве (Троппау), открытом 25 октября 1820 г., был принят знаменитый манифест 13 ноября, определявший порядок вмешательства в Неаполитанские дела и оправдывавший насилие над государством, желавшим установить у себя конституционный строй путем переворота.

Государства, входящие в состав европейского союза, не имеют права революционным путем изменять свой строй. Они тем самым исключаются из союза и остаются вне его, пока не дадут гарантий порядка и устойчивости.

Союзные державы не только объявляют об этом исключении, но, верные принципам провозглашенным ими и, уважая авторитет законного правительства, обязуются не признавать правительственных изменений, происшедших незаконным путем.

В случае возникновения, вследствие происшедших изменений, непосредственной опасности для соседних государств, последние могут прибегнуть по отношению к государствам, где произошел

²⁷⁶) *Мартенс С. Т.* VII, 322—323. Текст проекта взаимного договора гарантий безопасности и территориальной неприкосновенности приведен *in extenso* у *Cresson*, 133—134.

переворот, с целью возвращения последних на лоно Союза, сначала к дружеским представлениям, а затем и к насильственным мерам, если эти меры станут необходимыми²⁷⁷).

Затем позднее, в ряде других обращений (в ноте 8 декабря 1820 Австрии, Пруссии и России германским государствам²⁷⁸), в ноте 9 января 1821 г., гр. Нессельроде²⁷⁹) особенно в декларации Австрии, Пруссии и России 12 мая 1821 г.²⁸⁰) и т. д.), определенно подчеркивается, что всякий насильственный переворот есть угроза европейскому миру и поэтому может быть поводом для вооруженного вмешательства.

Союзники, как заявляет гр. Нессельроде «...se sont définitivement déterminés à ne reconnaître jamais une révolution produite par un crime et qui, d'un moment à l'autre, pourrait troubler la paix du monde, mais à réunir leurs efforts pour mettre un terme aux désordres aussi pernicieux pour les pays qu'ils frappent directement que pleins de dangers pour tous les autres»²⁸¹).

Вмешательство признается бесспорным правом потому, что революционный переворот — опасный пример для всех народов. Оно становится насущной необходимостью, когда революционные правительства стремятся распространить пожар на соседей. Наконец, вмешательство есть и самопомощь, ответ на нарушение того соглашения, которое гарантирует европейским народам территориальные владения и мирные сношения друг с другом²⁸²).

²⁷⁷) *Debidour*. Histoire diplomatique de l'Europe I. 1891, 152. Здесь отчетливо выдвигается цель Союза: „conserver ce qui est légalement établi“. Ср. *Cresson*. 99—100.

²⁷⁸) *Martens*. N. R., V, 593.

²⁷⁹) *Ibid*, 599—607.

²⁸⁰) *Ibid*, 638—640.

²⁸¹) *Ibid*, 602.

²⁸²) „Les puissances ont exercé un droit incontestable en s'occupant de prendre en commun de mesures de sûreté contre des Etats dans lesquels le renversement du gouvernement opéré par la révolte, ne dût-il être considéré que comme un exemple dangereux qui devait avoir pour suite une attitude hostile contre toutes les constitutions des gouvernements légitimes. L'exercice de ce droit devenait d'une nécessité plus urgente, quand ceux qui s'étaient mis dans cette situation cherchaient à étendre sur leurs voisins le malheur qu'ils étaient attirés eux mêmes et à propager autour d'eux la révolte et la confusion.

Une telle position, une pareille conduite est une infraction évidente du pacte qui garantit à tous les gouvernements européens, outre l'inviolabilité

Те же правовые мотивы приводятся в оправдание вмешательства в Пьемонтские дела, когда, после революционного переворота 12 марта 1821 г., австрийские войска, согласно постановлениям на конгрессе в Люблянах (Лайбахе), восстанавливают там законный порядок. Наконец, то же повторяется и на Веронском конгрессе (в 1822 г.), когда аналогичные притязания осуществляются по отношению к революционной Испании, причем Франция Бурбонов берет на себя роль блюстителя порядка на Пиренейском полуострове.

Если при вмешательстве в неаполитанские дела союзники могли бы сослаться на договор 15 июля 1815 г., гарантировавший королевству двух Сицилий неограниченный монархический строй со стороны Австрии²⁸³), и если сам король неаполитанский Фердинанд лично прибыл в Любляны, чтобы просить интервенции, то положение Испании было совершенно иным.

В 1812 г. император Александр I по договору, заключенному в Великих Луках, незадолго до открытия военных действий против Наполеона, не только признал испанское революционное правительство кортесов, но торжественно гарантировал испанскую конституцию, правда, впоследствии отмененную Фердинандом VII, но всетаки принципиально получившую одобрение русского монарха²⁸⁴). Эта конституция, восстановленная 1 января 1820 г., уже была в силе почти три года. И, наконец, по существу, для Франции не было никаких формальных оснований или предлогов прибегать к вооруженной силе.

В полном глубокого достоинства ответе на ноты, содержавшие открытые угрозы со стороны Австрии, Пруссии и России ст. секретарь Evariste de San-Miguel 9 января 1823 г., утверждал, что испанский король правит в силу основных законов. Далее он говорил: «La nation espagnole ne s'est jamais mêlée des institutions ni du régime intérieur d'aucun autre (Etat)».

«Le remède à apporter aux maux qui peuvent l'affliger n'intéresse qu'elle seule».

bilité de leur territoire, la jouissance des rapports paisibles qui exclut tout empiètement réciproque sur leurs droits“. Циркуляр предст. Австрии, Пруссии и России из Опавы (Троппау) 8 декабря 1820 г. германским дворам. *Martens*. N. R. V, 583.

²⁸³) *Martens* N.R.V. № 63, стр. 562 и д. особ. 566.

²⁸⁴) Ср. ноту гр. Нессельроде 14 ноября 1822 г. из Вероны поверенному в делах в Мадриде. *Martens*. N. R. I, X, 188—190.

«Ces maux ne sont pas les effets de la constitution, mais nous viennent des ennemis qui veulent la détruire».

«La nation espagnole ne reconnaîtra jamais à aucune puissance la droit d'intervenir, ni de se mêler de ses affaires».

«Le gouvernement de S. M. ne s'écartera pas de ligne qui lui tra-cent son devoir, l'honneur national et son adhésion invariable au code fondamental juré dans l'année 1812».²⁸⁵⁾

Но для представителей Союза вмешательство оправдывалось фактом лишения свободы монарха, наличием кровавой анархии и стремлением вовлечь и другие народы в бедствия гражданской войны. Отсюда отказ в поддержании дипломатических сношений, вторжение в Испанию французских войск под командованием герцога Ангулемского и насильственное восстановление абсолютной власти Фердинанда VII.

Веронский конгресс 1822 г., был последним собранием членов Священного Союза для осуществления вмешательства во внутренние дела европейских государств. Александр I мог гордиться тем, что он отказался от целей русской национальной политики, чтобы стать фиктивным вождем «европейской конфедерации»²⁸⁶⁾, той своеобразной системы угнетения, которая вызвала резкую отповедь министра иностранных дел лорда *Castlereagh*²⁸⁷⁾.

§ 25. Идея «христианского и братского» Союза должна была вырождаться в конечном итоге в систему перестраховки династических интересов монархов, и европейский мир должен был прежде всего служить верной опорой для сохранения исторически сложившейся монархии Габсбургов.

Если очистить практику Священного Союза от чужеродных примесей и от попыток дополнительного обоснования указаниями или на момент фактического, или только возможного деликта со стороны революционной власти и, следовательно, возникающей от-

²⁸⁵⁾ *Martens* N. R. I, X, 209—211.

²⁸⁶⁾ «Он (Александр I) смотрит на себя, как на основателя Европейской федерации, и хотел бы, чтобы на него смотрели, как на ее вождя» (*Gentz*) *B. Kн. Николай Михайлович*. *Op. cit.* 223.

²⁸⁷⁾ Обсуждая вопрос о вмешательстве в неаполитанские дела лорд *Castlereagh* говорил австр. послу гр. Эстергази: «Все партии Англии единогласны в том, что лучше предпочесть ужасы гражданской войны и анархии, чем спасение через иностранцев». (Донес. Эстергази 10 дек. 1820). *Stern. Geschichte Europas*. II, 1897, 136. Циркулярная депеша *Castlereagh* 19 января 1821 г. *Martens* N. R. IX, 595—598. В этой депеше *Castlereagh* протестует против введения в Европе «système fédératif oppresseur».

сюда международно-правовой ответственности, тогда останутся только два начала. Во-первых, это утверждение правовой ценности за тем, что выросло из прошлого и в чем проявляется устойчивость и постоянство. То, что устойчиво оправдывается и в правовом смысле. Развитие внутри-государственных и международных отношений имеет свой временный предел и этот предел совпадает с состоянием *opus operatum*, когда не должно и не может быть больше никаких изменений. Право не есть сила в непрерывном движении, но в состоянии покоя, почти во сне и омертвлении²⁸⁸⁾. Во-вторых, это провозглашение принципа неразрывной связанности внутри и между-государственных отношений. И связанность проявляется не только в отказе признавать революционную власть, но в стремлении уничтожить эту власть, которая может стать очагом заразы. Критерием для Священного Союза тут была идея единого международного права, понимаемого как состояние покоя, права торжественно признаваемого в нотах и протоколах⁸⁹⁾ и затем в конечном итоге, вера в истинность своего правопонимания, как совпадающего с началами христианской религии.

Система Священного Союза была разрушена извне и изнутри.

²⁸⁸⁾ „*Das Recht . . . ist nicht die Macht in Bewegung . . . sondern in Ruhe (opus operatum)*“. *Sjörger. Zur Lehre von den Formen des Unrechts*. *Jehring's Jahrbuch* XXXI., 1896, 380.

Ср. *Н. Н. Алексеев*. Основы философии права, 1924, 119 и д.

Для Меттерниха было вполне понятно значение принципа покоя и стабильности. „*La stabilité est la première condition de la durée de l'Empire d'Autriche*. Aussi son chancelier ne considérait-il pas le progrès et par suite le mouvement comme le but de l'existence sociale; à ses yeux, c'était le repos. *Toutefois la tranquillité d'un grand peuple ne saurait être un fait isolé, elle est subordonnée à la sécurité générale. Etablir le repos général lui semblait le véritable but de l'activité des hommes d'Etat*. Or l'ennemi de ce bien était le principe faux, désastreux, aboutissant à une perpétuelle instabilité, inauguré par la Révolution Française, sous le nom de souveraineté du peuple. Il fallait le combattre par le principe de légitimité du pouvoir absolu des princes, et au plan de la destruction universelle opposer la conservation de toute chose légalement existante“. *Ollivier. L'Empire libéral*, vol. I, 1895, Ch. III., § 2. Цитир. по *Redslob. Problem*, 241—242.

²⁸⁹⁾ Для Прудона ясно что с 1815 г.: „*Le droit public ou politique à chaque Etat et le droit des gens sont devenus une seule chose . . . D jà l'on peut prévoir le moment où une guerre entre deux Etats tombant sous la juridiction de l'Europe entière, ne sera considérée que comme la répression d'une révolte dans un seul Etat: l'insurrection, la guerre civile et la guerre étrangère ne serait plus qu'une même chose*“. *Proudhon. Si les traités de 1815 ont cessé d'exister?* стр. 57—58.

Не было физических сил, которые помешали бы свержению и изгнанию Бурбонов из Франции в 1830 г., не было возможности уничтожить национальное движение в Италии, Греции и Бельгии. И, наконец, вместо триумvirата Австрии, Пруссии и России, Наваринский бой 20 октября 1827 г. дал картину нового неслыханного объединения Англии, России и Франции, выступивших для спасения революционной Греции. Жизнь народов и право, регулирующее эту жизнь, не окаменевший мертвый пласт, но «реки воды живые», как говорил Достоевский о национальной идее. Идеи мира и права могут быть не оковами, а лишь гибкими рамками для текучих жизненных отношений, и плотина, созданная Священным Союзом, была вскоре окончательно размыта и уничтожена национальными революциями тридцатых и сороковых годов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ДОКТРИНА МОНРОЕ И ВМЕШАТЕЛЬСТВО

§ 26. Различные формы вмешательства в доктрине Монрое. § 27. Запрещение колонизации Америки европейцами. § 28. Принцип морального протектората Соединенных Штатов над Новым Светом. § 29. Идея универсального значения демократических принципов государственного устройства²⁹⁰).

§ 26. Практика Священного Союза ограничивалась Европой, но на лоне Союза неоднократно подымался вопрос о подавлении революционного движения в испанских южно-американских колониях, отделившихся от метрополии, начиная с 1810 г., и ведших с успехом борьбу за свою полную независимость²⁹¹). Такое выступление Священного Союза было менее всего приемлемо для Англии, симпатизировавшей по материальным и моральным соображениям независимости Центральной и Южной Америки.

²⁹⁰) Библиография доктрины Монрое у Kraus. Die Monroedoktrin in ihren Beziehungen zur amerikanischen Diplomatie und zum Völkerrecht 1913, 34—36. Из новейших работ особенно: Alvarez The Monroe Doctrine. 1924. J. B. Moore. The Principles of American Diplomacy 1918, 197—269 Hart. The Monroe Doctrine. Lawson. The Monroe Doctrine. 1922, источники собраны у J. B. Moore. Digest of International Law. 1906. vol. VI.

²⁹¹) В 1818 г., вопрос был возбужден по инициативе импер. Александра I. Debidour. Histoire diplomatique de l'Europe. I, 1891, 109. В 1823 г., вопрос поднимает во Франции Chateaubriand и затем Villèle J. E. Morison. Les origines de la doctrine de Monroe. Revue des sciences politiques, XII, VII, 1924, 70.

Каннинг, чувствуя слабость изолированной Англии, обратился к американскому послу в Лондоне Rush с предложением, чтобы Штаты торжественно протестовали против железной опеки Союза над народами²⁹²). Для президента Монрое и ст. секретаря Адамса было ясно, что декларация должна быть чисто-оборонительной и что действительное приложение, по существу универсальных, норм следовало бы ограничить Новым Светом.

Возникшая таким образом доктрина Монрое была исходным моментом для целой серии вмешательств и вместе с тем сама по себе она является попыткой правового оправдания вмешательства²⁹³). И в ней уже в ее примитивной форме заложены те принципы, которые находятся в самом остром противоречии с действующим правом. Доктрина не только противопоставляет, как это выражено у Вашингтона²⁹⁴) и Джефферсона²⁹⁵), Америку Европе. Она имеет другой характер. Она стремится односторонне ограничить роль политического влияния Европы в Америке, не лишая последней права авторитарного вмешательства в европейские дела, когда это ей заблагорассудится²⁹⁶).

§ 27. Для этой цели Монрое прежде всего выдвигает начало о недопустимости дальнейшей колонизации Америки европейскими народами. Расширение русских северо-американских владений до Орегона (согласно указу 1821 г. и страх соседства с могущественной военной империей было поводом для этого своеобразного запрета²⁹⁷).

²⁹²) Hart, Op. cit., 42 и д. Kraus. Op. cit. 45—48. Morison. Op. cit., 68 и д. Ср. также Cresson, 113—131.

²⁹³) J. B. Moore однако и сейчас называет доктрину Монрое «policy of non-intervention». Principles, 205. На этой же точке зрения стоит и Alvarez, который поэтому считает, что доктрина «... la base de ce qu'on peut appeler le droit international américain». Alvarez. Le droit intern. américain 1910, 139. Иначе ее квалифицировал Бисмарк, называвший ее «une impertinence internationale». Alvarez, 138. Правильно рассматривает доктрину Монрое Oppenheim I, § 139.

²⁹⁴) Вашингтон считал, что иностранное влияние «самый ядовитый враг республиканского правительства». См. его послание 17 сентября 1796 г. Ford. Writings of Washington XIII, 277, Kraus. 403—404. Ср. другие письма Вашингтона у Hart, 10—11.

²⁹⁵) Письмо Джефферсона Монрое 24 октября 1823 г. Kraus. 404—407.

²⁹⁶) Как это и осуществилось по отношению к венгерским революционерам в 1849—1850 г. (Moore D. J., I, 221 и д.), или по отношению к воставшим на острове Крите в 1868 г. Kraus 319—320.

²⁹⁷) Абзац 7 послания президента Монрое 2 декабря 1823 г.:

«Вследствие предложения импер. русского правительства, сделанного вешним русским послом, послу Соединенных Штатов в Петербурге даны полномочия и указания урегулировать взаимные права и интересы обеих наций на

На американском континенте еще были громадные незаселенные пространства и, конечно, как те государства, которые имели владения в Новом Свете, так и другие державы сохраняли право продолжать свою колонизацию.

На севере западнее Миссисипи, на юге части территории нынешней Боливии, Эквадора, Аргентины и Парагвая были еще никем не оккупированы. Подобная дисквалификация для европейских государств была лишь грубым покушением на их права и, конечно, юридически не имела никакого основания. Позднее президент Polk в 1845²⁹⁸) и 1848 г.²⁹⁹) и президент Грант в послании 1869 и 1870 г.³⁰⁰) идут дальше и объявляют недопустимым не только приобретение европейцами через войну, колонизацию или аннексию какой-либо части американской земли, даже, если местное население этого просит, но и переход американских колоний от одной европейской державы к другой³⁰¹). Единственно допустимым изменением в политическом положении колоний может быть только провозглашение ими независимости³⁰²).

северо-востоке этой части света. Соответственное предложение было сделано импер. правительством по отношению к правительству Великобритании и было тоже принято... Принимая во внимание переговоры, вызванные этими интересами, и соглашение, к которому повидимому приведут эти переговоры, имеется налицо повод установить основной принцип, затрагивающий права и интересы Соединенных Штатов, что американские континенты, вследствие достигнутого и сохраняемого ими свободного и независимого положения впредь не могут рассматриваться как объект будущей колонизации со стороны какой бы то ни было европейской державы.» *Americ. State Papers* 18 Cong. I sess № 2. 1823. *Kraus.* 37—38. *Moore D. VI*, 401.

²⁹⁸) *Beaumarchais.* La doctrine de Monroe, 1898, 68 и д. *Karrol Benaja.* Die Annexion von Texas, ein Beitrag zur Geschichte der Monroedoktrin, 1904. *Hart.* 114. *Henderson.* American Diplomatic Questions, 1901, 379 и д. *Kraus.* 83 и д., 407—409 (текст послания). *Pétin.* Les Etats Unis et la doctrine de Monroe, 1900, 91 и д.

²⁹⁹) *Beaumarchais.* Op. cit., 76 и д. *Hart.* 115. *Henderson.* Op. cit., 385 и д. *Kraus.* 97—100, 409—410 (текст послания). *Pétin.* Op. cit., 164 и д. *Sp. Moore D. I. VI.*, 423.

³⁰⁰) *Hart.* 163, 164. *Kraus.* 132 и д., 137 и д.

³⁰¹) „... *These dependencies* (европейские колонии в Америке) *are no longer regarded as subject to transfer from one European power to another*“ (послание 6 декабря 1869 г., презид. Гранта) Цитир. по *Kraus.*, 133.

³⁰²) „When the present relation of colonies ceases, they are to become independent powers, exercising the right of choice and self-control in the determination of their future condition and relations with other powers.“ *Ibid.*, loc. cit.

Эта первая форма вмешательства в компетенцию европейских государств, владеющих колониями на Новом Свете³⁰³).

§ 28. Вторая часть доктрины относится к центральному вопросу о борьбе южно и центрально-американских государств за независимость. Монрое говорит: «По отношению к Европе, покоя которой так долго нарушался войнами, наша политика остается все той же: не вмешиваться во внутренние дела какой бы то ни было европейской державы и признавать правительство фактическое, как правительство законное... Но что касается нашего континента, то тут обстоятельства совершенно иные. Нельзя допустить, чтобы союзные государства перенесли бы свою политическую систему на какую бы то ни было часть двух Американских континентов, не подвергая опасности наш мир и наше спокойствие. Никто не может поверить тому, чтобы наши братья на Юге, если бы даже они были предоставлены самим себе, согласились бы на иностранное вмешательство. Равным образом невозможно, чтобы мы отнеслись равнодушно к подобному вмешательству в какой бы то ни было форме³⁰⁴». И перед этим Монрое указывает, что американский народ глубоко предан своему республиканскому строю и никогда не допустит политических изменений на своем континенте. Южно-американские государства уже провозгласили свою независимость и они уже признаны Соединенными Штатами. Попытки порабощения этих государств будут рассматриваться Штатами, как враждебные выступления против них самих³⁰⁵). Монрое считает, что раз американские народы завоевали свою свободу, нельзя их снова лишать этих неотчуждаемых благ. К длительной тяжелой борьбе южно- и центрально-американских колоний Штаты относились почти с равнодушием. Военной и денежной помощи восставшим Штатам не оказывали, они ограничились

³⁰³) Ср. *Kraus.* 302—305.

³⁰⁴) *State Papers* 18 Cong. I sess. № 2, 1823, *Kraus.* 38—39.

³⁰⁵) «Мы считаем... своею обязанностью... заявить: мы будем рассматривать, как опасную для нашего мира и нашей безопасности всякую попытку с их стороны (со стороны европейских держав) распространить их систему на какую бы то ни было часть этого континента. В дела существующих колоний и владений европейских держав мы не вмешивались и не будем вмешиваться. Но мы не можем не рассматривать как проявление враждебного поведения по отношению к Соединенным Штатам вмешательство европейской державы с целью порабощения или для определения другим способом их судьбы в дела правительств, которые провозгласили и поддерживают свою самостоятельность, и независимость которых была признана нами согласно правильным принципам после тщательного рассмотрения». *Ibid.* loc. cit.

своеобразной моральной поддержкой, выразившейся в том, что еще в 1810—1812 г., президент *Madison* отправил американских консулов в Буэнос-Айрес и Каракас³⁰⁶). Эти консулы должны были работать совместно с революционными юнтами, и в 1811 г., в послании Конгрессу тот же президент говорит «о глубоком интересе к судьбам восставших колоний»³⁰⁷). Однако официальное признание последовало лишь в 1822 г., когда борьба стала подходить к концу и когда Штаты, по политическим соображениям (присоединив уступленную Испанией Флориду) получили большую свободу действий³⁰⁸).

В послании Конгрессу 7 декабря 1824 г. Монрое опять указывает, что в сущности новые американские государства завоевали свою независимость еще до признания Штатами. Если внутри их идет брожение и происходят непрерывные волнения, то это лишь простое наследие прошлого. С течением времени эти потрясения больше не будут иметь места, и в новых государствах сложится система представительного демократического строя, подобного строю Штатов. Поэтому президент с глубоким сочувствием приветствует эти правительства и желает им процветания³⁰⁹).

Центр тяжести однако лежит не в симпатиях, а в том значении, какое приписывают Штаты своему официальному акту признания. Этот акт вызвал энергичный и решительный протест испанского посла в Вашингтоне, настаивавшего на том, что признание является авторитарным и недопустимым вмешательством во внутренние испанские дела³¹⁰). В Южной и Центральной Америке вооруженная борьба не закончилась, и в колониях нет устойчивой, организованной правительственной власти, но имеются лишь главарь восстания, пытающиеся управлять через военную диктатуру, вызывающую среди местного населения в свою очередь волнения и мятежи³¹¹).

Насколько признание было преждевременным — это спорный и трудно разрешимый вопрос. Некоторый произвол в данном случае неизбежен. Ждать же признания со стороны государства, от которого

³⁰⁶) *Morison* в *Revue des sciences politiques*. 1924, 52 и д.

³⁰⁷) *Ibid.*, 58 и д.

³⁰⁸) Текст послания президента Монрое по поводу признания 8 марта 1822. *Martens*. N. R. X, I, № 47, 148—152. Доклад комитета по иностранным делам палаты народн. представителей от 19 марта 1822. *Ibid.* 152—162.

³⁰⁹) *Zeballos*. La politique de Madison, la déclaration de Monroe et les intérêts de l'Amérique et de l'Europe. R. G. XXI, 1914, 302—303.

³¹⁰) Нота испанского посла в Вашингтон *d'Anduaga* 9 марта 1822 г. *Martens* N. R. X, I, особенно 166.

³¹¹) *Ibid.* 164—165.

отделилось новое образование, конечно, невозможно³¹²). Декларация Монрое значительна и своеобразна в правовом смысле по другим основаниям. Штаты признали южно и центрально-американские государства. И Штаты считают, что раз они признали новые политические образования, другие европейские державы *обязаны* идти по тому же пути. Им незачем больше рассуждать о том, существуют или нет новые государства. Европейское выступление для подавления восстания колоний не может иметь место, потому что колоний уже нет, потому что Испания потеряла свои державные права и поэтому такое выступление становится *вмешательством* по отношению к молодым американским Республикам.

Формально дело обстоит иначе. Если испанское правительство согласилось бы на помощь Франции для подавления восстания колоний, *это не было бы, согласно позитивному праву, вмешательством*. Наоборот, запрещение Штатов по адресу Испании прибегать к европейской помощи и по адресу всех европейских держав помогать Испании является *ярким и определенным случаем вмешательства*.

Ни представители американской, ни европейской науки (даже чрезвычайно добросовестно осветивший проблему *Kraus*) ни разу не отметили этого основного противоречия, бросающего новый свет на сущность доктрины Монрое и объясняющего дальнейшие выводы, которые делала из доктрины американская дипломатия в XIX и XX веках.

Если Штаты считают, что их признание новых американских государств *обязательно* для других держав, то, согласно объяснению Монрое, это объясняется *очевидностью* заинтересованности Штатов во всем, что происходит на Новом Свете. Отсюда и своеобразная опека над новыми образованиями и роль Штатов, как верховного блюстителя свободы и независимости народов Америки. С этой точки зрения находит свое второе обоснование запрещение колонизации Америки европейскими государствами, нарушающими своими владениями однородную политическую структуру Нового Света: *«Немыслимо отрицать, — говорил ст. секр. Ольней в ноте 20 июля 1895 г., — что три тысячи морских миль и наличие океана делают*

³¹²) Сейчас такую точку зрения можно считать *communis opinio doctorum*. *Anzilotti*. Corso I, 93. *Bluntschli-Bonfils*. 123. *Calvo*. I, 241. *Fauchille*. I, 317. *Foignet*. 86. *Gareis*. 64. *Hall-Higgins*. § 26, 85. *Halleck*. I, 90—91. *Hatschek*. 146. *Heilborn*. Völkerrecht, 504. *Hershey*. 116—117. *Holtzendorff*. II, 24 и д. *Lawrence*. 88—89. *Liszt*. § 5, IV. *Oppenheim*. I, §§ 71—75. *Martens*. I, 279. *Phillimore*. II, 20—44. *Pradier-Fodéré*. I, 242. *Ullmann*. 126—127, и др.

и мало естественным и мало удобным политические связи между американскими и европейскими государствами...»³¹³). Если это имеет значение в материальном смысле, то еще более в моральном. И другой ст. секретарь еще раньше выражал надежду, что настанет момент, когда европейские государства добровольно ликвидируют свои владения в Новом Свете и «Америка станет американской»³¹⁴). Установив у себя настоящий тип *self-government*, Штаты считают, что подобный строй должен быть нормальным и для других американских государств³¹⁵). Монрое резко отвергает попытки Священного Союза распространить свою политическую систему на Новый Свет, и из этой отрицательной программы выросла положительная: стремление обеспечить повсюду во всех уголках Америки свободный строй.

В последнее десятилетие XIX века восстание на острове Кубе привлекает внимание американских политических кругов. В 1896 г. сенат р Дэйвис вносит проект резолюции, утверждающей, что на острове Кубе испанские власти осуществляют свой политический испанский режим, принимающий характер военного деспотизма и что такое расширение испанского режима есть нарушение принципов Монрое³¹⁶). Штаты не могут мирным путем заставить Испанию ввести представительный строй на Кубе, и эта цель достигается войной и провозглашением самостоятельности Кубы³¹⁷).

§ 29. В доктрине Монрое однако есть еще третья сторона, почти совершенно игнорируемая при ее изучении, но имеющая, быть может, еще больше правового и политического значения. В дни своей молодости, еще в 1794 г., Монрое присутствовал в Париже на заседании Конвента, и Мерлен де Дуэ заявил тогда, что цель двух республик «achever l'anéantissement d'une coalition impie des tyrans»³¹⁸). Эта

³¹³) Инструкции ст. секр. Ольнея американскому послу в Лондоне Bayard in extenso приведены у Kraus, 427—446, особ. см. 440.

³¹⁴) Эти мысли были сформулированы с большою резкостью ст. секр. Fich в докладе президенту Grant 14 июля 1870 г. Hart, 165, Moore. D. J. VI, 431.

³¹⁵) Kraus стремится затушевать эту основную тенденцию доктрины. Kraus 68—72. Ср. однако энергичную резолюцию нижней палаты 4 апреля 1864 г. по поводу попыток Франции установить в Мексике монархический строй. Ibid., 125.

³¹⁶) Ср. Hart. 207 и д. Kraus. 331 и д.

³¹⁷) Hart, 208—209. Резолюция Сената 20 апреля 1898 г. о признании независимости Кубы у Kraus, 334. Ср. также Beaumarchais. Op. cit. 145 и д. и Pétin. Op. cit., 360 и д. Moore. Principles, 208 и д.

³¹⁸) Morison. Revue des sciences politiques. 1924, 80.

революционная психология отразилась на первоначальных проектах декларации, составленных лично президентом. Он желал открыто выразить порицание Франции за вооруженное вмешательство в испанские дела, он считал необходимым, вопреки решениям Веронского конгресса, торжественно признать независимость восставшей Греции и послать туда дипломатическую миссию³¹⁹). И, наряду с этим, Монрое хотел в своей декларации, в противоположность легитимизму, защищаемому Священным Союзом, провозгласить другие прямо противоположные принципы: 1) правительство, чтобы быть законным, должно основываться на согласии управляемых; 2) только сам заинтересованный народ — судья своего правительства; чужое государство не может силой навязывать какому бы то ни было народу форму правления. Первое — принцип свободы, второе — национальной независимости и они «...are both Principles of Peace and of Good Will to Men»³²⁰). В известном смысле — это возвращение к учению о *volonté générale* и открытый вызов чистой теории легитимизма. Священный Союз отрицал право народов на уничтожение монархического строя; наоборот, Монрое утверждал и не только для Америки, но и для Европы, что Штаты будут считать всякое, хотя бы возникшее революционным путем фактическое правительство правительством законным. И это не было простым академическим утверждением и логическим выводом из идеи свободы и независимости государств, но это было и практической нормой, потому что в послании Монрое говорится о героической борьбе Греции, долженствующей занять равное место среди других государств³²¹). Греция станет свободной, и американцы, со своей стороны, горячо сочувствуют маленькому христианскому народу в его героической борьбе. Для того, чтобы сильнее подчеркнуть значение этого места послания, в конгрессе был внесен проект кредита на содержание в Греции агента, или комиссара, назначение которого могло состояться по простому распоряжению президента.

И один из выдающихся деятелей Америки начала XIX века Вебстер, выступая в защиту кредита, указал, что две проблемы: независимости народов и существования свободных учреждений не могут не быть предметом самых серьезных интересов американской

³¹⁹) Morison. Ibid., 79.

³²⁰) Hart, 61. В этом смысле впоследствии президент Вильсон мог утверждать, что он стремится сделать доктрину Монрое мировой.

³²¹) Tchernoff. Nation et la Société des Nations. 1919, 173 и д.

нации³²²). Это вытекает из сознания американцами своего долга и своего престижа. Время и мир будут способствовать дальнейшему росту Штатов. Но в силу счастливых обстоятельств, благодаря мудрости и доблести предков, Штаты находятся в таком положении, что не могут играть второстепенной роли в разворачивающихся мировых событиях. «Как одному из свободных государств среди наций, как великой республике, нам невозможно, даже если бы мы попытались это сделать, помешать тому, чтобы наши принципы, наши чувства, наш пример не отразились бы на чаяниях цивилизованного мира»³²³). Сейчас идет борьба между абсолютными и конституционными правительствами. В этом конфликте Штаты будут стоять на страже своих учреждений. Защита этих благ не дело частное американцев, но дело общее для всех народов. Защищая свой строй и свои идеалы, Штаты охраняют те высшие принципы, на которых покоятся международные учреждения. В качестве великой республики могут ли Штаты допустить, чтобы начала, которыми они живут и дышат, были бы унижены и поруганы? На весы справедливости и свободы Штаты должны возложить всю тяжесть своего авторитета. «Человечество должно знать, что нам еще не надоели наши учреждения, и что мы протестуем против желания властителей дать Европе облик по своему капризу». Близка или далека опасность — для принципов это безразлично. Притязания монархов вмешиваться одинаково неприемлемы как в отношении Испании и восставших колоний, так и по отношению к другим мелким государствам. Только соображения политического характера и оппортунизм могут заставить Штаты в этих двух случаях поступать различно. Но никогда нельзя согласиться со взглядами, что весь мир можно разделить пополам:

³²²) Speeches by Daniel Webster. 1850, I, 240 и д.

³²³) Через семьдесят лет ст. секрет. Ольней (в 1895 г.) опять противопоставляет монархическую Европу свободной Америке. Америка. „...in the United States of America has furnished to the world the most conspicuous and conclusive example and proof of the excellence of free institutions, whether from the standpoint of national greatness or of individual happiness“. „The people of the United States have a vital interest in the cause of popular self-government. They have secured the right for themselves and their posterity at the cost of infinite blood and treasure.“ Но ст. секр. Ольней считает, что время крестовых походов прошло: „But the age of Crusades has passed, and they are content with such assertion and defense of the right of popular self-government as their own security and welfare demand.“ Цитир. по Kraus. 440—441. Однако через один год, в 1896 г., ст. секр. Ольней утверждает: „The people of United States... are interested in any struggle anywhere for free political institutions“. Hart. 208.

одну часть предоставить Священному Союзу, другую — Штатам³²⁴).

Отсюда один вывод — нет места дележу, но должно быть место для мирового распространения единственно правильной и соответствующей духу времени — американской доктрине. Если в Америке должны исчезнуть колониальные владения европейских народов, то в самой Европе Штаты будут приветствовать замену правительств законных правительствами фактическими, т. е. революционными.

В 1849 г. в Америке верили в успешность венгерского восстания³²⁵). В послании Сенату президент Тэйлор счел возможным упомянуть об отправке в Венгрию специальной полуофициальной миссии. Это вызвало резкий протест австрийского поверенного в делах. Вебстер, будучи статс-секретарем, в ноте 21 декабря 1850 г. энергично возражал австрийскому представителю³²⁶). Соединенные Штаты не могут относиться равнодушно к событиям, разыгрывающимся в Европе с февраля 1848 г. Штаты не могут не испытывать самых горячих симпатий к движению, источником которого являются начала, лежащие в основе американской конституции. Штаты, будучи демократическими в своей политической организации, не могут мешать другим народам брать себя за образец. Они не могут быть простыми зрителями, и им должно принадлежать право свободно выражать свое мнение по поводу политических событий, имеющих место среди цивилизованных народов.

Эта свобода понималась Штатами своеобразно. Для перевозки Кошута в Америку был послан фрегат «Миссисипи»; венгерский революционный деятель был торжественно принят в Вашингтоне в Белом Доме и затем, перед лицом американских народных представителей, развивал принцип освобождения в Европе угнетенных национальностей³²⁷). Однако вмешательство прямое и активное признавалось в Америке невозможным. Штаты готовы были стать восприимчивыми свободных республиканских образований в Европе, и американские послы были первыми признавшими безоговорочно правительство во Франции в 1848 г.³²⁸) и 1870³²⁹).

Дальше идти было нельзя. Достаточно, что на американском

³²⁴) Speeches by D. Webster. Loc. cit.

³²⁵) Calvo. I, 245. Hart. 121. Kraus. 315 и д. Moore D. I, 218 и д. Moore. Principles. 202 и д.

³²⁶) Moore D. I, 223 и д.

³²⁷) Hart. 122—123. Kraus. 319—318.

³²⁸) Martens. N. R. G. XII, 64, 68.

³²⁹) St. A. XI, 1871, No. 4357, 313.

континенте горит светоч свободы — символ надежд для всех народов, и надо поддерживать этот последний неприступный оплот демократии³³⁰). Формально, однако, Штаты сохраняют за собой право вести за собой другие нации и быть для них наставником и вождем. Для Старого Света Штаты оставались лишь идеалом, но мог настать исторический момент, когда они могли бы взять на себя задачу наложить печать своей индивидуальности на европейские отношения.

В основе лежит одно стремление — непреодолимая вера в то, что политический идеал уже достигнут Штатами, и что упрочение вселенского порядка может быть обеспечено лишь при провозглашении принципов свободного управления для всех государств.

Исходным моментом доктрины Монрое был страх перед соседством в Америке с деспотической русской империей, последним аккордом доктрины было утверждение вселенской и мессианской роли Штатов, на которых лежит, кроме задачи устроения Нового Света, вторая более грандиозная — моральное попечение о судьбах всего мира.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И ВМЕШАТЕЛЬСТВО

§ 30. *Вмешательство трех великих держав в борьбу Греции за независимость.* § 31. *Вмешательство великих держав в Бельгийское восстание.* § 32. *Попытка вмешательства европейских государств в польское восстание в 1863 г.*

§ 30. Международная практика XIX века осуществляет французскую революционную программу вмешательства в ее первоначальном виде помощи восставшим народам. Вмешательство реализуется во имя защиты прав национальностей, и сам творец Священного Союза вынужден был в резкой форме поставить вопрос Оттоманской империи, имеет ли она право на существование, или она должна быть стерта с лица земли, и угнетаемые ею христианские народы должны быть освобождены. «Блистательная Порта, — гласил ультиматум императора Александра I, 28 июня 1821 г., — ставит перед христианским обществом народов альтернативу, может ли оно остаться спокойным зрителем уничтожения христианского народа, может ли оно переносить подобные оскорбления для религии,

³³⁰) *Hart*. 123 (речь Henry Clay).

или же оно должно считать недопустимым существование государства, являющегося угрозой для европейского мира, купленного ценою таких чрезвычайных жертв»³³¹).

Восстание в Греции³³²), сначала поддержанное Россией, привело к провозглашению независимости в знаменитой Эпидаврской декларации 30 апреля 1822 года³³³). Здесь нашло свое яркое выражение воля бытия греческого народа. Последний призывал небо и землю в свидетели, что, несмотря на турецкое иго, он всетаки существует. Оттоманское господство оказалось свергнутым и через своих законных представителей, созванных в Национальное собрание, Греция провозгласила свою политическую независимость и создала единую правительственную власть. Греки пытались завоевать свою самостоятельность собственными усилиями, но, сознавая необходимость внешней поддержки и внешнего признания, они обратились к христианским государям Европы на Веронском конгрессе с просьбой о помощи (1822 г.). Однако Священный Союз выразил порицание грекам, участь которых должна быть улучшена, но которые не должны были прибегать к попыткам насильственного отторжения от государства, законными подданными которого они являлись³³⁴).

И только в последний критический момент борьбы, когда силы греков были почти истощены, последовало вмешательство сначала двух, потом трех великих держав. Согласно Петербургскому протоколу, 4 апреля 1826 г., Англия и Россия решили требовать для Греции автономии при условии сохранения вассальной зависимости от Турции и соглашались признать за греками право свободного выбора главы правительства с утверждением его со стороны Порты. Этот протокол должен был сохранить силу и независимо от того, произойдет или нет вооруженное столкновение России с Турцией. Наконец, — что особенно важно, — обе великие державы подчеркивали, что они заранее отказываются от всяких территориальных, финансовых и коммерческих выгод и что в этом отношении они должны быть приравнены к другим европейским государствам³³⁵).

³³¹) *Debidour*. Histoire diplomatique de l'Europe. I, 168.

³³²) *Isambert*. L'indépendance grecque et l'Europe. 1900, там же подробная библиография, стр. 417 и д., и особенно *Driault-Lhéritier*. Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. Paris. 1925, volumes I—II.

³³³) *Martens*. N. R., I, VI, 144 и д. Другие документы собраны у *Strupp*. La situation internationale de la Grèce. 1821—1917. 1917.

³³⁴) *Debidour*. Op. cit., I, 187, 191.

³³⁵) *Debidour*. Op. cit., I, 233—234.

Другим актом — Лондонским договором 6 июля 1827 года, — в котором приняла участие и Франция³³⁶⁾, были подтверждены начала Петербургского протокола и были определены меры, которые должны быть приняты для оказания давления на Порту. Союзные державы для оправдания вмешательства во внутренние дела Турции ссылались на просьбу греческого революционного правительства о посредничестве и на необходимость во имя моральных и материальных интересов положить предел кровавой борьбе, влекущей за собой анархию и перерыв в торговых сношениях с местностями в районе Эгейского моря³³⁷⁾³³⁸⁾. Державы предупреждали, что, в случае отказа Порты от ответа, они силой вынудят обе воюющие стороны принять перемирие³³⁹⁾. Турция уклонилась от ответа и продолжала подавление восстания³⁴⁰⁾. 20 октября 1827 г. союзные адмиралы уничтожили турецко-египетский флот в Наваринском рейде³⁴¹⁾, позднее, 26 апреля 1828, г. император Николай I торжественным манифестом объявил войну Турции. 14 сентября 1829 г. был заключен Адрианопольский мир, обеспечивший фактически полную самостоятельность Греции³⁴²⁾. Еще до окончания войны Лондонский протокол 22 марта 1829 г. определил, что Греция будет состоять из континентальной части до заливов Арты и Воло, из Морей и Цикладских островов, и что государственный строй в Греции будет монархическим. Это было вторично подтверждено Лондонским протоколом 3 февраля 1830 г.³⁴³⁾ гарантировавшим Греции «*indépendance complète*»³⁴⁴⁾³⁴⁵⁾.

³³⁶⁾ Текст договора 6 июля 1827 г. *Martens. N. R. I, VII, 282* и д.

³³⁷⁾ *Debidour. Op. cit., I, 245* и д.

³³⁸⁾ Греческое правительство так квалифицирует выступление великих союзных держав: „Le Traité de 6 juillet, signé à Londres par les Plénipotentiaires des trois grandes Puissances: l'Angleterre, la France et la Russie, et publié déjà de tout côté ne nous permet plus de doute que les Grandes Puissances ont pris la décision de mettre un terme à notre guerre par leur *intervention forte et efficace*“. Декл. 21 авг. 1827. *Martens. N. R. XIII, 76*.

³³⁹⁾ *Martens. N. R. XII, 2—6*.

³⁴⁰⁾ Ср. протоколы Константинопольского совещания союзных послов. *Martens. N. R. XII, 14* и д.

³⁴¹⁾ Донесения адмирала de Rigny и гр. Гейдена о Наваринском бое. *Martens. N. R. XII, 137* и 139.

³⁴²⁾ *Martens. N. R. VIII, 149*.

³⁴³⁾ *St. A. III, No. 467, 435—437*.

³⁴⁴⁾ Ср. *Strupp. W. VR. I. Griechenland, 433*.

³⁴⁵⁾ Хотя формально следует считать существования Греции, как субъекта международного права с 1832 г., со времени ее коллективного признания на Константинопольской конференции. *Fauchille I, 304*.

§ 31. Точно так же в порядке инвеституры со стороны великих держав, вмешавшихся в восстание бельгийцев против Голландии в 1830 г., было закреплено национальное независимое существование Бельгии³⁴⁶⁾. Уже на первом заседании Лондонской конференции, на которой были представлены великие державы, 4 ноября 1830 г., было решено признать бельгийцев воюющей стороной, и в Брюссель были посланы для переговоров с революционным правительством делегаты держав³⁴⁷⁾.

В Лондоне представители 5 великих держав: Австрии, Англии, Пруссии, России и Франции, на длительной конференции в 1830—1831 гг., авторитарно установили границы нового государства, наметили личность монарха, и вместе с тем французские войска не допустили попыток Голландии силой восстановить прежний порядок, или по крайней мере добиться значительных уступок со стороны нового бельгийского государственного образования³⁴⁸⁾.

Обе стороны энергично протестовали против авторитарного характера выступления великих держав. 10 декабря 1830 г., в ноте британскому послу в Гааге, Пальмерстон требовал признания голландцами бельгийского торгового флага³⁴⁹⁾, 20 декабря в очередном протоколе Конференции говорилось о бельгийском правительстве³⁵⁰⁾. Последнее было предвестником признания бельгийской независимости и поэтому вызвало резкие возражения со стороны Голландии³⁵¹⁾. Нельзя односторонне разрывать Венский договор 1815 г. Недопустимо санкционировать восстание, не вызванное никакими серьезными мотивами. Таким путем компрометируется «устойчивость тронов», «социальный порядок всех государств, спокойствие и благосостояние всех народов». Вместе с тем нарушаются и жизненные интересы и права Голландии. Бельгия была приобретена не даром. Голландия вынуждена была принять на себя бремя тяжелых военных расходов и должна была уступить Англии свои богатые колонии³⁵²⁾.

³⁴⁶⁾ *Juste. Histoire de Belgique III, 1868*, и ряд его же монографий: *Les fondateurs de la monarchie belge. 1867, 1880.*, *Le congrès national de Belgique I, II. 1880* и др. *Nothomb. Essai historique et politique sur la révolution belge (1833) 4-ое изд. 1878*, по русски: *бар. Н. Э. Нольде. Постоянно нейтральное государство. 1905*.

³⁴⁷⁾ *Debidour. I, 301—302*.

³⁴⁸⁾ *Martens. N. R. G. I, 79* и д.

³⁴⁹⁾ *Martens. N. R. G. I, 119—120*.

³⁵⁰⁾ *Martens. N. R. G. I, 125*.

³⁵¹⁾ *Martens. N. R. G. I, 128—129*.

³⁵²⁾ *Martens. N. R. G. I, 143—144*.

Если для Голландии вмешательство держав в борьбу с бельгийским народом представлялось тяжким правонарушением, потому что в данном случае отвергался существовавший порядок отношений и приобретенные права, то для только что возникшей Бельгии казалось покушением на ее суверенитет, на *volonté générale* ее народа, определение ее границ великими державами, сознательно отвергавшими момент свободного волеизъявления заинтересованного населения и выдвигавшими лишь соображения политического характера.

Уже в ноте 23 ноября 1830 г. бельгийское временное правительство подчеркивало, что выступление великих держав должно быть лишь дружественным посредничеством, лишь предложением добрых услуг воюющим сторонам и ни в коем случае не должно принять характер вмешательства³⁵³). Когда же со стороны Конференции последовало решение об оставлении Люксембурга и Местрихта за Голландией (20 января 1831) бельгийский национальный конгресс в торжественной декларации 1 февраля 1831 г. протестовал против расчленения своего отечества: «Il n'abdiquera dans aucun cas, en faveur des cabinets étrangers, l'exercice de sa souveraineté que la nation belge lui a confié; il ne se soumettra jamais à une décision qui détruirait l'intégrité du territoire et mutilerait la représentation nationale...»³⁵⁴).

Несмотря на протесты, Бельгия вынуждена была принять как предварительный проект договора, определявшего ее границы (соглашение из 18 статей 26 июня 1831 г.)³⁵⁵), так, после вооруженного столкновения с Голландией, и окончательный договор (соглашение из 24 статей 15 октября 1831 г.), формально закрепивший существование нового государства³⁵⁶).

§ 32. Проблема вмешательства с новой силой выдвигается в 1848 г., в год революционной грозы, когда одновременно во Франции, Германии, Австрии и Италии происходят восстания национального и социального характера. Особенно бурно обсуждаются вопросы международного характера в Национальном Собрании в Париже. 10 мая Воловский ставит на обсуждение вопрос о помощи Польше. Его поддерживают другие депутаты, указывая, что Республика может жить лишь при условии распространения своих

³⁵³) *Martens*. N. R. G. I, 94 и д. Ср. с бельгийской нотой 6 декабря 1830 г. Ibid. 118 и с голландской 4 января 1831 г. Ibid. 144.

³⁵⁴) *Martens*. N. R. G. I, 158—160.

³⁵⁵) *Debidour*. I, 297 и д.

³⁵⁶) *Debidour*. I, 302 и д.

принципов. 15 мая толпы народа врываются в Собрание и *Blanqui* требует, чтобы Франция не вкладывала свой меч в ножны, пока не будет восстановлена Польша³⁵⁷). 23 мая опять обсуждается польский вопрос, и *Sarrans* утверждает, что Франция всегда защищала дело народов слабых и угнетенных³⁵⁸). Депутат *Vavin* предлагает голосовать декларацию, заключительная часть которой гласит: «...Франция, в границах своего влияния, будет требовать, чтобы в основу европейского соглашения было бы положено восстановление независимой Польши. Собрание предлагает правительству Республики считать эту декларацию правилом своего поведения и основой всяких переговоров»³⁵⁹).

Наконец, на заседании 24 мая принимается резолюция более широкого значения, отражающая симпатии не только к Польше, но и к другим национальностям, жаждущим своего освобождения и объединения: «L'Assemblée nationale invite la Commission exécutive à continuer de prendre pour règle de sa conduite les vœux unanimes de l'Assemblée résumés dans ces mots: pacte fraternel avec l'Allemagne, reconstitution de la Pologne libre et indépendante, affranchissement de l'Italie»³⁶⁰).

Эта идеалистическая программа осуществляется только частично. И проблема Польши остается еще долго неразрешенной, хотя она вызывает через пятнадцать лет попытку вмешательства почти всех европейских государств против России.

Польское восстание 1863 г. приводит не только к решительному выступлению Австрии, Англии и Франции (ноты 10 и 12 апреля 1863 г.), ссылающихся на угрозу европейскому миру и на договорные обязательства России (по Венскому договору, обеспечивавшему полякам отдельную организацию управления³⁶¹). Одновременно про-

³⁵⁷) *Spuller*. Histoire parlementaire de la seconde République, 1891, 80 и д.

³⁵⁸) *Tchernoff*. Les Nations et la Société des Nations. 1918, 96.

³⁵⁹) *Tchernoff*. Op. cit., 95—96.

³⁶⁰) *Moniteur universel* 25 mai 1848. *Tchernoff*. 99.

³⁶¹) Англ. нота лорда Рёсселя. St. A. IV, № 708, 375—377, Франц. нота Drouyn de Lhuys № 705, 372. Австр. нота графа Rechberg 12 апр. № 712, 381. Drouyn de Lhuys. Ibid, 373 и д. — гр. Rechberg. Ibid. 382 и д. Что касается договорного обоснования вмешательства, то это было, конечно, неправильно: „Pendant que l'Europe ou plutôt les Puissances libérales de l'Europe disaient: Vous êtes obligés par les traités à constituer une représentation et une administration séparée et nationale. — On répondait: oui, mais dans le mode d'existence politique que nous jugeons utiles et convenables, et les détails ne sont qu'une question intérieure qui ne regarde pas l'étranger“. Речь Billault во франц. Сенате 19 марта 1863 г. St. A. IV, 203.

исходят заявления от Испании, королева которой утверждает по собственному опыту, что внутренние волнения лучше всего прекращаются милосердием³⁶²), затем от Швеции, повторяющей те же аргументы³⁶³), от Италии, указывающей, что одной силой ничего нельзя достигнуть³⁶⁴), от Голландии³⁶⁵), от Дании, утверждающей, что подавление насильем польского восстания грозит всеобщему миру и особенно маленьким народам (на это Горчаков ответил, что опасность всеобщему миру и маленьким народам грозит с другой стороны)³⁶⁶), и, наконец, от Турции, которая не принимала участия в Венском конгрессе, но которая в инструкциях своему послу в Петербурге говорит, что она не может равнодушно относиться к продолжению польского восстания, дающего опасный пример оттоманским провинциям³⁶⁷).

Кроме этой довольно пестрой мотивировки и кроме ссылок на «...lois de l'humanité et les intérêts européens»³⁶⁸), имеются однако и другие основания, которые отчасти нашли свое выражение в нотах 1863 г., а отчасти были гораздо резче и лучше формулированы Пальмерстоном еще в 1832 г.

Прежде всего это вопрос национального существования Польши. Как говорил один министр Наполеона III (Billault): «Il y a là malheureusement un peuple qui ne peut ni mourir ni vivre dans les conditions qui lui sont faites»...³⁶⁹). Пальмерстон однако утверждал другое. Он говорил, что русское правительство стремится уничтожить польскую национальность, и что это покушение оправдывает британское выступление. В замечательных инструкциях (3 июля 1832 г.) лорду Дургаму, отправленному с чрезвычайным поручением в Вену, Берлин и Петербург, говорилось: Венские акты имели целью сохранение польской национальности, русская власть пытается вырвать с корнем все отличительные признаки, характерные для нации. За-

³⁶²) Исп. нота 21 марта 1863 г. St. A., IV, № 713, 383.

³⁶³) Шведск. нота 7 апреля. St. A. IV, № 715-384—385.

³⁶⁴) Итальянск. нота 23 апреля. «Наше выступление должно соответствовать принципам, на которых покоится существование королевства Италии». Ibid. № 717, 386. Вторая нота № 725, 892.

³⁶⁵) Голландск. нота 28 апреля. Ibid. № 719, 388: польское восстание „événements douloureux auxquels s'intéresse l'humanité toute entière“.

³⁶⁶) Датск. нота 8 мая. Ibid. № 721, 389—390.

³⁶⁷) Турецкие инструкции 14 мая. послу Халил-бею. Ibid. № 729, 397—398.

³⁶⁸) Ср. напр. нота Drouyn de Lhuys 16 июня 1863 г. St. A., V, 348 и д., нота гр. Rechberg 18 июня. Ibid., 354—355.

³⁶⁹) Речь Billault в Сенате 19 марта 1863 г. St. A. IV, 208.

прещение польских национальных цветов, введение в официальных сношениях русского языка, уничтожение польских школ и просветительных учреждений, вывоз польских детей в Россию для получения там образования, выселение целого ряда польских семей внутрь России, строгости при военном наборе, назначение русских чиновников, контроль над церковными делами — все это свидетельствует о желании уничтожить политический и национальный характер Польши и обратить ее в русскую провинцию³⁷⁰).

Второй мотив, развиваемый в нотах лорда Рёсселя — это идея правового государства. В основе этого момента лежит прежде всего начало примата права (*the supremacy of law over arbitrary will*). Когда господство законности обеспечено, граждане мирно и в безопасности посвящают свое время труду, и их воля не обращается против власти. «Partial tumults, secret conspiracies, and the interference of cosmopolite strangers, will not shake the firm edifice of such a Government». При твердом правопорядке будет и доверие управляемых к власти и, в частности, такое доверие будет иметь место, если полякам будет обеспечена «...national Administration congenial to the sentiments of the people»³⁷¹).

Отсюда и вытекали знаменитые 6 пунктов в нотах лорда Рёсселя, графа Rechberg и Drouyn de Lhuys от 17 и 18 июня 1863 г. с требованием амнистии, национального представительства, назначения поляков на государственные должности, обеспечения свободы совести, свободы пользования языком и реформы рекрутского набора³⁷²).

Принципиально в правовом смысле Россия устами князя Горчакова становилась на точку зрения интервентов, хотя и отвергая самым решительным образом ссылки на *договорное* обоснование, но принимая мотивацию в виде «европейского интереса» «законов человечности» и доказывая, что эти начала, правильно понятые, оправдывают действия русских властей³⁷³).

³⁷⁰) St. A. I, 245—246. Ср. Stowell, 115—117.

³⁷¹) Ср. особенно ноту лорда Рёсселя 17 июня 1863 г. St. A. V, 340—343. В этом же направлении движется и аргументация марк. Веносты, настаивающего в своей второй ноте, что всеми цивилизованными государствами признается „nécessité d'unir les peuples à leur Gouvernement avant tout par des liens moraux“. St. A. IV, 392. Возражения кн. Горчакова лорду Рёссель в ноте 13 июня 1863 г. St. A. V. 343—348.

³⁷²) Англ. нота 17 июня 1863 г. St. A. V, 340 и д. Франц. нота того же числа. Ibid., 348 и д. Австр. нота 18 июня. Ibid., 354 и д.

³⁷³) Ср. например, ноту 1/13 июля в Париж послу бар. Будбергу St. A. V, 350 и д., того же числа в Вену Балабину. Ibid, 356 и д. В данном случае гораздо

Однако уже в 1832 г., британский посол Heytesbury указал Пальмерстону, что имеются глубокие причины чисто-политического характера, делающие вмешательство неприемлемым для России³⁷⁴), и затем через тридцать лет Горчаков в ответе лорду Рёсселю привел мотивы тоже политического характера: «Для каждого знакомого с прессой, защищающей интересы польского восстания, должно быть ясно, что восставшим нужна ни амнистия, ни автономия, ни представительство более или менее полное. Им даже недостаточна полная независимость... Их цель господство над провинциями, где население в своем громадном большинстве русское и их стремление создать Польшу до двух морей, включая и провинции, принадлежащие соседним государствам»³⁷⁵).

В 1863 г., ни Англия, ни Австрия не желали вооруженного столкновения с Россией. Лорд Рёссель считал что в 1815 г., можно было перекраивать карту Европы, но в 1863 г. это было невозможно³⁷⁶). Россия устами канцлера Горчакова отвергла идею Конференции, которая должна была бы принять характер суда над действиями русской власти, и грандиозная попытка изменить авторитарным путем внутренние отношения великой державы закончилась для интервентов полной неудачей.

Политическое поражение Англии и Франции однако не могло уничтожить правового значения их выступления, и это вмешательство 1863 г., принципиально допущенное Россией, было, быть может, наиболее значительным показателем того общего языка, на котором могли говорить великие державы во второй половине XIX века, языка отражавшего не позитивно-догматические веления, но и требования правно-политического характера.

Только в момент мировой войны приходится опять встретиться с столь же значительной, в правовом смысле, попыткой вмешаться в чужой строй и с целью вызвать там ликвидацию прежних исторически-сложившихся отношений.

более ревкую принципиальную позицию заняли (по политическим мотивам) Соед. Штаты Америки. Ср. ноту ст. секр. Seward 11 мая 1863 г., St. A. IV, 395 и д.

³⁷⁴) Heytesbury так формулировал в донесении 2 января 1832 г. некоторые непреодолимые препятствия: 1) всякая уступка правительству полякам увеличивает их сопротивление, 2) конституция в Польше и самодержавие в России несовместимы. В итоге, польский вопрос — вопрос жизни и смерти для русского правительства. St. A. I, 241.

³⁷⁵) Нота 13 июля 1863 г. St. A. V, 345 и д.

³⁷⁶) Нота лорда Рёсселя послу в Париже 25 ноября 1863 г., St. A. V, 513 516.

§ 33. Своеобразие вмешательства Соед. Штатов Сев. Америки.

§ 34. Вмешательство Соед. Штатов во внутри-государственные отношения Германии.

§ 33. Мировая борьба привела к стремлению насильственным путем расчленить существующие образования и создать новые условия для жизни национальностей. Эти стремления относятся всецело к области политической истории, хотя и могут юридически оцениваться, в некоторых случаях, как правонарушения, поскольку, например, при наличии военной оккупации предпринимались попытки создать новый строй политических отношений и использовать, как это делал еще Фридрих II в XVIII веке, местное население, как человеческий запас для пополнения рядов бойцов³⁷⁷). В таком случае имеется на лицо международно-правовой деликт, но наряду с этим, поскольку имели место формальные акты (объявление независимости Польши Австрией и Германией 5 ноября 1916 г.), можно говорить о конкретном случае и о вмешательстве по отношению к той державе, территория которой была временно оккупирована³⁷⁸).

Однако соответственные выступления не представляют такого правового значения, как акты, сознательно рассматриваемые государством, как логические выводы из общих начал международного права и как акты, соответствующие не конкретным политическим целям одного или нескольких государств, но целям и ценностям правовым, иерархически лежащим в основе позитивной системы норм.

³⁷⁷) Ср. Воззвание австро-германского военного командования об организации в занятой территории польской армии. 9 ноября 1916 г. *Blociczewski*. La Restauration de la Pologne et la Diplomatie Européenne. R. G. 2e. III, 1921, 35.

³⁷⁸) В ноте 15 ноября 1916 г. русское правительство протестовало против поведения Германии и Австрии: «В нарушение международного права германские и австро-венгерские военные власти в Варшаве и Люблине провозглашают, что русские губернии в Польше составят в будущем независимое государство». «Императорское российское правительство протестует против этого нового нарушения международных трактатов, торжественно скрепленных Германией и Австро-Венгрией, и объявляет этот акт недействительным и ничтожным. Правительство заявляет, что губернии Царства Польского продолжают быть нераздельно частью Российской Империи и что жители их продолжают быть связанными верноподданнической присягой». *Blociczewski* Op. cit., 36. Коллективный протест Англии, Франции и Италии того же года. *Ibid.*, 38.

С этой точки зрения исключительное правовое значение имеет практика вмешательства, осуществляемая президентом Вильсоном, практика, корни которой уходят глубоко в историю и правовую теорию Соединенных Штатов и которая в своей окончательной форме была предугадана и предсказана Вебстером³⁷⁹).

Новая практика вмешательства как будто покоится на тех же противоречивых основах, которые подрывали значение и революционного учения о вмешательстве и доктрины Монрое. Но, в действительности, здесь впервые преодолеваются противоречия и создается более стройное логическое единство, чем это может показаться на первый взгляд.

Вильсон не верил в естественные прирожденные добрые качества людей и народов, он был вместе с тем чужд этическому индивидуализму Канта, и в основе его понимания международного порядка лежала идея властной иерархии и крепкой социальной организации. Человечество живой организм, нуждающийся в известной форме своего устройства, и эта форма не может быть моральным самосбыванием или самоограничением. Она должна иметь характер юридического акта, писаного статута, *covenant*, имеющего значение мирового *contrat social*, обуздывающего индивидуальное насилие и организующего коллективное принуждение. Вильсон не только приемлет, но требует создание общими усилиями такой мощи, которая могла бы сломить волю каждого непокорного члена мирового союза, или даже коалиции членов, не желающих подчиняться велениям целого. При современных условиях международной жизни силу надо поставить на службу права. «Надо, — как говорил Паскаль, — соединить силу со справедливостью и сделать для этого справедливое сильным»³⁸⁰).

Из единства человечества и необходимости создать твердый мировой правопорядок вытекает стремление раз навсегда покончить с либе-

³⁷⁹) Новейший американский исследователь вмешательства *Stowell* уделяет много внимания попыткам вмешательства американской дипломатии в отношении прежнего русского правительства к еврейскому населению (68—70), но совершенно оставляет в стороне американскую практику вмешательства от Монрое до Вильсона. Между тем отношение Соединен. Штатов к Панаме, Никарагуа, Сан-Доминго, Гондурасу, Мексике и, наконец, во время мировой войны к Австрии и Германии — было целой серией вмешательств, бесспорно заслуживающих специального и серьезного рассмотрения. Ср. *Thomas*. One Hundred Years of the Monroe Doctrine. 1923, 215 и д.

³⁸⁰) *Halévy*. Le Président Wilson 1918, 216—218. *A. Feier*. Le système de M. Wilson. L'Avenir, août-septembre 1917.

ральным принципом нейтралитета, с учением, что кровавая тяжба двух народов для остальных государств чужое дело. Вильсон окончательно порывает с американским провинциализмом, завещанным Вашингтоном и говорит, что в мировой борьбе американцы не могут быть посторонними зрителями. «Со всем нашим энтузиазмом, со всем нашим авторитетом мы должны организовать мир на непоколебимых основах. Было бы несправедливо вовлекать государство в войну, не затрагивающую ни его чести, ни его интересов... но вместе с тем невозможно, чтобы нация оставалась нейтральной при беспричинном нападении, нарушающем общий мир. Нельзя ограничить последствия войны полем сражений. Нельзя, чтобы одна нация держалась в стороне, когда интересы всех народов нарушены, или когда над ними нависла угроза нарушения»³⁸¹). Соединенные Штаты должны выступить в борьбе, потому что они часть вселенной, и все, что касается вселенной, касается и Штатов.

Штаты должны были принять участие в борьбе в целях мира и, за несколько дней до разрыва дипломатических сношений с Германией, Вильсон рисует программу мира в послании Конгрессу 22 января 1917 г.³⁸²). Соединенные Штаты будут иметь решающую роль в деле мира. Своим авторитетом и своею мощью они создадут гарантию миру и господству справедливости в международных отношениях. Другие народы должны знать, на каких условиях Америка будет согласна войти в Лигу мира. Прежде всего, условия мира не должны служить индивидуальным интересам и политическим целям отдельных государств. Мир должен быть таковым, чтобы внушить доверие американским государствам. И для этого нужно создать такую коллективную силу, которой были бы не страшны ни отдельные народы, ни их союзы. Нужно создать высшую организованную силу всего человечества в его целом.

Только спокойная Европа будет Европой в состоянии устойчивости. Нужно не равновесие, но организованное общество народов.

В этом обществе народы будут равны не в материальном отношении, но в правовом.

Народам будет обеспечена свобода и независимость. В этом смысле доктрина Монрое должна стать доктриной мировой, и каждый

³⁸¹) Речь 3 сентября 1916. *Halévy* 231—232. Ср. *J. H. Latané*. From Isolation to Leadership. 1918.

³⁸²) *Halévy*, 250—260, I. VR. IV, 1920, 231—235. President Wilson great speeches. 1917, 144—155. Ср. с посланием Сенату 5 марта 1917 г. *Senate Documents*. 65-th, Cong spec. session, I, 1917, our. 4—5.

народ будет сам определять свою политику и свое развитие, обеспеченный от нападений или вмешательства извне.

В этом обществе будет гарантировано и свободное экономическое развитие его членов и, в силу международных актов, всем будет предоставлено в одинаковой мере пользование сухопутными и особенно великими морскими путями.

Общий мир однако невозможен, если не будет признан принцип, что правительство получает власть в силу свободного согласия управляемых и что не следует передавать народы, как собственность, от одного властителя другому³⁸³). В качестве примера Вильсон приводит Польшу, которая должна стать независимой и будет образцом для всех народностей, живших до последнего времени под игом правительств, преследовавших совершенно чуждые для этих народностей цели. Дело идет в данном случае не только об абстрактном принципе, дорогом для всех борцов за свободу в Америке, но о практическом начале, которое необходимо осуществить при реализации мира.

Если этот основной принцип не будет признан, мир будет и впредь нарушаться. Основой мира не будут моральные чувства и убеждения человечества. Духовная мощь целых народностей будет вести скрытую и глухую борьбу против такого мира, и все человечество будет сочувствовать угнетенным народностям. Вселенная может поддерживать мир, если он будет устойчивым, но никогда не будет устойчивости при таком строе, когда воля людей будет готовиться к восстанию, когда не будет душевного спокойствия, когда будут подавлены справедливость, свобода и право.

И в конце своего послания Вильсон подчеркивает: *«I am proposing government by the consent of the governed...»* Наряду с свободой моря и ограничением вооружений — это основной принцип не только американской программы, но всякого просвещенного общения. *«They are the principles of mankind and must prevail»*.

Подобно французской революционной практике вмешательства, требовавшей сначала создания нации, могущей проявить свою *volonté générale*, чтобы потом гарантировать ей, как вновь возникшему субъекту, комплекс основных прав, программа Вильсона выдвигает как *conditio sine qua non* для нового порядка установление внутри государств *self-government*, т. е. санкцию власти со стороны подвластных. Позднее в момент объявления войны Германией, Виль-

³⁸³) Ср. с речью 11 февраля 1918 г., «...peoples and provinces are not to be bartered about from sovereignty to sovereignty as if they were chattels and pawns in a game...» I. VR. IV, 288.

сон утверждает, что Штаты будут воевать не с германским народом, но с правительством германской империи с «Prussian autocracy»³⁸⁴) и еще позднее, 4 июля 1918 г., в речи на могиле Вашингтона он резче и выпуклее формулирует одну из целей войны — *«уничтожение произвольной власти, где бы она ни была, которая могла бы в отдельности тайно, и только по своей воле, нарушать мир вселенной»*. — «... the destruction of every arbitrary power anywhere that can separately, secretly and of its single choice disturb the peace of the world»³⁸⁵). Компромисса в данном случае не может быть.

Старый и новый порядок ведут борьбу не на жизнь, а на смерть, и победа должна остаться за новым строем отношений.

§ 34. В последнюю минуту, когда война уже была бесповоротно проиграна обеими центральными империями, Вильсон осуществляет свое вмешательство³⁸⁶). В ответ на немецкие ноты 3 октября³⁸⁷), 12 октября³⁸⁸), 20³⁸⁹) и 27 октября³⁹⁰), отправляемые от имени германского правительства сначала принцем Максом Баденским, затем статс-секретарем Зольф, ст. секретарь Лансинг запрашивает их, в силу каких полномочий они ведут переговоры³⁹¹)? Германский министр отвечает, что он действует от имени германского правительства и народа, и что правительство опирается на большинство в рейхстаге. В ноте Лансинга от имени президента 14 октября вопрос ставится в более решительной форме. Во избежание недоразумений дословно приводится условие Вильсона об «уничтожении произвольной власти», согласно речи 4 июля, и указывается, что от немецкого народа зависит выполнить это условие, или же нет: *«The President's words just quoted naturally constitute a condition precedent to peace, if peace is to come by the action of the German people themselves»*³⁹²).

Напрасно в ноте 20 октября немецкий статс-секретарь ссылался на глубокие изменения в конституционном строе Германии, на новый парламентарный режим и решение вопросов о войне и мире в будущем народным правительством, Лансинг в ноте 23 октября говорит, что король Пруссии продолжает контролировать политику Империи.

³⁸⁴) Послание Конгрессу 2 апреля 1917 г. I. VR., 255—261, особ. 259.

³⁸⁵) Ibid., 293—295.

³⁸⁶) Ibid., 303 и д.

³⁸⁷) Ibid., 303.

³⁸⁸) Ibid., 304.

³⁸⁹) Ibid., 306—307.

³⁹⁰) Ibid., 309.

³⁹¹) Ibid., 303—304, 305—306.

³⁹²) I. VR. IV, 305—306.

Президент поэтому считает своим долгом резко и откровенно сказать, что ни одна нация на свете не может больше верить словам тех, кто были руководителями прежней германской политики. Соединенные Штаты в свою очередь не могут заключить мира с теми, кто бесконечное число раз совершал правонарушения и оскорбления по их адресу. Только настоящие представители германского народа могут вести переговоры, но не военные вожди или носители абсолютной монархической власти. С ними никакие переговоры и никакой мир невозможен³⁹³).

Германия вынуждена была подчиниться. Не император, но народное правительство (Volksregierung) будет вести переговоры, и военные власти подчиняются гражданским (Немецкая нота 27 октября)³⁹⁴).

Еще через несколько дней в Германии вспыхивает революция, и династия Гогенцоллернов оказывается свергнутой с императорского и королевского престолов. Ближайшая задача, поставленная американским президентом, оказалась достигнутой, и в Германии устанавливается вместо монархического республиканский строй.

Вмешательство Вильсона было реализовано не во имя эгоистических целей северо-американской демократии, но как средство для облегчения мирных переговоров и в дальнейшем, как прочная основа новому порядку отношений в Европе. Первая цель была временного значения и политического характера, вторая правовая цель могла быть достигнута лишь при вхождении Германии в созданный после мировой войны Союз Мира — Лигу Наций.

Новая практика вмешательства является синтезом революционных принципов с началами Священного Союза. Для Вильсона, право есть состояние устойчивости и покоя, и такое состояние достигается при введении и затем охранении повсюду демократических основ государственного устройства.

Если для Священного Союза существующий монархический строй был высшею ценностью, в защиту которого должно было выступать международное общение государств, то для Вильсона было ясно,

³⁹³) Ibid., 307—308.

³⁹⁴) Ibid., 309. «Die Friedensverhandlungen werden von einer Volksregierung geführt, in deren Händen die entscheidenden Machtbefugnisse tatsächlich und verfassungsmässig ruhen. Ihr sind auch die militärischen Gewalten unterstellt». Ibid. loc. cit. Позднее в проекте Соглашения, которое должно было установить Лигу Наций, Вильсон хотел включить специальное упоминание, что одной из целей Лиги должно быть поддержание повсюду «orderly governments». Ср. Baker W. Wilson and World Settlement. vol. I. 1922, 229—230. vol. III, 88, 100 и 114.

что предельным политическим достижением является тип self-government, установленный в Новом Свете. Однако не это стремление создать «по образу и подобию своему» строй в других государствах, но сознание единства вселенского правопорядка и попытка утвердить примат этого правопорядка дают новый облик вмешательству и в известной мере оправдывают его если не с догматической, то с правно-политической точки зрения.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПРАВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О ВМЕШАТЕЛЬСТВЕ (УЧЕНИЕ О ДЕСТИНАТОРАХ ВМЕШАТЕЛЬСТВА)

§ 35. Формальная сторона вмешательства. § 36. Материальное обоснование вмешательства. § 37. Персональный момент во вмешательстве.

§ 35. Развитие практики вмешательства было показателем глубокого кризиса прежней индивидуалистической системы между-государственных отношений. Вместо признания первою и последнею ценностью личности государства³⁹⁵), независимо от того, что эта личность могла творить неправо и совершать тяжкие правонарушения, выдвигается попытка осуществления иной задачи: государство может и должно реализовать не цели, вытекающие из факта собственного существования, но цели во имя требований высшего над-государственного порядка. Отдельное государство может выполнять служебные и исполнительные функции по отношению к правовому целому. Этим подрывалась традиционная система международного права, которая строилась эгоцентрически и в которой центром было отдельное государство³⁹⁶), и этим создавалась *согласованность социальной природы международного права с его внешним выражением*.

Потрясения мировой борьбы привели к выяснению того, что международный правопорядок может существовать только как порядок, выше государств³⁹⁷). Но этот порядок не только комплекс норм,

³⁹⁵) Anzilotti, Responsabilità, 99. Cavaglieri, 19. Heilborn System, 311, 312 и д. Liszt § 7, I. Oppenheim I, 182. Ullmann, 460. Zitelmann Intern. Privatrecht I, 1897, 79.

³⁹⁶) В новейшее время на этой точке зрения стоит Wenzel Der Begriff des Gesetzes, zugleich eine Untersuchung zum Begriff des Staates und Problem des Völkerrechts 1920., 344—443.

³⁹⁷) Хотя теоретически это постулировал значительно раньше Fricker: «Der Begriff des Völkerrechts behauptet ein Recht über den Staaten. Darauf muss

иерархически между собой связанных, но и комплексе норм в их непрерывной и постоянной реализации. Научное познание норм не может ограничиваться их доктринальной критикой, принятием или отвержением, но должно признать, что право в известном смысле само и автономно творит свою систему и создает такую связь правоотношений, которая является органически цельным и могущим подлежать анализу в смысле лишь комментария и согласования, но не их принятия, или отвержения³⁹⁸).

В системе права, однако, наряду с относительным постоянством основных норм, лежащих в корне правовой системы, имеются текущие и переменные элементы, являющиеся *das werdende Recht*, правом образующимся и рождающимся, но не родившимся. В известном смысле имеются нормы, дающие жизнь новым нормам, еще не получившим своего позитивного освящения.

Только под этим углом можно правильно понять и оценить вмешательство в международном праве.

Традиционная доктрина совершенно игнорирует, что вмешательство имеет два облика, две формы проявления, между которыми теоретически необходимо провести резкую границу.

В *формальном* или процессуальном смысле, вмешательство является своеобразным видом не самопомощи, но *право-помощи*, которая находила и находит свое выражение не только в международных, но и в между-индивидуальных отношениях. Нормально употребляют выражение «самопомощь» в двух различных значениях. Во-первых, она может быть защитой собственной личности, или своего личного интереса, и в этом смысле слово «самопомощь» имеет законное право на существование, но она может принять иной характер, когда личность выступает, как орган правопорядка, замещающий или восполняющий представителя государственной власти³⁹⁹). Такое выступление не мо-

die Untersuchung klar und bestimmt gerichtet werden und das Resultat ist Bejahung oder Verneinung der Realität dieses Begriffs. Wenn ich zu dem Resultat komme, dass das Ding, welches man Völkerrecht nennt, äusseres Staatsrecht ist, so leugne ich nicht dieses Ding, aber ich leugne, dass es Völkerrecht ist...» *«Gibt es kein Recht über den Staaten, so gibt es auch kein Recht zwischen den Staaten»*. Fricker Noch einmal das Problem des Völkerrechts. Zeitschrift f. d. gesamt. Staatswissenschaften. XXXIV. 1878, 375 и 379. Ср. особенно Hull. The primary sources of international law, Proceedings of the Americ. Soc. of Internat. Law. 1911, 280 и д.

³⁹⁸) Ср. Sander Rechtsdogmatik oder Theorie der Rechtserfahrung. 1921, 194 и д.

³⁹⁹) Dernburg Pandekten, I 1903., 290. Grosch Der Zwang im Völkerrecht 1912, 27. Iehring, Zweck im Recht I. 201. Neubecker Zwang und Notstand I, bd. 1910.

жет быть выводимо из полномочия от государства, потому что оно могло существовать и существует и помимо государственной власти. Это и не субъективное оправдание по существу совершенного правонарушения, но это, как правильно указал Fricker, реализация права: *Rechtsübung* в тех случаях, когда правовые функции государственной власти по тем или другим причинам парализуются и когда с другой стороны правонарушение не может остаться без искупления⁴⁰⁰). Отсюда и оправдание правопомощи и осуществления насилия со стороны любого свидетеля происходящего столкновения при очевидном, совершающемся на его глазах, правонарушении или преступлении. То же самое происходит и при предотвращении любого преступления, или при захвате преступника *in flagranti*⁴⁰¹).

Нечто аналогичное происходит и в международных отношениях. В основе применения материальных норм международного права традиционно, — под влиянием частно-правовых аналогий, — лежала лишь одна двухсторонняя схема: истца и ответчика, правопритязающего и правонарушающего, но практика вмешательства выдвигает попытку авторитарного решения спора ради индивидуального блага не интервента, но жертвы интервенции, или же во имя блага всего правового общения в целом. Такая система отвергает старое индивидуалистическое понимание и устанавливает, хотя в произвольной и несовершенной форме, примат принципа социально-служебного. И здесь тоже можно говорить помимо «самопомощи» еще и о «правопомощи», когда совершаются акты полной правовой незаинтересованности, диктуемые соображениями о том, что происходит факт тяжелого нарушения основных начал международного порядка, требующий немедленной и энергичной правовой реакции.

Но здесь проявляется, как почти всегда в развитии международного права, нормативный иррационализм и нормативный анар-

⁴⁰⁰) Grosch. Op. cit. 28 и д. Таково в примитивную эпоху было положение «лишенного мира» — *warc, warg* «homo qui per silvas vadit». «Der Freidlose kann nicht bloss, sondern er soll, weil er Feind des Volkes, von jedermann verfolgt werden... *Wer ihn tötet, handelt in Intresse und im Namen der Gesamtheit, deren Willen er vollstreckt*». Brunner Rechtsgeschichte I. 1887, 166.

⁴⁰¹) В этом смысле Gierke говорит о самопомощи, как об «Angriffsmittel». «Aber auch als Angriffsmittel ist Selbsthilfe durch Festnahme, oder sonstige Vergewaltigung einer Person oder durch Wegnahme, Beschädigung, oder Zerstörung einer Sache erlaubt, wenn obrigkeitliche Hilfe nicht rechtzeitig zu erlangen und ohne einen derartigen Eingriff ein unwiederbringlichen Nachteil für das verletzte Recht zu besorgen ist». В этом смысле: Прусское L. R. введение §78. Сакс. улож. §§179—180. Gierke Deutsches Privatrecht bd. I. 1895, 338.

хизм. Осуществление права и применение нормы идет впереди констатирования нормы в объективном порядке. Правовая интуиция утверждает наличие критерия для оценки «преступления» и кары, но позитивное право формально об этом молчит, над позитивным правом производится насилие и реализуется «справедливая неправомерность». И если здесь выдвигается начало справедливости, то именно в том смысле, как на это указывал с большим проникновением проф. Н. Н. Алексеев, в виде системы иерархического отношения правовых ценностей⁴⁰²).

В связи с революционной доктриной выдвигается начало высокой ценности национальной индивидуальности, определяющей свое бытие по собственному праву и желанию — *nationalité élective* и эта ценность на формальных весах права перевешивает уважение к признанному и существующему правовому субъекту права, тоже являющегося ценностью, но подчиненной и низшего значения.

§ 36. Таким путем мы переходим к констатированию второго момента, *материально-нормативного*, лежащего в основе вмешательства. Этот момент еще не выкристаллизовался до последнего времени, и именно поэтому нельзя оценивать вмешательство с точки зрения позитивного права. «Интересы человечности», «интересы Европы», «поддержание общего мира» и т. д., отражают лишь социальную структуру международного права, но не могут заменить конкретной нормы, ясно вытекающей из имеющихся прецедентов. Практика европейских держав, идеологическая программа Французской Революции и президента Монрое, однако, намечают одно обоснование — сохранение жизни национальности как таковой: южно-американской, греческой, бельгийской и польской. Наличие роковой угрозы, приближение смерти для народной индивидуальности как будто оправдывают прецедентным путем вмешательство, и в будущем это начало потребует организации и правовой защиты национальных прав. Но это лишь *творимое*, но не *сотворенное* позитивное право. Наконец, во вмешательстве нельзя игнорировать и третьего момента, где происходит как бы *скрещивание формального и материально-нормативного начала*.

§ 37. При применении объективной нормы возникает проблема о путях и средствах этого применения, и в международной жизни правовой масштаб различно оценивал эти способы и признавал одни способы лишь терпимыми, но имеющими одиозный характер, как —

⁴⁰²) Н. Н. Алексеев. Основы философии права, 1924, 138 и д.

репрессалии, реторсии, войну — а другие способы как бы получившими особое освящение со стороны правопорядка, потому что при их применении (при посредничестве, анкете, третейском суде) имелись гарантии, что они не вырождаются в отрицание самих себя, т. е. в новое правонарушение, как это было всегда возможно при применении насилия для защиты своего права.

Отсюда — правовой культ мира и мирных способов разрешения международных конфликтов и тенденция расширить их поле действия в ущерб вторым. Отсюда и коренная правовая тенденция вообще подвергнуть войны анафеме и оправдание всех способов, имеющих целью предотвратить вооруженное столкновение и, наконец, отсюда вытекает и теория коллективного вмешательства в соглашения о Лиге Наций.

Но, если в международном праве и устанавливается иерархическая система форм процесса по их правовой ценности, то все-таки средства оставались, не будучи равноправными, допустимыми почти в одинаковой степени. И если в между-индивидуальных отношениях в способе осуществлять свое правопритязание отражается не столько правовая, сколько в известном смысле и нравственная природа личности, то еще резче и выпуклее отражается в международных отношениях индивидуальность отдельных государств. Последние могут быть спокойными и тихими *vir bonus*, не ищущими кляуз, правовых споров и столкновений *an und für sich*, но могут быть, в силу внутренних обстоятельств и по самой своей конструкции, склонны прибегать к одиозным и анти-социальным способам для защиты права и, прежде всего, к крайнему средству — войне. Позитивное право в этом отношении либерально. Оно предоставляет каждому государству широкие возможности в выборе средств, и даже соглашение о Лиге Наций дает своим членам, на известных условиях, бланкетную норму, предлагая большой выбор процессуальных возможностей.

В этой области индивидуальность каждого государства может себя широко проявить, как в положительном, так и отрицательном смысле. Между тем здесь наблюдается болезненное противоречие между сознательным возвеличением, во имя их правовой и социальной ценности, некоторых видов международного процесса с сознательным предоставлением государствам права свободного выбора.

Но не только в формальном отношении, при применении нормы в момент спора и конфликта, но и при мирных сношениях облик государства, как активного правового деятеля, не может не иметь

решающего значения для других субъектов⁴⁰³). При все более усиливающихся международных сношениях, при наличии своеобразного единства нервной системы человечества, реагирующего на все события на земном шаре, нравственная личность государства становится значительным фактором и условием применения права. Практика Вильсона выдвигает с большою показательностью проблему, но, конечно, не создает ее.

Правно-политически индивидуальное вмешательство, как способ воздействия на личность чужого государства, не может быть однако оправдано до конца. Интервент, только теоретически, орган высшего правопорядка, а не сторона в споре. Нормально, всякое вмешательство приводит к смене ролей и, в конечном итоге, интервент выступает в рискованной роли судьи и стороны, роли с правовой точки зрения неприемлемой и недопустимой.

Наряду с этим, нормативное основание для вмешательства может быть случайной интуицией грядущего права, и теоретически такая интуиция и свободное проявление чистого права может быть очень ценным для системы права, но оно может стать искажением общих принципов права, и одна эта возможность подрывает и аннулирует положительную, в правно-политическом смысле, сторону вмешательства. Нужно искать других правовых путей, более соответствующих объективному порядку, путей, ведущих к достижению положительной цели, лежащей в основе вмешательства.

Путь этот состоит в рационализации и объективировании институтов, возникших вне и помимо позитивных норм. Этот путь известен и истории частно-правовых отношений, но нигде он не находит такого яркого и выпуклого выражения, как в международном праве.

Выше я указал на систему коллективного вмешательства, авторитарно применяемого Лигой Наций. Это один из способов *частичного* разрешения сложной проблемы вмешательства, поскольку дело идет о сохранении общего мира в отношениях современных государств.

Имеется однако еще другая сторона проблемы, *персональная или личная*, вопрос о том, как международное право относится к юридическим деятелям современной международной жизни. Эта сторона проблемы получает свое разрешение в учении о признании в действующем праве. Выше я останавливался на случаях вмешательства, когда извне путем международной инвеституры нарождаются в между-

⁴⁰³ В данном отношении я в области международного права независимо от проф. Н. Н. Алексеева пришел к аналогичным выводам. Ср. его Основы философии права, стр. 79 и д.

народном смысле новые субъекты права в силу признания за национальностями права на государственное существование. Уже известный английский публицист 60-ых годов Harcourt указал, что международное признание Бельгии и Греции было по существу вмешательством, потому что оно было осуществлено авторитарно и с применением насилия⁴⁰⁴). Международный правопорядок в этих случаях был материнским лоном для новых субъектов права и старые государства были не только восприимчивыми, но и активным творческим элементом при нарождении новых молодых политических образований⁴⁰⁵). Но международные внешние условия определяют не только факт правового рождения новых членов вселенского общения, эти условия имеют упорную тенденцию вторгнуться и в область внутренней компетенции уже существующих субъектов права и определить такой порядок государственного управления, который обеспечивал бы поддержание мира во внешних сношениях между народами.

В 1804 г., император Александр I склонялся к тому, что нужно повсюду в Европе обеспечить правовой и конституционный строй. В 1815 г., и особенно после 1818 г., Александр I убеждается, что достаточно просто поддерживать авторитет всякой существующей власти и думает, что таким образом он заложит твердые основы прочному миру в Европе. Через сто лет принципиально на такой же точке зрения стоял Вильсон, считая, что универсальным политическим строем должен быть строй демократический, и, ради достижения этой цели, он насильственным путем, через угрозы и обещания, добился свержения в Германии монархической власти, символизировавшей военное устройство и военную мощь германского народа.

И действия Священного Союза и действия президента Вильсона были противоправны, но в этих неправомерных действиях отражается тенденция вселенского правопорядка во имя интересов целого заставить части преобразоваться так, чтобы своим внутренним устройством они способствовали укреплению всечеловеческого замирения.

Только имея в виду исторические прецеденты вмешательства и только имея в виду, что международное право есть живое, текущее право в своем внутреннем процессе творящее новые ценности и новые нормы, можно понять и правильно оценить значение признания в

⁴⁰⁴ Historicus (*Harcourt*) Letters I, 3 и д.

⁴⁰⁵ Отсюда учение Krabbe и Sander, что государства вообще порождаются международным правопорядком. *Krabbe*. Die moderne Staatsidee, 183. *Sander* Das Faktum der Revolution und die Kontinuität der Rechtsordnung Z. O. I, 1919—1920, 160—161.

действующем международном праве и можно познать и пути будущего для признания, отражающего в своей современной форме, более чем какой-либо другой международно-правовой институт, переходную стадию международного права, принимающего все более отчетливо характер права социально-служебного.

**ПРИЗНАНИЕ
В МЕЖДУНАРОДНОМ
ПРАВЕ**

ОТДЕЛ IV

УЧЕНИЕ О ПРИЗНАНИИ В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ

ПРИЗНАНИЕ В ТЕОРИИ ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ШКОЛЫ

§ 38. Общие предпосылки естественно-правового учения и их критический разбор. § 39. Попытка частичных поправок и дополнений в теории Calvo, Pradier-Fodéré и Bonfils. § 40. Критика традиционного учения у Lorimer.

§ 38. На теорию признания в международном праве наложило неизгладимую печать учение школы естественного права. Государства или народы рассматривались, как независимые друг от друга и однородные образования, находящиеся в «естественном состоянии», когда границы права совпадают с пределами физической мощи, когда у всех имеются только права и притязания, и когда из этого хаоса естественных прирожденных прав рождается борьба всех против всех. Правопорядок должен быть искусственно построен договорным путем и в основе отношений государств лежит первичное личное начало, существующее по собственному праву и не нуждающееся в признании⁴⁰⁶).

Против этой классической теории status naturalis выступил с попыткой этического обоснования прирожденных прав Хр. Вольф и затем французская и американская революционная доктрина. Аналогия с отношениями между-индивидуальными и тут оставалась в полной силе. И если у людей от рождения имеются неотчуждаемые права, то такие же права имеют и народы.

Если тринадцать северо-американских колоний перед лицом Господа утверждают свое право быть народом свободным и обращаются ко всему роду человеческому, чтобы он был судьей в их справедливом деле (в 1774 г.)⁴⁰⁷, то во Франции делается попытка точно перечислить права, присущие от природы каждому народу,

⁴⁰⁶ В данном случае я имею в виду: *Hobbes. De cive* (1642). *Spinoza Tractatus theologico-politicus*. (1670). *Tractatus politicus* (1672).

⁴⁰⁷ Ср., кроме декларации Виргинии 15 мая 1776 г. и Соед. Шт. 4 июля 1776 г., замечательный манифест Вашингтона 19 июля 1777 г. См. *Moser. Beiträge zu neuest europ. Völkerrecht in Kriegs-Zeiten. I teil.* 1779, 216—241.

рождающемуся, подобно индивиду, свободным и сохраняющим притязание на свободу до конца своей жизни. (Декларация Грегуара в 1793 г.). В этом смысле в международной жизни есть предустановленная гармония, и нужно только через усилие разума восстановить естественное равновесие и господство прирожденных качеств и прав народов⁴⁰⁸).

Однако эта оптимистическая программа противоречила не только политической, но и материально-правовой реальности. В области индивидуальных отношений неотчуждаемые права были могучим средством поставить границы произволу государственной власти, не допустить, чтобы она впредь становилась самоцелью. В области между-государственных отношений порядок был диаметрально противоположным. Здесь царил безначалие и хаос хищнических, разрозненных эгоистических интересов. Система династической и военной борьбы обостряла индивидуализм и не давала возможности праву найти твердую точку опоры. Поэтому революционная правовая доктрина во Франции и Америке ищет путей прямо противоположных первоначальной идеально-оптимистической программе.

Республика во Франции желает авторитарно и принудительно заложить основы мировому правопорядку, ведя крестовые походы во имя лозунга немедленного осуществления новых международных отношений народов, а Соединенные Штаты идут по старому извечному пути, выдвигая прежде всего формальные способы разрешения международных конфликтов в виде третейских судов, расцветших с новой силой на девственной почве Нового Света⁴⁰⁹).

Доктрина Революции о том, что народы рождаются с целым комплексом неотчуждаемых прав и что достаточно вернуться к состоянию в момент рождения, гибнет опытным путем, потому что провозглашение одних только прав, отрицающих насилие и произвол в международных отношениях, но не дающих гарантии их соблюдения и уважения, ведет лишь к дальнейшим насилиям во имя права, понимаемого интуитивно и индивидуально. Однако пути Франции и Америки указывали и теоретически, и практически выход из тупика, куда вела доктрина прирожденных и неотчуждаемых прав народов, которые, как всякие права, были правами, которым соответствовали обязанности, и были правами, которые были октроированы не фактом рождения, а иерархически высшими нормами

⁴⁰⁸) *Redslob. Histoire*, 280, 282.

⁴⁰⁹) *Lammasch. Die Lehre von der Schiedsgerichtsbarkeit in ihrem ganzen Umfange*. 1913, 30.

объективного права. Последнее право неизбежно притязало на свое осуществление не только в виде предоставления известного активного и пассивного статуса каждому рождающемуся государству, но и в виде дальнейшей регулировки связей народов друг к другу и их отношения к высшему правопорядку. Революция во Франции думала скачком преодолеть слабость и неустойчивость международного права, поставив ему на службу свою национальную мощь, в Америке, наоборот, через мелкое но постоянное применение нормы думали закрепить весь правопорядок в целом.

Эта историческая преискусственность указывала на теоретическую слабость доктрины прирожденных прав. Права без их признания и без их регулировки не могут быть правами. Если имеются основные права государств, то не только потому, что родилось или не родилось государство, но потому что они признаются высшей нормой объективного права. И если государства существуют и выступают, как субъекты права, то не потому что к этому направлена их воля, а потому что высший правопорядок признает их субъектами права⁴¹⁰). И субъектом права государство является не только в силу комплекса прав ему присущих, но и в силу обязанностей на него возложенных. Право есть всегда ограничение, и ограничение не по собственному капризу, или произволу, но в силу требований правопорядка, стоящего над любым деятелем права.

Если Аристотель был прав, когда говорил, что в известном смысле не человек существует раньше государства, но государство раньше человека⁴¹¹), то в том же значении и с еще большим теоретическим основанием можно сказать, что международный правопорядок есть *antecedens*, а государство, как субъект международного права, есть *consequens* нормы. Только через признание двухстороннего характера права и через допущение обязанностей делается возможным международное юридическое существование государства, как субъекта права. Через наличие обязанностей делается возможным осуществление правопритязаний других участников общения и создается система соприкасающихся и переплетающихся правоотношений. И только тогда начинается правовая жизнь, как результат правовой инвеституры, но не как следствие *generatio aequivoca* и *spontanea*, при котором имеется комплекс образований, из которых каждое имеет одни только права и может установить не правовые отношения, но лишь войну всех против всех. Точно

⁴¹⁰) Cp. *Jellinek. System.*, 9.

⁴¹¹) Cp. *Jellinek. System.*, 29.

так же в состоянии изолированном и индивидуальном государство может совершать лишь акты иррелевантные в смысле международно-правовом, и нужна наличность множественности образований, чтобы они могли стать актами права⁴¹²). В международном смысле нет и не может быть прав и обязанностей по отношению к себе самому и наряду с этим не может быть и самообязывания, или самоограничения в юридическом смысле.

Наличность одной воли внутренней не может породить субъекта права в международно-правовом смысле. Бельгийские провинции в 1789 г. могли считать себя государством, но ни одно европейское государство, и даже революционная Франция, их не признали и, несмотря на волю своего народа, они не были субъектом международного права, но были восставшими провинциями⁴¹³).

Горские племена на Кавказе могли в 1835 г. провозгласить свою независимость⁴¹⁴) и вести упорную, почти двадцатилетнюю, борьбу с Россией, но их обращение к другим государствам нигде не нашло правового отклика. Южная Конфедерация Штатов Америки могла притязать с 1861 г. по 1865 г. на существование, как вполне дееспособный субъект права, но она была признана лишь воюющей стороной, т. е. субъектом права с ограниченной дееспособностью⁴¹⁵). Внешняя Монголия могла с 18 ноября 1911 г. считать себя отделившимся от Китая самостоятельным образованием, но не было ни одной державы, которая признала бы ее не восставшей провинцией, но субъектом права и поэтому, в смысле объективной нормы, она не была субъектом права, но оставалась лишь частью Китая. Не изнутри своим волеизъявлением, но извне устанавливается правовая личность. Если было бы иначе, если бы каждый народ появлялся на свет с правом на свое свободное развитие, на равноправное положение и на самосохранение, тогда этому одностороннему праву должна была координировать односторонняя обязанность признания со стороны существующих субъектов права, (на чем вполне последовательно настаивал Bluntchli), но такой обязанности не было, и позитивная система права утверждала, что имеется не обязанность признания, но право признания, и что нет права на признаение. Если же не было права на признаение, то не было и прирожденных прав на свободу, равенство и самосохранение.

⁴¹²) Cp. *Le Fur*. Philosophie de droit international. 1922, 2.

⁴¹³) *Sorel*. L'Europe et la Révolution française. II, 51.

⁴¹⁴) *Martens*. N. R. XIII, 490.

⁴¹⁵) *Moore*. D. I, 184—193.

Duguit очень выпукло и резко обрисовал систему прирожденных прав и теорию *generatio spontanea*, господствовавшую до последних дней в романской школе: «Les jurisconsultes français avaient tenté de fonder le droit international sur une conception sensiblement pareille à la conception individualiste sur laquelle on persistait à fonder le droit interne. Tous les Etats, — disait-on, — sont des personnes égales et souveraines, comme tous les hommes sont des individus égaux, et autonomes. Tous les Etats peuvent exercer librement leur activité à l'intérieur comme à l'extérieur... Mais de même que l'individu, dans l'exercice de son activité autonome, doit respecter l'autonomie des autres, de même l'Etat, dans l'exercice de sa souveraineté indépendante doit respecter l'indépendance souveraine des autres Etats... chaque Etat a des droits fondamentaux qu'il peut exercer, mais sous la condition de respecter les droits fondamentaux des autres Etats. Cela compris, on aperçoit clairement comment on fondait le droit objectif international sur le droit subjectif de la souveraineté étatique»⁴¹⁶).

Duguit только забывает отметить коренное различие в материально-правовом значении) между прогрессивным характером системы личных прав индивидов и регрессивным прирожденных прав народов.

Доктрина либерально-естественной школы в этом отношении стояла на устарелой точке зрения эгоцентрического индивидуализма и механического правопонимания XVII века и оставалась чуждой новым социально-служебным и в конечном итоге универсалистическим тенденциям Французской Революции и Соединенных Штатов Америки.

§ 39. В чистом виде теория самовольного, спонтанного зарождения государств во всеоружии их прав и отрицание за признанием правового значения, однако, была слишком абстрактна, не покрывала правовой действительности и противоречила опытным данным. Поэтому целый ряд романских публицистов и особенно *Calvo*⁴¹⁷), *Pradier-Fodéré*⁴¹⁸) и *Bonfils*⁴¹⁹) вносили поправку в традиционную доктрину и пытались приспособить ее к реальностям международно-правовой жизни. Они переносят центр тяжести в «общение», мета-

⁴¹⁶) *Duguit*. Traité de droit constitutionnel. 1921 I, 551.

⁴¹⁷) *Calvo* I, 235. Cp. *Arnzt* в R. I. 1877, 47.

⁴¹⁸) *Pradier-Fodéré* I, №136, 235—237.

⁴¹⁹) *Bonfils*, 122. Cp. *Fiore*. Nouv. droit intern. I, 269 и д. *Funck-Brentano Sorel*, 320.

юридическое понятие, игравшее исключительную роль в конструкции международного права, и утверждают, что суверенитет государств в его внешнем выражении (а науку международного права интересует только эта сторона) реализуется не как функция субъекта права, но как деятеля права; (дело идет не о *jouissance*, но об *exercice de droit*) и эта последняя функция осуществляется лишь с момента признания. Этим новым учением подрывается вся постройка естественно-правовой школы. «Только теоретически можно утверждать, — говорит *Pradier-Fodéré*, — что внешний суверенитет для своей действительности не нуждается в признании и гарантии со стороны других держав. В практических условиях это признание необходимо. Бесспорно, что внешний суверенитет имеет свои корни лишь в том общении, откуда он истекает; это было бы достаточно, если бы государство имело отношение только к своим подданным и если бы сфера его деятельности ограничивалась собственной территорией; оно может тогда обойтись без признания со стороны других государств. Но, если оно стремится войти в это молчаливое объединение, в это великое моральное и политическое общество цивилизованных государств, и если оно поступает согласно общим обычаям... если оно желает пользоваться привилегиями и правами, вытекающими из свойств государства, как члена этого общества наций, необходимо и естественно, чтобы оно было признано государствами, образующими эту ассоциацию, или по крайней мере большим числом их... Другими словами, выступление государства на политическую арену осуществляется и с полным правом в тот момент, когда оно начинает существовать, но признание необходимо, чтобы через допущение нового члена в великую международную семью подтвердить наличие того, что существует *само по себе* (*par soi-même*)⁴²⁰).

Такая теория не выдерживает критики. Каждое существование субъекта *права* постулирует норму объективного права, определяющую и устанавливающую права и обязанности субъекта и дающую ему юридическую жизнь. Не как признавшее, но как признанное государство становится субъектом права. Только в силу объективной нормы те или другие действия принимают характер юридических актов. Нельзя смешивать факт и право через утверждение, что теоретически государство существует само по себе, а эмпирически оно существует в силу признания «ассоциацией» или «обществом» государств. В действительности происходит как раз обратное. Тео-

⁴²⁰) *Pradier-Fodéré*. I, 237.

ретически субъект права существует только в силу объективной нормы, а практически нужны материальные предпосылки, создающие мета-юридическое представление, что он живет сам по себе. С другой стороны в опытном смысле до 1919 г., не было ни «ассоциации», ни «общества» государств. Это было лишь грубой антиюридической фикцией, маскировавшей желание конкретизировать объективное право, или правопорядок в идее «*communauté*», «*société*» или «*Gemeinschaft*». Было в своей нормативной реальности лишь веление объективного права, и эта чистая правовая связь отнюдь не принимала характера социально-организованного. Признание было необходимою ступенью и для право- и для дееспособности, и последняя не могла жить без первой; она вытекала и оправдывалась первой. Субъективные права были предпосылкой способности заключать сделки, вести войну и устанавливать мир, посылать и принимать дипломатических представителей. Дееспособность внешне определялась персональной способностью быть носителем прав, и эта способность вытекала и могла вытекать не сама по себе, но в силу велений объективного права. Это совершенно неизбежный и единственно приемлемый в научно-правовом смысле выход, потому что объектом исследования международного права *никогда* не может быть государство в искусственно-изолированном состоянии, в положении прародителя Адама, или Робинзона Крузо и для *международного* изучения *такие гипотезы не только иррелевантны, но просто лишены всякого научного смысла и научного интереса.*

§ 40. Против учения о самозарождении государств и против своеобразного подчинения правового *ratio* фактам природы резко выступил один из самых глубоких интернационалистов — в настоящее время забытый и не оцененный — шотландский профессор *Lorimer*. Недопустимо и научно неправильно из жизненных или фактических условий строить систему права. Ни жизнь одного государства, ни жизнь многих не определяют и не могут определить характера норм международного права.

Доктрина признания, отрицающая за признанием нормативное основание и допускающая, чтобы ее сводили к необязательному акту международной вежливости, тем самым вырывает под зданием международного права одну из его самых прочных основ, отрицает за ним позитивный характер и предоставляет его капризу и произволу людей⁴²¹).

⁴²¹) *Lorimer* в R. I. XVI, 1884, 333 и д.

В этом случае, как и во многих других, международная практика проявляет больше философского смысла, чем господствующая доктрина. И практика менее всего согласована с принципом *фактичности*, защищаемого доктриной. Признание это конкретный индуктивный способ и средство, при помощи которого одно государство убеждается, что другое образование имеет самостоятельное политическое существование и, другими словами, что оно может выполнять *обязанности*, возлагаемые на него международной жизнью и поэтому может притязать и на права. «La reconnaissance forme la majeure de droit international positif; les droits et les devoirs des communautés en résultent logiquement, quelque imparfaitement qu'ils soient réalisés, ou bien qu'ils soient simplement réalisables»⁴²²).

Но в признании имеются в правовом смысле опасные стороны.

Принципиально, международное право — система отношений, определяемых высшею ценностью — юридическим единством человечества, и последнее единство вытекает из единого морального источника всех правовых отношений, имеющих место между людьми и народами⁴²³).

Эмпирически, однако, признание может определяться и не правовыми мотивами. Как решить вопрос, выполняет ли политическое образование те требования, которые предъявляет международный правопорядок к каждому субъекту права? И этот вопрос о жизни или смерти нового государства может быть предопределен чуждыми праву политическими соображениями. Только высшая международная законодательная инстанция могла бы положить конец опасностям и чистому произволу государств, и обязанность науки международного права уменьшить эти опасности. Как же преодолеть эти противоречия? *Lorimer* пытается их преодолеть через учение о солидарности и связанности моральных интересов всех народов и подчеркивает, что в данном случае от государств требуется больше, чем от индивидов во внутри-государственных отношениях, где имеется организованное принуждение, допускающее, чтобы принципы, колеблющие социальный порядок отношений, были бы только провозглашаемы, но не реализуемы. Иначе в международных отношениях, где в сущности недопустимы не только реализация подобных начал, но даже их простое провозглашение⁴²⁴).

Как же проявляется принцип социальной взаимности и согла-

⁴²²) *Lorimer*. Op. cit., 337.

⁴²³) *Lorimer*. Op. cit., 340.

⁴²⁴) *Lorimer*. Op. cit., 341.

сованности в международных отношениях? Он проявляется в своеобразном недопущении в общении государств народов, утверждающих абсолютным и единственно верным свое понимание политических отношений. «...Ils ne veulent pas se rendre compte du caractère relatif qui doit présenter l'application des vérités politiques en matière de législation». Такие системы не могут получить международного признания: цезаризм — (la monarchie intolérante), революционная республика (как Франция эпохи Конвента — la république intolérante) и, наконец, l'anarchie (Коммуна в Париже в 1871 г.)⁴²⁵).

Сам по себе факт насилия или преступления не может оправдать отказа в признании: «l'origine d'une communauté politique importe peu; c'est la situation présente qu'il faut prendre en considération: en droit international une très courte prescription donne un titre»⁴²⁶).

Но, кроме общих принципов, лежащих в основе государственной системы, есть и другие начала внутри-государственной организации, которые будто бы подпадают под запрещение международного права. Ни личная диктатура, ни диктатура класса недопустимы — «Les gouvernements des classes sont fictions irréalisables»⁴²⁷).

Затем *Lorimer* настаивает и на принципе неравенства при признании. Имеется относительная ценность каждого государства. Между всеми государствами должна существовать иерархия, и по ценности своей государства могут занимать различные места в человечестве, как по внешним признакам (пределы распространения), так и по своему внутреннему содержанию — по своим интеллектуальным и моральным качествам. В итоге *Lorimer* стоит в самой резкой и непримиримой оппозиции к господствующей доктрине. Там, где последние видели абсолютные и неизменные начала, там *Lorimer* утверждает принцип относительности⁴²⁸).

Наоборот, там, где доктрина не видела права, но лишь нечто вроде *comitas gentium*, там *Lorimer* видит твердую и абсолютную норму, долженствующую быть истинной в наиболее широком и универсальном значении. Признание у *Lorimer* становится вмешательством и утверждается теория *normalità*, не в смысле общего мира и спокойствия, но в смысле необходимости раз навсегда зафиксировать некоторый средний государственный строй, одинаково приемлемый для современных цивилизованных христианских го-

⁴²⁵) *Lorimer*. Op. cit., 344—346.

⁴²⁶) *Lorimer*. Op. cit., 351.

⁴²⁷) *Lorimer*. Op. cit., 352.

⁴²⁸) *Lorimer*. Op. cit., 354—355.

сударств и поэтому единственно допустимый и для новых субъектов международно-правового общения. Признание в учении *Lorimer* становится болезненной реакцией против господствующей либеральной доктрины и в ней этический момент убивает правно-нормативный.

Opinio doctorum приписывается чудодейственная сила, и игнорируется, что право в своем опытном и живом проявлении дает тоже известный логос, не могущий быть оставленным в стороне при изучении признания. В некоторых отношениях однако *Lorimer* стоял выше своих предшественников и своих преемников.

Прежде всего *Lorimer* резко отметил нормативное значение признания в действующей системе права. Затем он правильно указал на противоречия между коллективной природой признания и его индивидуальным проявлением. И, наконец, он справедливо и основательно наметил необходимость органической связи международного права с правом внутри-государственным. И эта связь, конечно, идет не от государства к международному правопорядку, но от последнего к первому. Конкретно дать точное описание и создать кодекс условий, будто бы обязательных для признаваемого государства, было бы невозможно в правовом смысле, и бесплодно в практических жизненных отношениях. Органическая правовая связь в данном случае имеется, но она неизмеримо менее уловима и более хрупка, чем это предполагал *Lorimer*. Если господствующая естественно-правовая доктрина своей теорией о *generatio spontanea* противоречила действующему праву и в теоретическом и правно-политическом смысле была бесплодной смоковницей, то у *Lorimer* желательное право, право грядущей международной организации, уже обрисовывалось в его субъективном построении такими резкими чертами, которые не вытекали с необходимостью из социальной природы международного права, но были лишь отражением его субъективно-этической и, в конечном итоге, и произвольной оценки.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПРИЗНАНИЕ В УЧЕНИИ ПОЗИТИВНОЙ ШКОЛЫ

§ 41. Учение о предпосылках признания. § 42. Теория «международного общения» и связь ее с учением о признании. § 43. Конститутивный характер признания в учении позитивной школы.

§ 41. Учение о признании позитивной школы имеет довольно запутанный и чрезвычайно эклектический характер; наряду с при-

нятием в измененной форме теории естественно-правовой доктрины о том, что государство есть продукт самовозрождения, что государство есть исторический и политический факт «скорее творец, чем создание права»⁴²⁹) и наряду с настойчивым указанием, что государство, как суверенное образование, подчинено не высшему правопорядку, но нормам, им самим утверждаемым, создается прямо противоположная тенденция считать, что в мировых отношениях имеется закрытое «общество» или «общение» культурных или цивилизованных государств, которые, принимая, или не принимая в состав своих членов вновь возникающие государственные образования, осуществляют этим путем признание⁴³⁰).

Несмотря на повторные утверждения, что рождение государств есть область истории и политики, представители школы все-таки считают необходимым указывать, что это рождение может иметь место в различных формах: путем заселения необитаемой местности — через чистое зарождение, затем путем почкования, или насильственного отделения от существующего образования и, наконец, путем слияния нескольких ранее существовавших государств⁴³¹). Эти различные виды и самые пути зарождения государства не являются irrelevantными с точки зрения международного права, и если формально можно установить максимум, что только через высшую норму объективного права политическое образование может стать субъектом права, и если объективная норма может признать или отвергнуть персональный характер за одним, или другим единством, то это признание и отвержение не может быть чистым произволом, но должно быть в соответствии с общими принципами права и в конечном итоге и с некоторыми относительно-постоянными правовыми ценностями. В этом смысле совершенно неправильно утверждение позитивной школы, что зарождение государств есть область политики и истории. Это область формирования материального субстрата, относительно которого будет произнесено правовое суждение и который в своих основных элементах должен соответствовать требованиям объективного права.

В основе утверждения позитивной школы, что для права irrelevantен процесс образования государства, лежат взгляды естественно-правовой доктрины, что государство создается «par soi-même».

⁴²⁹) *Hershey*, 115. *Hatschek*, 144.

⁴³⁰) Ср. особенно *Anzilotti* Corso I, 96. *Heilborn* Grundbegriffe, 58 и д. *Jelinek*. System, 310. *Ullmann*, 125 и д.

⁴³¹) Ср. *Hatschek*, 144—146. *Liszt* §5, 47. *Martens*, I, 277 и д.

Между тем международные прецеденты в данном отношении проникнуты иными началами, более соответствующими и научным требованиям и общим принципам, знакомым не только международному, но и частному праву. Признание неизбежно ставит вопрос, есть ли налицо предпосылки, утверждающие возможность самостоятельного государственного существования, или же какие-либо другие предпосылки, определяемые объективным правом как *conditio sine qua non* для наличия субъекта права. И эти предпосылки имеют решающее правовое значение как для признания, так и для оспаривания признания. Соединенные Штаты Америки, более чем за десять лет до признания испанских колоний в Америке, назначили в восставшие провинции официозных представителей, которые держали правительство в Вашингтоне в курсе всех событий, развертывавшихся в южной части Америки⁴³²). И затем, в замечательной переписке ст.-секретаря Адамса с испанским послом, вопрос о предпосылках и о правовой допустимости признания ставится чрезвычайно остро. Адамс в своей ноте настаивал, что в предпосылках необходимо различать правовой момент, выражающийся в праве нации на самоопределение (и имеющий свое проявление в формальном акте) и момент фактический, который отражается в степени успешности осуществления этого права: «*In every question relating to the independence of nation, two principles are involved; one of the right and the other of fact: the former exclusively depending upon the determination of the nation itself, and the latter resulting from the successful execution of that determination*»⁴³³).

Право каждого народа на самоопределение может выразиться в форме насильственного изменения образа правления, но может выразиться и в расчленении существующего государства. Можно, конечно, не соглашаться с провозглашением своеобразного права на революцию, права лежащего по существу вне области позитивной международной системы, но нельзя не согласиться, что в данном случае имеются две категории правовых фактов: *волевой субстрат* и *его материальная реализация*, и оба эти факты являются основой признания. Поэтому и в знаменитом послании президента Монрое по поводу признания южно-американских государств 8 марта 1822 года⁴³⁴), и позднее, в докладе комитета по иностранным делам нижней

⁴³²) Moore. D. I, 81 и д.

⁴³³) Нота ст. секр Адамса 6 апреля 1822 г. Martens. N. R. I X. 167 и д.

⁴³⁴) Martens. N. R. 1, X, №47, 148—152.

палате от 19 марта 1822 года⁴³⁵) самым подробным образом освещаются две проблемы: наличие народного волеизъявления и фактические пределы господства новой власти. И в том и в другом случае констатируется ряд событий из жизни рождающихся политических образований.

Буэнос-Айрес (впоследствии Аргентина) — как говорится в докладе комитета — провозгласил свою независимость в 1816 году, но уже с 1810 г. его территория была свободна от неприятельских (испанских) войск. Буэнос-Айрес «...enjoy domestic tranquillity and good understanding with all their neighbours and actually exercise... all attributes of sovereignty»⁴³⁶).

Провинции Венецуэлы и Новой Гренады отдельно провозгласили свою независимость, более десяти лет вели вполне успешно борьбу с испанскими военными силами и 19 ноября 1819 года создали политическое единство под именем «Республики Колумбии». «The republic of Columbia has now a well organized government, instituted by the free will of its citizens and exercises all the functions of sovereignty, fearless alike of internal and foreign enemies»⁴³⁷).

Затем в аналогичном смысле анализируются положение Чили, Перу и Мексики⁴³⁸).

На чем же основывался энергичный протест испанского посла против признания? Принципиально он, конечно, не мог стоять на той же точке зрения, что и ст.-секретарь Адамс, но, кроме начала легитимности и соображений морального характера, он приводит и другие аргументы. Есть ли власть, которой дается признание, и вообще существуют ли правительства, в европейском смысле, в Южной Америке? В Буэнос-Айрес царит полная анархия, ежедневно появляются новые диктаторы, чтобы затем с такой же быстротой исчезнуть. В Перу столица занята испанцами и местное население им оказывает помощь. В Чили царит тоже личный произвол диктатора. Вдоль тихоокеанского побережья революционные генералы воюют не с испанскими войсками, но со своими соотечественниками. Среди местного населения, в виду наступившей анархии, может наступить перелом и проявиться желание восстановить связи с Испанией⁴³⁹).

Аргументация посла была очень сильна, потому что она утверж-

⁴³⁵) Martens. N. R. 1, X, №47, 152—162

⁴³⁶) Martens. Op. cit., 159.

⁴³⁷) Martens. Ibid.

⁴³⁸) Martens. N. R. 1, X, 153 и д.

⁴³⁹) Martens. N. R. 1, X, 164—166.

дала, что в новых образованиях нет организованной власти и, следовательно, они не могут признаваться государствами. Действительно, борьба против испанских войск в восставших провинциях почти моментально сменилась затяжной гражданской войной, и более или менее устойчивый правопорядок воцарился в Южной и Центральной Америке только через долгие десятилетия.

В данном месте меня однако интересует не дальнейшая судьба образовавшихся государств, но лишь конкретная и вполне реальная необходимость правовой оценки извне ряда условий, создающих основание для признания. Эта правовая оценка производится чужими государствами, и этой оценкой определяется правовой конечный результат, будет или нет новое образование признано субъектом права. Что такое расследование наличности коллективно-волевого, личного и пространственного момента производится индивидуально, что оно иногда чрезвычайно произвольно, что оно может создать противоправные последствия — это все возможно, но в данном случае исторические и политические факты оцениваются масштабом права и права не внутри-государственного, а международного. Обычные нормы и прецеденты в данном случае достаточно постоянны и они всегда выдвигают критерий правовой оценки событий, приведших к рождению государства и к постановке проблемы о его признании.

Голландский ученый *Krabbe*⁴⁴⁰) и в новейшее время *Sander*⁴⁴¹) ошибались, когда утверждали, что государство зачинается и рождается международным правом, но субъектом права оно может стать и становится только через признание в силу объективной нормы международного права и только после правовой оценки событий, являющихся материальным субстратом признания.

§ 42. Наряду с наивной попыткой элиминировать предпосылки признания, как относящиеся к области истории и политики, позитивная школа пыталась построить всю систему международного права и, в частности, учение о признании на метаюридической теории «международного общения». В основе этого принципа лежали идеи *Христиана Вольфа* о *civitas maxima*⁴⁴²), или *Гроция* об общении народов⁴⁴³), или еще раньше *Виктории*, когда он утверждал, что каждое отдельное государство «pars totius orbis», «provincia... totius Rei-

⁴⁴⁰) Ср. примеч. 405.

⁴⁴¹) Ср. примеч. 405.

⁴⁴²) *Wolf*. *Ius gentium methodo scientifico pertractatum...* 1749.

⁴⁴³) *H. Grotii*. *De jure belli ac pacis libri tres*. 1625

publicae»⁴⁴⁴) или *Цареца*, учившего: «*Humanum genus quatumvis in varios populos et regna divisum, semper habet aliquam unitatem non solum specificam, sed etiam quasi politicam et moralem*»...⁴⁴⁵) Но идеи, вполне понятные в естественно правовой доктрине, были совершенно необоснованы для представителей позитивного направления, потому что опытным путем было совершенно невозможно сконструировать это общение. Это общение могло иметь только одно значение — простое констатирование, что все государства в своих взаимных отношениях признают, хотя и с некоторыми колебаниями, одни и те же нормы международного права, но это совсем не обозначало, что все нормы действующего права формально должны найти свое выражение в общих определенных актах.

Китай или Япония могли применять в XIX веке нормы о заключении договоров в силу обычая совершенно независимо от того, что аналогичные нормы соблюдались и европейскими государствами⁴⁴⁶). Но позитивной школе надо было придать объективному праву более твердые и более «позитивные» черты, и эта цель достигалась через допущение фиктивного «общения» народов, корни которого были метаюридическими и лежали в факте культурного и политического сближения европейских государств. Международное право, по мнению школы, продукт германо-романской культуры и оно распространяется, как круги в воде от брошенного камня, постепенно расширяясь и втягивая в свое единство сначала менее отсталые полуцивилизированные, а затем и нецивилизированные народы. Эта устаревшая терминология определенно указывает на английский источник доктрины в ее новейшей форме (*Милль*, и затем *Лоример*)⁴⁴⁷) и свидетельствует о мотивах, чуждых праву, в силу которых она получила свое признание и освящение. Эта фикция приводила к учению, что международное право есть право общества цивилизованных народов и что принятие в это общество и является в сущности признанием.

Такой анти-юридический характер принимает учение о признании у *Jellinek*⁴⁴⁸) *Le Normand*⁴⁴⁹), *Ullmann*⁴⁵⁰), *Мартенса*⁴⁵¹),

⁴⁴⁴) Цитир. по *Verdross*, *Einheit*, 40.

⁴⁴⁵) Цитир. по *Verdross*, *Einheit*, 40.

⁴⁴⁶) *Morse*. *The international relations of Chinese empire*. 1910.

⁴⁴⁷) *Lorimer*. *Principes de droit international* tr. par E. Nys. 1885, 69 и д.

⁴⁴⁸) *Jellinek*. *System*, 310—329.

⁴⁴⁹) *Le Normand*. 32—33 и д.

⁴⁵⁰) *Ullmann*, 124 и д.

⁴⁵¹) *Мартенс* I, 277.

*Liszt*⁴⁵²), *Lawrence*⁴⁵³), *Oppenheim*⁴⁵⁴) и в новейшее время у *Hershey*⁴⁵⁵). Установление (Institution), обслуживающее необходимые и общие цели множества лиц называется, — как учит *Jellinek* — «общением»⁴⁵⁶). «Communauté internationale», «Société des nations», «Internationale Gemeinschaft», «Staatengemeinschaft», «family of nations», «international community»⁴⁵⁷). Для понятия общения существенным является только множество лиц, преследующих цели, недостижимые для индивидуальных усилий. Цивилизованные государства являются членами такого общения. Конечно, современное государство суверенно, но ему чужды принципы самодовления или автархии. «Er (der Staat) allein hat die höchste Macht, diese genügt aber nicht, um ihm alles zu verschaffen, was er nötig hat. Hier bedarf er eines Etwas, das weder herrscht, noch beherrscht wird — der Staatengemeinschaft»⁴⁵⁸). Такое общение может однако существовать, если воля участников служит не личным, но общим целям. Такое служение может определяться велениями высшего правопорядка, или может основываться на признании общих правовых норм. Только последнее было возможно в общении государств и таким образом оно из фактического делалось правовым⁴⁵⁹).

По поводу этой конструкции надо отметить, что, поскольку она имеет социологический характер, она правильно отмечает наличие культурных связей и культурного обмена между народами. Она вполне основательно подчеркивает, что объективно имеются цели, достижимые не индивидуальными, но коллективными усилиями, но в дальнейшем она не столько описывает эмпирию, сколько строит своеобразную теорию de lege ferenda. Наличие культурных связей не порождает с необходимостью правовой регуляции этих связей. Право может их определять, но может их и игнорировать. Если опытным путем анализировать обязательность международных норм, то надо отметить, что понятие цивилизованности или культуры для права были иррелевантны. Уже в XVI веке и даже раньше христианские народы вступали в договорные отношения с

⁴⁵²) *Liszt*, §5: «Nicht sein Dasein als Staat, sondern sein Eintritt in die Völkerrechtsgemeinschaft, ist durch Anerkennung bedingt», 47.

⁴⁵³) *Lawrence*, 83 и д. 89 и д.

⁴⁵⁴) *Oppenheim* I, §71 и д.

⁴⁵⁵) *Hershey*, 116 и д.

⁴⁵⁶) *Jellinek*. System, 312 и д.

⁴⁵⁷) Ср. *Hershey*, 1—3, 115 и д.

⁴⁵⁸) *Jellinek*. System, 312.

⁴⁵⁹) *Jellinek*. System, loc. cit., ср. и 320 и д.

Тунисом, Марокко и Алжиром, еще раньше Византия поддерживала договорные и дипломатические сношения с Персией⁴⁶⁰). Право войны, развивавшееся первоначально в виде национального законодательства и партикулярных договоров, было очень тщательно разработано у монголов и арабов.

Чисто опытным путем нельзя игнорировать или отвергать это проявление международного права, потому что и формально и материально оно ничем не отличается от права христианских европейских народов и, кроме того, оба эти проявления сливаются и образуют универсальное единство через освящение их договорными соглашениями между государствами Европы и Востока.

Наряду с этим нельзя игнорировать, что вследствие интенсивных *международно-правовых* отношений совершенно немисливо точно очертить круг членов «международного общения». Ученые юристы конца XIX века занимались в этом смысле чисто субъективными построениями, отвергая одни государства и приглашая в «общение» другие. Входят ли в общение Турция, Китай, Сиам, Персия, Афганистан, Абиссиния, Япония⁴⁶¹)? Это было контроверсивной разрешавшейся чрезвычайно наивно. Так, например, *Мартенс* еще в 1898 г., доказывал, что Турция, несмотря на Парижский договор 1856 г., исключена, как мусульманское государство, из общения⁴⁶²) и вместе с тем значительно раньше он предсказывал «симпатичному» японскому народу скорее вступление в общение⁴⁶³). Однако эмпирически вступление в общение и следовательно признание нового государства или прежде существовавших образований установить на основании формального акта было совершенно невозможно⁴⁶⁴).

⁴⁶⁰) *Güterbock*. Bysanz und Persien, 1906. *Kohler*. Deutsche Literaturzeitung, 1907, 947.

⁴⁶¹) Ср. *Cavaglieri*. La conception positive de la Société Internationale. R. G. XVIII, 1911, 263, 264 и д.

⁴⁶²) *Мартенс* I, 185.

⁴⁶³) *Мартенс* Россия и Англия в Средней Азии, 20.

⁴⁶⁴) *Мартенс*, I, 185—186. Русский ученый вынужден констатировать: «Относительно этого кардинального вопроса о пространстве действия положительного международного права господствует в современной литературе полное смешение понятий: один автор списывает у другого, или ссылается на авторитет другого без всякой критики». Ibid loc. cit. *Мартенс* упускает из виду, что тут виновата не столько доктрина, сколько неправильная постановка проблемы. В издании 1918 «Völkerrecht» *Liszt* исключает из «общения»: Абиссинию, Китай Либерию (?), Персию и Сиам. В 1917 г. *Schön* (Die völkerrechtliche Haftung der Staaten) исключал из общения Абиссинию, Афганистан, Либерию, Марокко и мелкие арабские и индийские (в Гималаях) государства. Эти ненаучные клас-

*Мартенс*⁴⁶⁵) и *Hershey*⁴⁶⁶) были уверены, что Московская Русь, как государство полу-цивилизованное, не была членом международного общения, несмотря на обмен посольствами (не-постоянными) и на договорные отношения с рядом западно-европейских государств. Кто же и когда принял Россию в «общение»? Это остается совершенно неуловимой тайной⁴⁶⁷) и *Hershey* считает, что это «признание» и вступление последовало молчаливо, т. е. на основании конклюдентных актов⁴⁶⁸). Какие же это были акты? Это тоже остается тайной и раз навсегда неразгаданной, потому что таких актов не было и потому что никакое вступление вообще не имело места. Точно так же, вопреки мнению *Hershey*, нельзя считать, что Соединенные Штаты молчаливо вступили в общение на правах цивилизованного государства, отделившегося от существующего образования⁴⁶⁹). Никто, никогда не принимал Штаты в это фиктивное несуществующее общение ни путем конклюдентных актов, ни путем формального постановления.

Если понимать под общением «правовое» общение, т. е. факт признания комплексом государств наличности хотя бы одной общей нормы международного права, то такое общение обнимало весь мир и охватывало все народы, христианские и языческие, цивилизованные и нецивилизованные.

Если же понимать под общением наличность особенно тесных культурных и религиозных связей между народами Европы, то, не отрицая значения этих связей для развития права, можно их рассматривать, лишь как условие, или внешний фактор в росте международных норм, но теоретически недопустимо сводить к ним или выводить из них правовую систему. Над позитивной теорией «общения» надо поставить раз навсегда крест и нельзя строить на нем догматическое учение о признании.

§ 43. Однако теория «международного общения» была в то же

сификации государств по степени их цивилизованности давно следовало бы сдать в архив. Ср. однако *Hershey*, 1—3.

⁴⁶⁵) *Martens* I, 210.

⁴⁶⁶) *Hershey*, 117.

⁴⁶⁷) Ср., например *Martens*, который конечно не отрицает международных отношений Московской Руси. Он только считает, что они были «фактическими». «Постоянные» и «правильные» сношения «начались не ранее царствования Петра Великого и только при Екатерине II получили твердую почву». *Martens* I, 210.

⁴⁶⁸) *Hershey* говорит о «tacit admission» и подчеркивает: «It is impossible in some cases, to fix a definite date of admission», *Hershey*, 116.

⁴⁶⁹) *Hershey*, 117.

время учением о своеобразной реальности международного права-порядка и поэтому привела к попыткам порвать с традицией естественно-правовой доктрины, сменивавшей исторический факт рождения государства с формальным моментом образования нового субъекта права. Поэтому, поскольку некоторые представители позитивной школы настаивали на конститутивном характере международного признания, они в лице *Jellinek*, *Oppenheim* и *Cavaglieri* пробовали во имя правового опыта преодолеть традиционное учение. Право имеет место только между субъектами права; каждое государство имеет притязание быть признанным как субъект права, «als Staatliches Rechtssubjekt». Этим признанием государство *из факта простой физической мощи делается субъектом и членом правового общения*⁴⁷⁰). Признание, говорит *Cavaglieri*, имеет ценность и значение конститутивное. Признание — «...un accord au moyen duquel les Etats se reconnaissent réciproquement comme tels, et par là se transforment, les uns vis-à-vis des autres, de simples entités de fait en personnes pourvues de droits et soumises à des devoirs»⁴⁷¹). В свою очередь *Oppenheim* решительно утверждает: «International Law does not say that a State is not in existence as long as it is not recognized, but it takes no notice of it before its recognition. Through recognition only and exclusively a State becomes an International Person and a subject of International Law»⁴⁷²).

Таким образом, отдельные представители школы решительно порвали с господствующей доктриной и очистили почву для правового познания признания. Но, наряду с этим, *Jellinek* отказался идти по пути допущения приращенных, абсолютных или основных прав государств и сделал попытку свести их к функциям государства, как такового, выводя эти функции непосредственно из понятия государства⁴⁷³). В действительности, однако, нельзя основные права растворять в функциях государства. С международной точки зрения эти функции можно конструировать только как права и обязанности и, если недопустимо строить отношения государств по аналогии с отношениями индивидов, имеющих от рождения неотчуждаемые права, то недопустимо выводить из понятия не субъекта права, но государства его особые специфические свойства, будто бы принимаемые en bloc при признании. Международное право в этом смысле

⁴⁷⁰) *Jellinek*. System, 315—316.

⁴⁷¹) *Cavaglieri* в R. G. XVIII. 1011, 265 и д.

⁴⁷²) *Oppenheim* I, §71. Ср. Gidel в R. G. XVIII, 604 и д.

⁴⁷³) *Jellinek*. System, 316 и д.

автономно и, нормально, оно признает начало равноправия и начало свободы и независимости, но в некоторых случаях оно ограничивает последние два начала, или объявляя вновь признанное государство постоянно нейтральным, или возлагая на него обязанности по охране религиозных или национальных меньшинств. Теоретически примат международного права имеет абсолютный характер, а суверенитет признаваемого государства есть начало относительное и подчиненное.

В этом пункте приходится подойти к самой болезненной стороне позитивной доктрины.

Если началом и концом правопорядка является государство, а не международный правовой строй, если последний не может приказывать и запрещать⁴⁷⁴⁾, и если только веления государственной власти имеют такой характер, как теоретически допустимо признание, сопровождающееся критическим анализом строения государственной власти, как признание может быть не обязанностью для признающих, но их правом, и как в признании могут авторитарно определяться конкретные условия для внутренней жизни государства? Если государство конец и начало властного принуждения, специфически отличного от порядка международно-правовых отношений, и если последний покоится на доброй воле государств, проявляющейся в самообязывании, или в соглашениях — «*Vereinbarungen*», как может этот правопорядок давать или не давать санкции существованию государства, хотя бы лишь в их внешних отношениях?

Во имя логики и данных опыта *Jellinek*, *Cavaglieri* и *Oppenheim* пришли к выводу о конститутивном значении признания, т. е. к результату, что только через юридический акт, определяемый международным правом, государство может осуществлять функции своего внешнего суверенитета, причем *Jellinek* вынужден был допустить, во имя компромисса, что эти функции вытекают из сущности государства. Для права однако важно одно: только через признание эти функции могут получить правовую реализацию, иначе они в состоянии полного парализа и вынужденного бездействия. В данном случае нет координации, но есть отношение подчинения, и выше государства стоит международное право, которое не позволяет или отвергает, но приказывает или запрещает. Позитивная доктрина не могла понять такого порядка отношения; она не сумела познать правильной связи государства с международным правом, и надо

⁴⁷⁴⁾ *Jellinek*. System, 315.

сознаться, что естественно-правовая доктрина, которая просто игнорировала правовое значение признания, была в данном отношении более последовательна, чем позитивная школа.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ЮРИДИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРИЗНАНИЯ

§ 44. Обычно-нормативная основа признания. § 45. Признание в международной практике. § 46. Юридический характер признания. § 42. Субъекты признания. § 47. Объект признания. § 48. Дестинаторы признания.

§ 44. Признание определяется международным обычаем⁴⁷⁵⁾. Если из признания вытекают правовые последствия и возникают целые комплексы новых правоотношений, то на самом акте признания правовая последовательность не обрывается и *continuo iuris filo* восходит к иерархически высшим нормам объективного права, определяющего правовую необходимость признания для признаваемого государства, право признания, форму признания и, наконец, субъектов и дестинаторов признания, и если современная доктрина ни разу не останавливалась на правовом анализе признания, то она, не отрицая факта бытия признания, только неявно формулировала основную мысль, что в основе признания лежит объективная норма права⁴⁷⁶⁾.

Эта норма не была зафиксирована в международном соглашении. Подобная фиксация была теоретически довольно затруднительна, потому что, хотя норма является отпавшим юридическим моментом для возникновения субъективных прав, но вместе с тем она осуществляется односторонне волей каждого старого государства, могущего в отдельности признать или не признать новое возникающее образование. Индивидуальная форма и односторонний характер признания были в правовом отношении мало приемлемы, потому что они открывали широкое поле произволу и давали возможность по мотивам чисто-политического характера откладывать признание

⁴⁷⁵⁾ *Kelsen* слишком решительно утверждает: «Ein positiv rechtliche Vorschrift (в признании) ist nicht nachzuweisen». *Kelsen*, Problem, 230. Иначе, и более основательно, *Kunz*, который говорит о «*völkerrechtliche Gewohnheitsrecht*». *Kunz*. Entstehung von Neustaaten und der Neustaaten nach dem Weltkrieg. W. VR. I, 284.

⁴⁷⁶⁾ Однако у *Jellinek* признание, повидимому, конструируется, как самостоятельный источник права. *Jellinek*. System, 312 и д.

на долгие годы, а иногда и десятилетия. Международная практика стремилась внести в данном случае известные коррективы, и институт признания должен был принять формы, более соответствующие общему духу права и его социально-универсалистическим тенденциям. Форма обычая была более гибкая и, при принципиальном допущении индивидуальной свободы в признании, она прецедентным путем вводила поправку в признание через осуществления последней стадии признания на основе известной публичности на международных конгрессах и конференциях⁴⁷⁷).

Обычный характер признания отражается в тройкой форме. Во-первых, в ссылках на непрерывность и древность международной практики («*ancien usages*» — как говорилось о нормативной основе признания в ноте европейским дворам представителя Колумбии Zéa в 1822 г.⁴⁷⁸). Во-вторых, в указании на всеобщность этой практики⁴⁷⁹). Наконец, третьим обоснованием является указание на соответствие правоубеждению народов⁴⁸⁰). Такого рода ссылка, в известном смысле, является последней основой признания. В своих основных принципах всякий правопорядок в конечном итоге реализуется как данное, не как искусственно созданное, и если теоретически всякая система права социальна, то при внешнем опытным проявлении права, при его «позитивации», большую роль играет свободная интуиция индивида, применяющего права. Здесь имеется область произвола и «*индетерминизма*», где только детали и форма определяется позитивной нормой, а самый центр правовой проблемы разрешается существующими субъектами в силу своего непосредственного восприятия права и в силу того, насколько подобно новое образование уже существующим, являющимся прообразом и формой для вновь возникающих субъектов. В правовом смысле роль признающих субъектов не ограничивается ролью восприимчивых, но им принадлежит в известном смысле и роль творческая. Правда, они не могут искусственно сотворить нового члена правового общения, но зато они могут или уничтожить его, или сделать его существование невозможным. Их мощь проявляется больше в разрушении, чем в созидании, но они всегда могут и всегда стремятся сделать новое образование «по своему образу и подобию». В этом

⁴⁷⁷) *Verdross*. *Anerkennung von Staaten*. W. VR. I, 51.

⁴⁷⁸) *Marents*. N. R. 1, X, 172—173.

⁴⁷⁹) *Marents*. N. R. VI, 155. *Moore*. D. I, 98.

⁴⁸⁰) Ср. особенно доклад комитета по иностр. делам нижней палаты Соед. Шт. в 1822 г. *Martens*, N. R. 1, X, 154.

смысле, поскольку международное право утверждает индивидуальную правовую оценку признаваемого субъекта признающими, оно отвергает чистый принцип координации и устанавливает своеобразную опеку и контроль старых субъектов права над вновь возникающими⁴⁸¹).

§ 45. Обычное нормативное основание признания в виде начала всеобщности отражалось не только в практике, ставшей особенно прочной и постоянной в XIX веке, но и в единогласном *opinio doctum*, считавших, что только через признание возможно установление правовых отношений между государствами, как субъектами международного права⁴⁸²).

Признание применялось фактически, и считалось осуществлением права, а не произвола со стороны признающих по отношению к признаваемым. Оно не ограничивалось единичными случаями, но осуществлялось во взаимных отношениях самых различных государств, считавших себя подчиненными как в активном, так и в пассивном смысле подобной практике. Такая непрерывная практика и уверенность в ее правовом характере создали силу признания и сделали ее необходимым условием для допущения новых государств в правовое общение.

Наука международного права не определяет и не может определить сроки, или количество аналогичных действий, в силу повторности и числа которых отдельные прецеденты могут получить высшее нормативное освящение, преобразуясь в «обычай». Но с другой стороны необходим и некоторый объективный контроль утверждения принципа «всеобщности» и «старинности», потому что в области международного права иногда нормы, имевшие по утверждению субъектов, их применявших, «обычный» характер, в действительности были лишь прецедентами партикулярного характера (таковы были некоторые нормы войны на море и нейтралитета, применявшиеся Англией и считавшиеся ею нормами общими и обязательными и для других государств). Однако, в виду ограниченности числа субъектов международного правового общения, можно путем аналитическим и индуктивным выяснить нормативную основу признания, которое не только

⁴⁸¹) Отсюда вытекает отрицательное отношение у целого ряда ученых к правовому значению признания и попытки придать ему чисто декларативный характер. Ср. ниже §48.

⁴⁸²) Ср. особенно *Jellinek*. *System*, 311—312. *Le Normand*, 31—32 и д. *Oppenheim* I, §§71—72

формально, но эмпирически могло притязать и на «старину» и на «всеобщность».

Если начать рассмотрение признания субъектов права с половины XVII века, то надо отметить, что в 1648 г. последовало признание двух *союзов государств*, как субъектов международного права на Вестфальском конгрессе⁴⁸³). Я говорю о признании Швейцарского Союза, завоевавшего свою полную независимость от империи еще в 1497 г.⁴⁸⁴), и Нидерландских Штатов, провозгласивших свою самостоятельность согласно Утрехтской декларации в 1559 г.⁴⁸⁵). Иногда признание имело место лишь через значительный промежуток времени. Так, Португалия, отделившаяся от Испании в 1640 г., была признана последней лишь в 1668 г.⁴⁸⁶), тогда как Англия признала Португалию через допущение ее представителей к заключению договора еще в 1641 году⁴⁸⁷). Греция была окончательно признана лишь в 1832 г.⁴⁸⁸). Признание Бельгии последовало в 1831 г. со стороны великих держав и в 1839 г. со стороны Голландии⁴⁸⁹). Италия в сущности не была признана в качестве нового субъекта международного права, и было признано лишь новое итальянское правительство через согласие европейских государств на принятие королем Сардинским нового титула «короля Италии»⁴⁹⁰).

Новые американские государства: Аргентина (под именем Буэнос-Айреса), Чили, Перу, Колумбия, Мексика были признаны Соединенными Штатами Америки в 1822⁴⁹¹) и 1823 г.⁴⁹²), Англией в 1852 году⁴⁹³), а другими европейскими государствами значительно позднее. Испания, в свою очередь, признала свои бывшие колонии в качестве самостоятельных образований лишь через несколько десятилетий. Аргентину она признала в 1859 г.⁴⁹⁴), Чили в 1844 г.⁴⁹⁵), Колумбию

⁴⁸³) Ср. *Calvo* I, 187—188.

⁴⁸⁴) *Meiern*. Acta pacis Westphalicae, V, (1735). стр. 725—726.

⁴⁸⁵) *Dumont*. Corps diplomatique, VI, 492. V, 507.

⁴⁸⁶) *Dumont*. Corps dipl. VII, 238

⁴⁸⁷) *Dumont*. Corps dipl. VI, 238

⁴⁸⁸) *Martens*. N. R. VIII, 143

⁴⁸⁹) *Martens*. N. R. XVI. 770, 778; de *Clercq* IV, 470, 478.

⁴⁹⁰) *St. A.* I, 50, 197—202 II, 81—83 и д. III, 137—138 и д.

⁴⁹¹) *Moore* D. I, 90.

⁴⁹²) *Moore*. D. I, 91.

⁴⁹³) *Martens*. N. R. X, 2. 667, 702—711

⁴⁹⁴) *Janer*. Tratados de Espana. 1869, 184, 385.

⁴⁹⁵) *Janer*. Op. cit. 7

в 1839 г.⁴⁹⁶), Мексику в 1836 г.⁴⁹⁷), а Перу лишь в 1879 г., когда был заключен в Мадриде договор, говоривший о «забвении прошлого» и об установлении «мира прочного и ненарушимого»⁴⁹⁸). Бразилия была признана в 1824 г. Соединенными Штатами Америки⁴⁹⁹) и в 1825 г. своей бывшей метрополией Португалией⁵⁰⁰) и Англией⁵⁰¹), а в 1826 г. Францией⁵⁰²).

Точно так же формальное признание имело место и по отношению к другим южно и центрально-американским государствам. Уругвай был признан в 1830 г. Аргентиной и Бразилией, но на условии, что конституция новой республики должна предварительно получить их одобрение. Конституция Уругвая, принятая Национальным Собранием 10 сентября 1824 г., была санкционирована Аргентиной и Бразилией в торжественном акте, содержавшем вместе с тем признание новой республики⁵⁰³). Парагвай фактически был самостоятельным с 1816 г., но провозгласил свою полную независимость лишь в конце 1842 г., и только в 1852 г., после доклада специального агента Норкинса, Соединенные Штаты признали новое образование⁵⁰⁴), и затем примеру Штатов последовали другие европейские державы. Боливия была признана впервые Перу в 1826 г., и только позднее другими государствами⁵⁰⁵). Точно так же Эквадор был прежде всего признан Перу в 1832 г.⁵⁰⁶). Венесуэла была признана Францией в 1832 г.⁵⁰⁷), затем в 1837 г. вольными немецкими городами: Любеком, Бременом, Гамбургом⁵⁰⁸), и потом другими державами. Сан-Доминго был признан в 1848 г. Францией⁵⁰⁹) и в 1850 г. Англией⁵¹⁰). Федерация центрально-американских провинций (Коста-Рика, Гватемала, Гондурас, Никарагуа и Сальвадор) была признана

⁴⁹⁶) *Cantillo*. Tratados de Espana. 1842, 877.

⁴⁹⁷) *Robertson*. History of the Latin-American Nations. 1922, 188.

⁴⁹⁸) *Calvo* I, 220.

⁴⁹⁹) *Moore*. D. I, 91—92.

⁵⁰⁰) *Martens*. N. R. X, 1, 796—799.

⁵⁰¹) *Robertson*. History of the Latin-American Nations. 1922, 187.

⁵⁰²) *Martens*. N. R. X, 868—876.

⁵⁰³) *Robertson*. History of the Latin-American Nations. 1922, 256—257.

⁵⁰⁴) *Robertson* Op. cit. 272—273. Moore D. I, 91.

⁵⁰⁵) *Robertson* Ibid., loc cit.

⁵⁰⁶) *Robertson*, 406

⁵⁰⁷) *Martens*. N. R. XIII, 91.

⁵⁰⁸) *Martens*. N. R. XIV, 230.

⁵⁰⁹) *Martens*. N. R. G. XII, 191.

⁵¹⁰) *Martens*. N. R. G. XV, 112.

Мексикой⁵¹¹) и Соединенными Штатами в 1825 г.⁵¹²). В 1838 г. Коста-Рика отделилась от федерации и была признана вольным городом Любеком⁵¹³) и Францией в 1848 г.⁵¹⁴), а Испанией в 1850 г.⁵¹⁵) Сальвадор провозгласил свою независимость в 1841 г. и был признан Соединенными Штатами в 1850 г.⁵¹⁶), и позднее всего Испанией в 1865 г.⁵¹⁷). Гватемала была признана в 1847 г. Любеком⁵¹⁸) и в 1848 году Францией⁵¹⁹). Гондурас был признан Соединенными Штатами в 1849 г.⁵²⁰), но Испанией был признан через допущение к заключению договора 17 ноября 1894 г.⁵²¹) Никарагуа объявила о своей самостоятельности в 1838 г. и была признана Испанией в 1850 г. через допущение к заключению договора в Мадриде 25 июля этого года⁵²²). Великая Республика Центральной Америки, возникла из соединения в Союзное государство Гондураса, Никарагуа и Сальвадора 20-го июня 1895 г. и в декабре 1896 г., Соединенные Штаты признали новую Республику через принятие ее полномочного министра в Вашингтоне⁵²³).

3-го ноября 1903 г. от республики Колумбии отделилось новое образование, Панама, провозгласившее свою полную самостоятельность. С 1903 г. по 1904 г. новая республика была признана всеми американскими и европейскими государствами, начиная с Соединенных Штатов Америки (13-го ноября 1903 г.) и кончая Мексикой (1-го марта 1904 г.)⁵²⁴)⁵²⁵).

Наконец, последним государственным образованием, находящимся еще в стадии образования, была Центральная Американская Федерация, конституция которой была принята представителями Гватемалы, Гондураса, Коста-Рики и Сальвадора 19-го января 1921 г.

⁵¹¹) *Robertson*. 449—450.

⁵¹²) *Robertson*. 452.

⁵¹³) *Martens*. N. R. G. XIV, 146.

⁵¹⁴) *Martens*. N. R. G. XII, 17 и д.

⁵¹⁵) *Janer*. *Tratados*, 30.

⁵¹⁶) *Robertson*. 456.

⁵¹⁷) *Janer*. *Tratados*, 393.

⁵¹⁸) *Martens*. N. R. XIV, 111.

⁵¹⁹) *Martens*. N. R. XII, 3.

⁵²⁰) *Martens*. N. R. G. XV, 186.

⁵²¹) *Robertson*, 457.

⁵²²) *Janer*. *Tratados*, 34.

⁵²³) *Robertson*, 457—458.

⁵²⁴) *Martens*. N. R. G. 3° IV, 796. VI, 305. *Robertson*, 467—468.

⁵²⁵) *Boyd*. *La République de Panama et le droit international*. R. G. XVII,

Коста-Рика отказала в ратификации проекта, и он был ратификован лишь Гватемалой, Гондурасом и Сальвадором⁵²⁶).

В Африке возникла в 1847 г. самостоятельная «черная» республика Либерия, признанная Англией в 1848 г., и позднее другими державами⁵²⁷). В 1884 г. было признано новое африканское государство Конго сначала Соединенными Штатами Америки, затем европейскими державами, и это признание получило санкцию на Берлинской Конференции в 1885 году⁵²⁸).

Мировая война привела в Европе к рождению ряда новых государств, отчасти имевших корни в прежних образованиях, отчасти возникших совершенно заново в силу национального движения, приведшего к освобождению славянских народов, завоевавших свою самостоятельность позднее народов романских и германских.

Наряду с этим от российского государства отделились его окраины, которые порвали связи, объединявшие их с Россией в течение почти двух веков (кроме Польши и Финляндии). Новые государства: Польша, Чехословакия, союзная республика Австрийская, государство Венгерское, королевство Сербов, Хорватов и Словенов⁵²⁹) были признаны как индивидуально различными государствами, начиная с 1918 г. по 1920 г., так позднее их существование в качестве полноправных субъектов международного общения было зафиксировано в мирных договорах, в Версальском 19-го июня 1919 г., в Сен-Жерменском договоре 10-го сентября 1919 г., так в Трианонском договоре 4-го июня 1920 г., так, наконец и в ряде специальных договоров⁵³⁰). Во время мировой войны на лоне союзных держав возникло и новое государство в Азии, Геджас, торжественно признанный Англией еще 19-го марта 1917 г.⁵³¹) и принявший участие на Мирной Конференции в Париже.

Что касается окраин России, провозгласивших свою независимость, то они не были признаны ни Советской Россией, ни Германией в 1918 г. по Брест-Литовскому договору 3-го марта (договор уста-

⁵²⁶) *A. I. XVII* 1923, 313—319 и *Ibid. Documents*. 70—132.

⁵²⁷) *Heilborn*. *Liberia*. W. VR. I, 828—829. *Moore*. D. I, 116.

⁵²⁸) *Moore*. D. I, 117—119.

⁵²⁹) *Kunz*. *Entstehung von Neustaaten und der Neustaaten nach dem Weltkrieg* W. VR. I, 284 и д.

⁵³⁰) *Temperley*. *A History of the Peace Conference*. V. 1921, 437 и д., 446 и д., 461 и д.

⁵³¹) Декларация независимости Геджаса и британская нота о признании приведена в сборнике международных документов *Naval War College XVII*, 1917., стран. 17 и 20.

навливал лишь в чисто-отрицательной форме факт отказа России от своих владений — Польши, Литвы, Курляндии, Финляндии, Украины и части Закавказья, предоставляя возможность Германии и Австрии определить судьбу этих владений по своему произволу, кроме Украины, признанной по договору 4-го февраля 1918 г. самостоятельной республикой⁵³²). В свою очередь Сов. Россия 18 декабря 1917 г. признала самостоятельность Финляндии и подтвердила в ноте от 1-го марта 1918 года. Затем, в январе 1918 г., Финляндия была признана Швецией, Францией, Германией, Норвегией и другими государствами⁵³³). Только в 1920 и 1921 гг., в силу договоров, заключенных Сов. Россией с Эстонией (2-го февраля 1920 г.⁵³⁴), с Литвой (12-го июля того же года⁵³⁵), с Латвией (11-го августа того же года⁵³⁶), последовало формальное и окончательное признание этих новых образований Сов. России, одновременно они были признаны в индивидуальной форме различными европейскими державами⁵³⁷), а затем, через принятие в качестве членов Лиги Наций получили коллективное признание со стороны тех 46 держав, которые входили тогда в Лигу (на первой сессии Собрания Лиги в 1920 г., была принята Финляндия⁵³⁸), на второй, в 1921 г., — были приняты Латвия, Литва и Эстония⁵³⁹).

Несмотря на фактическую всеобщность применения норм о признании, государства очень редко приводили ссылки на нормативное основание признания. Из американской практики можно привести утверждение в докладе комитета нижней палаты по иностр. делам 19-го марта 1822 г. по поводу права признания вновь образо-

⁵³²) *Strupp*. Die Ostfrieden. 1918, 229. *Zittelmann*. Russland in Friedensvertrag von Versailles 1920., 21 и д.

⁵³³) *Strupp*. Finland W. VR. I, 308—310.

⁵³⁴) Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных Р. С. Ф. С. Р. с иностранными государствами. I, 1922. № 17, 100.

⁵³⁵) *Ibid.* №13, 50.

⁵³⁶) *Ibid.* №12, 35.

⁵³⁷) Так, 26 января 1921 г., последовало официальное признание de jure независимости Эстонии и Латвии со стороны Верховного Совета союзников (Великобритании, Франции, Италии, Японии и Бельгии). В тот же день последовало признание Латвии со стороны Финляндии и затем со стороны других государств. (Германии, Швеции, Норвегии, Дании, Персии и т. д.) *Cp.* Les droits de la Lettonie à faire partie de la Société des Nations. Genève 1920, 3.

⁵³⁸) *Cp.* Société des Nations. Actes de la Première Assemblée. (Séances Plénières). 1920, 584. 608 и д.

⁵³⁹) *Cp.* Société des Nations. Actes de la Deuxième Assemblée (Séances Plénières) 1921, 317, 318; 319. 333. 335. 337.

вавшегося государства, где власть фактически сложилась: «There is no difference in opinion on this point, among the writers on public law; and no diversity, with respect to it, in the practice of civilized nations»⁵⁴⁰), или же в докладе *Clay* комитету по иностранным делам сената 18-го июня 1836 г., где говорится: «The right of one independent power to recognize the fact of the existence of a new power about to assume a position among the nations of the earth is incontestable»⁵⁴¹), — но повторяю, эти слова исключительны.

В данном случае только опытным путем, через восполнение формального провозглашения старины и всеобщности эмпирическими данными и через невозможность привести хотя бы один прецедент, отклоняющийся от общепринятых в данном случае действий, надо считать, что в основе применения признания лежит обычная норма.

§ 46. По юридической природе своей признание является односторонним актом. Это правовой способ через формальное внешнее констатирование придать системе в международном смысле иррелевантных правоотношений характер юридического лица, которое внутри сохраняет характер системы правоотношений, а извне делается субъектом права. Здесь, однако, право принимает во внимание и ряд внутренних условий, пространственную локализацию господства, организацию власти и ее внутреннее признание населением. Только при совокупности этих условий, являющихся материальным субстратом, может последовать внешний акт, возводящий образование в категорию субъектов права международного общения. Акт этот не является соглашением, как утверждает *Anzilotti*, следуя *Triepel*, потому что это не продукт общей воли, но результат одностороннего волеизъявления⁵⁴²). *Anzilotti* не желает допустить, чтобы новое государство было бы в отношении подчинения к старым, что будто бы имело бы место, если бы признание было односторонним актом⁵⁴³). Он утверждает, что признание не может быть вынужденным, но что признаваемое государство само должно проявить инициативу и, проявляя ее, будто бы тем самым признает, в свою очередь, старые государства, которые его еще не признали. На самом деле, если международная практика и делает обязательным определенную форму признания, и если признание формаль-

⁵⁴⁰) *Martens* N. R. VI. №47, 155.

⁵⁴¹) *Moore*. D. I, 98.

⁵⁴²) *Anzilotti* в R. I. I. I, 173 и д. *Triepel*, 102

⁵⁴³) *Anzilotti* в R. I. I. I, 173—175.

но может выразиться в том, что признаваемое государство посылает своих дипломатических представителей и *через их прием* старое государство признает новое, то это еще не обозначает, что тут мы имеем двухсторонний акт. Правовое значение имеет не инициатива нового государства, но волеизъявление старого. Старые государства субъекты права и они не могут каждый раз возникать в отдельности снова для каждого нарождающегося государства. И надо открыто признать, что тут отношения теряют характер чистой координации, и в известном смысле каждое старое государство выполняет функции всего правопорядка в целом, и в таком своем значении признание не может покоиться на простом принципе взаимности и равноправия, а отражает активную роль правопорядка при принятии в общество нового члена, делающегося тем самым субъектом прав и обязанностей. Особенно резко и отчетливо проявляется этот субординационный характер признания при приеме в Лигу Наций, когда Лига производит целое расследование о правовой структуре принимаемого государства и возлагает на него совершенно односторонне очень тяжелые обязанности⁵⁴⁴). Тут правовое положение признающей стороны и признаваемой явно несоразмерно. Формально новое государство не произносит и не в праве произносить суждение о Лиге, а между тем Лига позволяет себе суд и расправу над принимаемым государством, потому что у Лиги имеются в зародыше и некоторые карательные санкции против государств непринимаемых, или находящихся вне Лиги. Пока эти санкции еще очень слабы, но, при дальнейшем интенсивном росте международных отношений, эти санкции станут достаточно действительными⁵⁴⁵).

Цель признания сообщить права субъекта новому государству. Только в силу применения нормы права государство становится субъектом права⁵⁴⁶). Международное право не дает и не может дать простую бланкетную норму, утверждающую, что при совпадении ряда условий (наприм. наличности власти, населения, подчиняющегося власти, и территориальных пределов господства) государство

⁵⁴⁴) Schücking und Wehberg. Die Satzung des Völkerbundes. 1921. 97—161. Scelle в R. G. 1921, 122 и д.

⁵⁴⁵) Schücking und Wehberg Op. cit., 394—400.

⁵⁴⁶) Иначе de Louter: «Le droit international ne crée pas, mais trouve des sujets comme personnes juridiques, de même comme le droit privé trouve les siens sous forme de personnes naturelles» de Louter. 1, 217. С точки зрения правовой только это «нахождение» и важно.

его ipso становится субъектом права⁵⁴⁷). Эти моменты являются лишь материальными предпосылками признания. И вместе с тем отпадает и контрверза, возбуждавшая столько споров в области частного права внутри государства о том, нужен ли специальный акт признания со стороны государственной власти для вновь возникающих корпораций. В международном праве в каждом отдельном случае имеет место специальный акт признания, и этот принцип специализации соответствует тому, что конкретное и индивидуальное имеет в международной жизни и исключительную правовую ценность и свои специфические особенности, и эта ценность и эти особенности приводят к необходимости каждый раз осуществлять особую систему мер и веса в смысле возложения на нового субъекта тех или иных прав и обязанностей. В этом смысле нельзя однако противопоставлять акт признания объективному праву. Акт признания в международной жизни тесно связан с объективной нормой. Государство в своих внутри-государственных отношениях может поставить себя выше объективного права и, вопреки последнему, признать или не признать то или иное юридическое лицо. В международной жизни *suprema potestas* есть свойство не власти, а права, и в международных отношениях царит один суверенитет объективного права. Реализация признания происходит в рамках права и обычная норма определяет, кто является субъектом признания, какого рода действия считаются объектом и кто выполняет роль адресата или дестинатора акта.

§ 47. Субъектом признания являются не все существующие субъекты права, входящие в международные общения, но лишь субъекты, обладающие полной дееспособностью. Признание с точки зрения международной есть творческий акт и нормально является не только утверждением того, что новое политическое образование может быть носителем прав и обязанностей, но и одновременным констатированием возможности активной правовой деятельности со стороны нового субъекта. Через признание определяются не только субъективные права, но как следствие, вытекающее из них, и дееспособность нового лица. И сообщение таких качеств может

⁵⁴⁷) Как это ошибочно утверждает Kelsen, допуская грубое смешение понятия субъекта международного права с государством. Не всякое государство есть субъект международного права и не всякий субъект права есть государство. Международное право признает субъектом права (с ограниченной дееспособностью) и воюющую сторону и восставших. Ср. Strupp: «Dass nicht alle Staaten Völkerrechtssubjekte sind, ist heute anerkannt» Strupp. Das Völkerrechtliche Delikt. 1920, 22.

исходить только от субъектов права, не ограниченных в своей собственной дееспособности, пользующихся в своей деятельности свободой и независимостью, имеющих пределы для деятельности лишь в общих принципах права, но, ни в коем случае, в каких-либо специальных сепаратных актах. Простая правоспособность есть лишь потенциальное юридическое качество, для признания совершенно недостаточное, нужно быть еще и активным деятелем права. В этом смысле субъектами признания надо считать государства (и союзы государств, в настоящее время: Лигу Наций, в прежнее время Германский Союз, Швейцарский Союз, Союз Нидерландов⁵⁴⁸) и т. д.), и нельзя признавать государства полу-суверенные (находящиеся под протекторатом, или входящие в состав союзного государства), или же государственно-подобные образования (воюющие стороны, восставшие племена, Католическая Церковь и т. д.), потому что все последние категории имеют резко ограниченную дееспособность и, не будучи сами в праве осуществлять сполна функций внешнего суверенитета, не могут быть его источником для других государств.

Таким образом не правоспособность, но только международная дееспособность может дать отличительный признак для определения тех, кто является субъектом признания.

§ 48. Признание является односторонним творческим правовым актом⁵⁴⁹). Но оно не создает государства, как внутри-государственное право не может сотворить человека, или корпорацию. Только в правовом смысле через признание государство приобретает международную личность. Если же акт признания не является произволом и если он не творит государство, но лишь признает за ним персональный характер, то он с необходимостью связан с некоторыми юридическими предпосылками, вытекающими из того, что государство в смысле материальном является данностью, а не создается искусственно международным правом. Внутри в отношениях власти

⁵⁴⁸) Союзы государств были бесспорно субъектами международного права. Таковыми были Швейцария до 1798 г., или Нидерланды до 1798 г., или Германский Союз с 1815 по 1866 г., и т. д. «Les droits de légation active et passive, de traités internationaux, de guerre et de paix, droits reconnus sans conteste à une confédération d'Etats, mettent leur reconnaissance internationale hors de doute. Il n'y a donc pas de doutes quant à l'existence de la personnalité juridique de la confédération» *De Louter*. I, 203.

⁵⁴⁹) Отсюда несколько наивное утверждение *Kelsen*'а, что доктрина признания «...mehr vom Standpunkte und im Interesse der Altstaaten und insbesondere, wenn auch unbewusst, des eigenen Altstaates entwickelt wird». *Kelsen*. Problem, 229.

к подвластным правовое существование государства начинается с момента, когда новый властный порядок признается управляющими и управляемыми, когда торжественно провозглашается независимость и когда этим актом создается первая бесспорная предпосылка для международного признания нового образования⁵⁵⁰). Конечно, формально акт провозглашения независимости может и не иметь места, но только при наличии внутреннего соглашения, при существовании «*Vereinigungsakt*», при социально-правовом конститутивном утверждении, или при воле к самостоятельному политическому бытию — можно говорить о предпосылках к признанию нового субъекта права. Подобный процесс должен быть спонтанным и находит свое фактическое применение в утверждении господства над людьми в определенных границах земельного пространства. Таким образом, эта внутренняя *suprema potestas* становится из правовой декларации правовой деятельностью и силой, активно реализуемой⁵⁵¹). Власть, вновь возникающая должна быть достойной признания в том смысле, что она должна быть готова не только притязать на право, но и выполнять обязанности. И для того и для другого нужна принудительно организованная внутренняя мощь. *Lorimer*⁵⁵²), как бы перефразируя вышеприведенные слова ст.-секр. Адамса, так формулирует две основные предпосылки:

1) Презумпция выполнения начала взаимности в признании, т. е. выполнения признаваемым государством (в своей будущей деятельности) своих международных обязанностей.

2) Презумпция достаточной мощи, чтобы осуществить это выполнение⁵⁵³).

⁵⁵⁰) В этом смысле очень определенный характер имеет американская практика. *Moore*. D. III, 289 и д. Ср. также примеры из швейцарской и итальянской практики. *Verdross*. Einheit, 96.

⁵⁵¹) Ср. любопытную ноту *Zéa*, чрезвычайного посла Республики Колумбии, адресованную 8 апреля 1822 г. французскому министру иностр. дел и посольствам различных государств в Париже, где указывается не только на силу свободной и независимой Колумбии, создавшей у себя прочное правительство, но еще на мощь всех американских государств в их совокупности, создающих такую гарантию независимости, против которой были бы бессильны все остальные цивилизованные государства. *Martens*. N. R. VI. 171.

⁵⁵²) *Lorimer* в R. I. XVI, 1884, 339.

⁵⁵³) См. ноты комиссара Южно-Америк. Конфедерации *Mason* лорду Пёсселю 24 июля 1862 г., и 1 августа того же года (St. A. IV, № 610, 244—245. Ibid. № 612, 246—247) и ответ лорда Пёсселя 2 августа 1862 г.: «In order to be entitled to a place among the independent nations of the earth, a State ought to have not only strength and resources for a time, but afford promise stability

В сущности только первая презумпция может иметь правовое значение, потому что объективно очень трудно, почти невозможно определить, может ли стремление народа к своему отдельному бытию стать достаточно могучим, чтобы обеспечить себе автономное существование и этим показать свою материальную способность нести права и обязанности. Не надо забывать, что национальная и политическая самостоятельность были чаще всего результатом внешних усилий, внешней помощи, следствием вмешательства и международной инвеституры, и гордое утверждение Италии, что она «*fata da se*» осталось лишь лозунгом, но не претворилось в жизнь. И не только при рождении новых государств, но и при внутренних переворотах роль внешних условий неизмеримо больше, чем принято думать. Нельзя не вспомнить, что «великая и славная» британская революция 1689 года была осуществлена через прямое вмешательство голландского правительства и голландских войск во внутренние дела Англии. Формально презумпция собственного волеизъявления внутри государства остается в силе, но материально этот субстрат не может быть изолирован от международной жизни и в новейшей форме своего развития, через принципиальную охрану прав национальностей, международный правовой порядок колеблет всю традиционную систему положительного права и в зародыше намечает систему призвания к жизни новых образований международной волей и международными активными действиями. И *Krabbe*⁵⁵⁴) и *Sander*⁵⁵⁵) в этом смысле ведут свои рассуждения *de lege ferenda*, когда утверждают, что международный правовой порядок, как последняя мировая правовая инстанция, создает из ничего государство.

and permanence. Should the Confederate States of America win that place among nations, it might be right for other nations justly to acknowledge an independence achieved by victory and maintained by a successful resistance to all attempts to overthrow it... That time has not... yet arrived».

Ibid., 247—248. Ср. также ноты Французского правительства в 1787 г., по поводу признания Соединенных Штатов. Ср. доклад ст.-секр. Адамса президенту Монрое по поводу признания Буэнос-Айреса (Аргентины) в 1818 г. Здесь подчеркивается примат фактического по отношению к праву (в смысле наличности предпосылок для признания) *Moore D.*, I, 78—79. Ср. и инструкции ст.-секр. Адамса Андерсону в Колумбии 27-V — 1823.

Ibid. 89. Ср. также *Moore D. I.*, 98 (проект революции Сената по поводу признания Техаса), послание (по поводу Техаса) президента *Jackson* 21 декабря 1836 г. *Moore D. I.*, 100—101, послание президента Мак-Кинлея 11 апреля 1898 г. (по поводу признания Кубы). *Ibid.* 110.

⁵⁵⁴) Ср. примеч. 405.

⁵⁵⁵) Ср. примеч. 405.

Такой момент сознательного признания к жизни новых образований рисуется лишь в будущем, как итог развития правового института признания в наши дни, но это проблема грядущего, но не действующего права.

Проблеме презумпций и предпосылок принадлежит исключительное значение в признании. Практически она выдвигалась при всяком признании и новые государственные образования считали, что при сопадении лежащих в основе признания презумпций, они имели право требовать признания, и другие государства обязаны были их признавать⁵⁵⁶). Отсюда вытекали и учения некоторых юристов о декларативном, но не конститутивном характере признания⁵⁵⁷).

§ 49. Акт признания формально является установлением наличности нового субъекта права, и без признания в международно-правовом смысле нет субъекта права. Акт признания ни в коем случае не ограничивается признанием государства, как думал *Jellinek*. В международно-правовом смысле могут получить признание и такие субъекты прав, которые являются лишь *nasciturus*, эмбрионами государств, но которые, в силу возможности сформирования из них в будущем вполне дееспособной личности, пользуются правовой защитой. И правовой порядок не ограничивается запрещением по отношению к ним противоправных действий. Международный правовой порядок

⁵⁵⁶) В ноте *Zéa* по поводу признания Колумбии европейскими государствами говорится о следующих намерениях правительства Колумбии («...les intentions de son gouvernement... sont les suivantes»), (в ноте 8 апреля 1822 г., адресованной чрезвычайным послом Колумбии послам европ. держав в Париже):

- 1) «Que le gouvernement de Colombie reconnaît tous les gouvernement existants, quelles que soient leur origine et leur force.
- 2) Qu'il ne communiquera pas avec les gouvernements qui, de leur côté, ne reconnaîtront pas le gouvernement de Colombie.
- 3) Que tout commerce, accès, séjour dans les ports et sur le territoire de Colombie sont ouverts et assurés avec pleine liberté, sûreté, tolérance et réciprocité à tous les peuples dont les gouvernements reconnaîtront celui de Colombie.
- 4) Que ces mêmes ports et territoires sont et resteront fermés aux sujets des Etats qui ne reconnaîtront celui de Colombie;
- 5) Qu'il sera établi des délais pour l'admission dans les ports et sur le territoire de Colombie proportionnés au retard qu'aura éprouvée la reconnaissance.
- 6) Qu'il sera pris des mesures par le gouvernement de Colombie, pour proposer prohiber toutes marchandises provenant des pays dont les gouvernements refuseront ou différeront de le reconnaître». *Martens. N. R. I.*, X. 172—173.

⁵⁵⁷) *Chrétien*. 153—154. *Hall-Higgins*. § 26,83. *Halleck*. I, 90 и д. *Heilborn*. *Grundbegriffe*, 58—61. *Holtendorff*. Н. Н. II, 24—27. *Gareis*, 64. *Foignet*, 87. *Kelsen*. *Problem*, 228 и д. *Martitz*, 435. *Merignac*. I, 326 и д. *de Louver*. I, 216. *Ullmann*, 125—126. *Westlake*. I, 49—50.

признает за этими эмбрионами (в отличие от частного права) ограниченную дееспособность, признает за ними прежде всего право самопомощи и вытекающее отсюда *ius belli ac pacis* и затем дает им и некоторые другие права, предоставляющие им возможность вести борьбу за свою политическую жизнь. Акт признания может идти еще дальше и распространиться на признание правительства, несмотря на то, что подобное признание противоречит праву государства на внутреннюю независимость и свободу. В сущности тут труднее всего согласовать прецеденты с господствующей доктриной, потому что в признании государства, как субъекта права *implicite* заключается и признание права по собственному произволу менять у себя власть⁵⁵⁸), и если, в силу революционного переворота, происходит разрыв во внутренней жизни государства и прежние отношения власти к подвластным оказываются ликвидированными, то в области международной поддерживается континуитет, и Франция, после 1789 г., королевская, республиканская, императорская, снова королевская, еще раз республиканская, снова императорская и, наконец, снова республиканская была единой Францией как субъект международного права, но не как система внутренних правоотношений. И с точки зрения господствующей доктрины как будто *только первое могло иметь международно-правовое значение.*

⁵⁵⁸) Правильно у *Le Normand*, 180.

ОТДЕЛ V

ПРИЗНАНИЕ И ЕГО ВИДЫ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ПРАВЕ

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПРИЗНАНИЕ ГОСУДАРСТВ СУБЪЕКТАМИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

§ 50. Признание государств, как субъектов права, и учение об их «основных» правах. § 51. Признание правоспособности государств и начало их дееспособности. § 52. Единство признания. § 53. Конститутивный характер признания.

§ 50. Ниже придется анализировать более подробно различные случаи признания. Пока остановлюсь на рассмотрении центрального случая — признания нового государства субъектом международного права.

Признавая государство субъектом права, международный правопорядок в лице старых государств отнюдь не констатирует норм объективного права и не определяет их взаимного осуществления между старыми и новыми образованиями. Еще менее в акте признания содержится, как думал *Jellinek*, установление того, что государство существует как государство и что, следовательно, признаются его специфические свойства, находящие свое выражение в «основных» правах. Такие точки зрения приводят опять к идее примата государства, стремятся придать двухсторонний характер признанию и возвращаются к естественно-правовой доктрине, утверждавшей, что имеются прирожденные, субъективные права государства, вытекающие из самой природы. Международный правопорядок определяет, что государство стало субъектом права, и отсюда вытекают два комплекса прав, неразрывно связанных с персональным характером субъекта: принцип равенства не в материальном, но в юридическом смысле, и принцип свободы и независимости; откуда следует принципиальная неприкосновенность каждого субъекта общения, пользующегося охраной права. Эти права являются в сущности чисто-отрицательными и они возникли с некоторым сходством с субъективными правами индивидов в смысле правовой реакции против начал и принципов авторитарного универсализма. Равенство было лишь отрицанием не-равенства, утверждаемого средневеко-

вой теорией единой империи, наличием великих держав, Священного Союза или «европейского концерта». Свобода и независимость были лишь признанием внутреннего суверенитета, который охрану от противозаконных покушений извне мог получить только через международное право. В конечном итоге оба комплекса прав сводятся к одному — к уважению личности нового государства. Правам на равенство, свободу и независимость соответствует положительная обязанность старых государств признавать за новым образованием в его автономном политическом устройстве правовую неприкосновенность. В известном смысле это самовозложение со стороны старых государств на себя обязанностей по отношению к новым субъектам права.

Признание этих «основных» прав является отправным моментом для построения и других прав и обязанностей, и, при отсутствии организованного международного принуждения, такие правовые последствия признания, как результат одностороннего обещания со стороны старых государств, имеют исключительное правовое и моральное значение⁵⁵⁹).

Признание прав на равенство, на свободу и независимость связывается с односторонним возложением на новое государство обязанности уважать, согласно принципу взаимности, эти права и у других существующих государств. В этом смысле *Jellinek* имел основание сводить эти права к одному иерархически выше стоящему принципу, образующему основу всей позитивной системы права: «Ни одно государство (правильнее *ни один субъект права*) не может ни требовать от другого, ни принуждать его к чему-либо, не основывая своего притязания на правовом суждении (велении)⁵⁶⁰». При каждом ограничении равенства (понимаемого в субъективно-правовом значении равенства всех перед объективной нормой и перед ее применением), или при каждом ограничении свободы и независимости одного государства по отношению к другому, необходимо выяснить, имеет ли это ограничение нормативное основание или же нет⁵⁶¹). Такие гарантии тем более необходимы, что право в отношениях между народами проявляется индивидуалистически и, до последнего времени, покоилось на отрицании иерархии и субординации и таким образом «основные» права в международных отношениях в смысле позитивном утверждались на предпосылках, имев-

⁵⁵⁹) Ср. v. *Kirchenheim*. Grundrechte der Staaten. W. VR. I, 437 и д.

⁵⁶⁰) *Jellinek*. System, 318.

⁵⁶¹) *Jellinek*. System, 319 и д.

ших очень отдаленное сходство с системой субъективных прав граждан, прав, представлявших скалу правовых ограничений для произвола государственного властвования.

Однако, если здесь имеется сходство и аналогия с субъективными правами индивидов, то никогда нельзя упускать из виду и коренного различия, состоящего в том, что в международных отношениях авторитарный универсализм никогда не принимал форму мирового властвования. В этом смысле основные права государств — права не против единого господства, но права во *взаимных отношениях* государств друг к другу. Учение об основных правах отражает общие индивидуалистические и эгоцентрические принципы современной международной системы. Поэтому попытки придать им абсолютный характер несовместимы с упрочением международного правопорядка. И в этом смысле современная доктрина основных прав имеет резко выраженный регрессивный характер.

Однако эти права на равенство, свободу и независимость отнюдь не имеют характера неотчуждаемости. Правопорядок их обеспечивает во взаимных отношениях государств, как субъектов права, но он не гарантирует их сохранение вопреки воле самого заинтересованного субъекта. Последний может их отчуждить, и этот акт цессии, полной или частичной, будет иметь свои законные последствия.

§ 51. Признание, однако, не является простым актом, сообщающим права субъекта новому политическому образованию. Как правильно отметил *Lorimer* и после него *Le Normand*, признание есть «la majeure du droit international»⁵⁶²). В этом смысле признание есть не только констатирование возможности для государства быть носителем прав и обязанностей, но еще и установление совершеннолетия для нового образования, утверждение существования субъекта права, как активного правового деятеля, имеющего возможность в пределах, установленных существующим правом, совершать акты, поддерживать сношения с другими государствами, прибегать к самопомощи и нести международно-правовую ответственность. И это признание дееспособности, вытекающей в системе международных отношений с необходимостью из правоспособности, придает особое значение акту признания и в смысле практическом, потому что часто само признание может быть формально связано с ограничением дееспособности. Если Греции, по договорам 1831 г.

⁵⁶²) *Le Normand*, 32.

была гарантирована монархическая форма правления тремя державами «покровительницами»⁵⁶³), то это, конечно, еще не было ограничением международной дееспособности. Иначе было по отношению к свободной Краковской Республике в 1815 г., которая по Венскому договору была признана «постоянно-нейтральной»⁵⁶⁴), или по отношению к Бельгии в 1831 г.⁵⁶⁵) и 1839 г., объявленной тоже «постоянно-нейтральной»⁵⁶⁶), или по отношению к государству Конго в 1885 году⁵⁶⁷). Если же нет специальных актов, ограничивающих дееспособность, она презумируется полной.

Из признания правоспособности и нормально из нее вытекающей дееспособности возникают двоякого рода правовые последствия. Старые государства обязуются не только воздерживаться по адресу нового от совершения каких-либо противоправных действий, но, в случае совершения, несут ответственность перед новым государством и должны или восстановить прежний порядок (Natural-restitution), или должны дать в той или иной форме удовлетворение или, наконец, должны обеспечить возмещение убытков⁵⁶⁸). В свою очередь аналогичная обязанность лежит и на вновь признаваемом государстве, и Каннинг очень отчетливо формулировал эти начала, — выдвигая правовые интересы старых государств, могущих пострадать при отсутствии субъекта деликта, — в качестве мотива для признания южно-американских республик. В ноте от 25 марта 1825 года английский статс-секретарь резко ставит вопрос: «*Старое правительство (испанское) не может нести ответственности за акты, совершаемые в областях, где оно не осуществляет и тени контроля. С другой стороны, если население фактически создало для себя условия самостоятельного политического существования, и если это самостоятельное существование не признается (другими государствами), тогда это население или становится в положение полной безответственности за свои действия, или должно рассматриваться как*

⁵⁶³) Ср. *Strupp*. Griechenland. W. VR. I, 433—434. Ср. выше § 25.

⁵⁶⁴) Ср. *Strupp*. Krakau. W. VR. I, 706. *Martens*. N. R. G. X, 110 и д.

⁵⁶⁵) Ср. особенно *Kunz*. Belgien. W. VR. I, 119—125 и *Kunz*. Das Problem von der Verletzung der belgischen Neutralität. 1920.

⁵⁶⁶) *Kunz* в W. VR. I, 120.

⁵⁶⁷) Ср. v. *Kirchenheim*. Kongo. W. VR. I, 656—663. *Strupp*. Documents. II, 78.

⁵⁶⁸) *Ansaldi*. Studi di diritto internazionale, 334. *Anzilotti*. Corso I, 254 и д. *Hofer*. Der Schadenersatz im Landkriegsrecht. 1913, особ. *Schön*. Die völkerrechtliche Haftung der Staaten aus unerlaubten Handlungen. 1917, 22, 122 и д. *Strupp*. Das völkerrechtliche Delikt. 1920, 208 и д. *Triepel*, 334 и д. *Documents* 150.

скопище пиратов и лиц вне закона»⁵⁶⁹). «Было бы нелепостью принять первую альтернативу о полной безответственности, но было бы чудовищно применять вторую альтернативу об обращении с населением значительной части земного шара как с пиратами и людьми вне закона»... Отсюда и выводы о необходимости признания новых республик, с которыми Англия вела оживленные торговые сношения и с которыми очень часто возникали затруднения в связи с невыясненностью их международного положения⁵⁷⁰).

Наряду со способностью нести ответственность за правомерные действия, субъект права, как деятель, обладает способностью совершать сделки через односторонние и встречные волеизъявления, и эта способность проявляется прежде всего в праве международных сношений при посредстве постоянных дипломатических представителей (*ius legationum*), имеющего две стороны: активную — право посылать своих представителей в другие страны, и пассивную — право принимать иностранных представителей. Последнему праву координирует обязанность уважать иммунитет иностранных дипломатических агентов, а ему в свою очередь соответствует притязание на уважение иммунитета своих представителей в чужих государствах⁵⁷¹).

Еще больше значения имеет способность к заключению договоров (*ius foederum ac tractatum*), потому что в современной международной жизни договоры играют кардинальную, всеобъемлющую роль. Через договоры может быть создано новое объективное право или специальное, партикулярное, имеющее силу лишь для двух контрагентов, или общее, констатируемое в соглашениях, являющихся по существу разновидностью договоров, и формально регулируемых теми же обычными нормами. Через договоры государства создают международное управление, и новое государство, через присоединение к договорам, установившим Всемирные Союзы: Почтовые, Телеграфные, Геодезический, по охране произведений литературы и искусств и т. д., и другим, втягиваются в общую культурную работу и культурный обмен, объединяющий сейчас все человечество в одно административное целое.

Через договоры создается международный суд и, обладая *ius foederum ac tractatum*, новое государство может заключать третейскую запись и юридическим путем разрешать споры и столкно-

⁵⁶⁹) *Martens*. N. R. X, 2, 707—708.

⁵⁷⁰) *Ibid.* loc. cit.

⁵⁷¹) v. *Frisch*. Gesandten und Gesandtschaftsrecht. W. VR. I, 394 и д.

вения с другими государствами. Кроме этого, бесчисленные другие факты и явления международной жизни могут найти свою договорную регулировку в области торговых и финансовых отношений, в области транспорта и путей сообщения, в сфере правовой помощи в гражданских и уголовных делах, в области народного здоровья и охраны труда и т. д.⁵⁷²⁾ Только с момента наступления своей дееспособности, государство начинает международное существование и входит в тот великий мировой оборот, вне которого народы при современных условиях не могут вести своего существования. Только через признание государство приобретает способность быть стороной в международном процессе. С того момента, когда сложились постоянные судебные учреждения в Гааге (Палата третейского суда, по соглашению 1899 г., Постоянная палата международного суда с 1920 г.), право быть стороной в процессе имеет большое теоретическое значение, но, для выступления перед Палатой 1920 г., отчасти зависит от вхождения в состав Лиги Наций⁵⁷³⁾. Из признания вытекает и право прибегать к другим менее совершенным способам для защиты своего права, — к насилью в виде реторсии и репрессалии и затем к крайнему последнему средству — войне. Господство безвластия в международных отношениях приводит к необходимости индивидуально и в силу своего интуитивного права прибегать к силе для охраны притязания, или для ответа на правонарушение. Однако надо отметить, что право это, согласно международным прецедентам, признавалось не только за субъектами, обладавшими полною дееспособностью, но и за субъектами-эмбрионами, получавшими права воюющей стороны, сводящиеся к осуществлению прав и обязанностей, вытекавших из норм, регулирующих процесс вооруженной борьбы народов. Отсюда следует и право как для одних, так и для других субъектов быть нейтральными в чужом конфликте и требовать по отношению к себе соблюдения от других нейтралитета в случае борьбы, которую они сами ведут.

§ 52. Акт признания является только формально единым; эмпирически он состоит из ряда действий, могущих протекать в больших промежутках времени и реализовываться в различных пространственных пунктах. Только через регулировку объективной нормой признание получает свое единство и является по существу одним актом, потому что субъект права един и творческий акт права, при-

⁵⁷²⁾ Ср. G. N. Clark. Unifying the World. 1920.

⁵⁷³⁾ Ср. *moi* Очерки нового международного права. 1923, 262 и д., 289 и д., 295 и д.

зывающий его к юридической жизни, не может не быть единым. Современные исследователи, особенно в новейшее время *Verdross*⁵⁷⁴⁾ и *Hatschek*⁵⁷⁵⁾, видят лишь эмпирически-разнообразное проявление признания, игнорируя его формальное единство и отсюда делают выводы о том, что при отсутствии единства акт признания не может быть конститутивным. Между тем и внутри государства при признании корпораций юридическими лицами происходит нечто аналогичное⁵⁷⁶⁾.

Цепь действий, ведущих к созданию из корпораций субъекта права, имеет свои корни не только в последнем формальном акте, но в событиях до этого акта, и в этом смысле один немецкий ученый говорит, что корпорации имеют «*Vorleben*»⁵⁷⁷⁾. В международной жизни акт признания как будто разбивается на отдельные акты признания старыми государствами нового. Действительно, согласно позитивному праву, создается очень сложный порядок отношений, потому что, в силу принципа взаимности, новый субъект является носителем прав и обязанностей только по отношению к признавшему государству. Однако этот индивидуалистический хаос преодолевается тем, что, начиная с XVII века, в европейской практике устанавливается начало *публичного и коллективного* признания, не отменяющего, но дополняющего индивидуалистическую практику⁵⁷⁸⁾. Признание на конгрессе в Мюнстере в 1648 г. Нидерландов и Швейцарии, признание на Венском конгрессе 1815 г. Краковской Республики и Голландии, на Лондонских конференциях в 1830—1831 г. Греции и Бельгии, на Берлинском конгрессе в 1878 г. Сербии и Румынии⁵⁷⁹⁾ и Черногории, на Берлинской Конференции в 1885 г. Конго, на Лондонской конференции в 1913 г. Албании, открывает новую цепь международных прецедентов, не принявших силу обычаев, но дающих формальному единству признания тот заключитель-

⁵⁷⁴⁾ *Verdross*. Einheit, 94—97.

⁵⁷⁵⁾ *Hatschek*, 146—147.

⁵⁷⁶⁾ *Gierke*. Deutsches Privatrecht, bd. I, 486.

⁵⁷⁷⁾ *Gierke*. Op. cit. loc. cit.

⁵⁷⁸⁾ *Hatschek*, 147 и д. *Schücking und Wehberg*. Die Satzung des Völkerbundes 1921 111 и д. *Scelle*. Le Pacte des nations et sa liaison avec le traité de paix. 1919, 255. *Verdross*. Anerkennung von Staaten. W. VR. I, 51.

⁵⁷⁹⁾ С точки зрения юридической существования Румынии как субъекта международного права началось 13 июля 1878 г. (дата подписания Берлинского договора). Последующее подтверждение признания в нотах Англии, Франции и Германии 20 февраля 1880 г., могло иметь только декларативный характер. *Moore*. D. I, 174.

ный единичный момент, который в своем правовом значении становится твердой датой для определения одного дня как рождения, так и совершеннолетия нового субъекта международного права⁵⁸⁰).

§ 53. Только в силу признания новое государство становится субъектом права. Противоположная точка зрения у *Hall-Higgins*⁵⁸¹), *Holtzendorff*⁵⁸²), *Gareis*⁵⁸³), *Ullmann*⁵⁸⁴) и других объясняется рецепцией естественно-правовой доктрины. Признание, по их мнению, имеет декларативный⁵⁸⁵), не конститутивный характер. На самом деле без признания нет субъекта, и попытки, предпринятые в новейшее время *Kelsen*-ом и *Heilborn*-ом, вряд ли можно признать удачными. *Kelsen* утверждает, что непризнанное государство уже поддерживает до признания международно-правовые отношения с другими государствами и что поэтому оно *может притязать* на свое признание, и другие державы *обязаны* на известных условиях дать признание. Последнее является двухсторонним юридическим актом, при котором признаваемое государство выражает волю, направленную к заключению сделки и, следовательно, оно уже должно быть субъектом права. Отсюда вытекает, что до признания новое государство обладает дееспособностью, хотя в ограниченных размерах⁵⁸⁶). Более подробно останавливается на проблеме признания австрийский ученый в другом месте. Он настаивает на том, что уже в самом обращении к другим государствам с просьбой о признании новое государство проявляет свою «*völkerrechtliche Persönlichkeit* (im

⁵⁸⁰) Ср. однако примеч. 557. *Rivier* очень упорно настаивает на декларативном характере признания и под влиянием естественно-правовой доктрины, вопреки позитивным нормам, конструирует признание не как право, но скорее как обязанность. Но его терминология не отличается юридической точностью. «...La Reconnaissance est la *constation* du fait accompli, et c'en est aussi *l'approbation*... C'est la *légitimation* d'une situation du fait, qui se trouve désormais fondé en droit. C'est *l'attestation* de la confiance... en la stabilité du nouvel ordre de choses. Dans le sein de la société des nations c'est l'assurance donnée au nouvel Etat qu'il lui sera permis de tenir sa place et son rang... parmi les nations associées. La reconnaissance implique un *engagement formel* de respecter dans la personne nouvelle du droit des gens les droits et les attributions de la Souveraineté». *Rivier*. Principes, I, 57. Ср. *Fauchille* I, 306—307.

⁵⁸¹) *Hall-Higgins*, 11.

⁵⁸²) *Holtzendorff* II, 24 и д.

⁵⁸³) *Gareis*, 64.

⁵⁸⁴) *Ullmann*, 125.

⁵⁸⁵) *Heilborn*. Grundbegriffe, 59 и д.

⁵⁸⁶) *Kelsen*. Die Verfassungsgesetze d. Republik Deutschösterreich. 1919,

üblichen Sinne dieses Begriffs)⁵⁸⁷). Затем, новое государство имеет право на признание при выполнении известных условий, и старые государства будто бы *обязаны* признавать новое образование. Он ссылается на *Liszt*, который ошибочно утверждает, что отказ в признании дает *право* непризанному государству прибегать к реторсиям⁵⁸⁸). Если непризанное государство существует до признания, то очевидно последнее является излишней формальностью. Но *Kelsen* вынужден допустить признание, потому что с точки зрения примата международного права оно не является излишним «*nicht überflüssig*»⁵⁸⁹). Сам *Kelsen* не отказывается от правовой конструкции признания и не отрицает юридических последствий признания. Он даже теоретически признает допустимым построение признания, как «*Rezeption der neuen Teilrechtsordnungen in die Universalrechtsordnung durch übereinstimmende Willensakte der Altstaaten*»⁵⁹⁰). И, наконец, он сам пытается подвести и некоторый правовой фундамент под признание, указывая на то, что признание будто бы имеет не характер индивидуальный, или специальный, но общий, установленный международным правом будто бы для всех вновь возникающих государств безразлично. Международный правопорядок, констатируя, что государство для существования в международно-правовом смысле должно быть самовластной территориальной корпорацией, устанавливает тем самым условия рождения субъекта права, существующего с момента наличности власти, народа и территории⁵⁹¹).

Теория *Kelsen*'а построена на ряде ошибок и недоразумений. Прежде всего субъектами международного права могут быть не только одни государства⁵⁹²)⁵⁹³), но и союзы государств (Лига Наций в настоящее время)⁵⁹⁴), а субъектами права с ограниченной дееспособностью

⁵⁸⁷) *Kelsen*. Problem, 230.

⁵⁸⁸) *Kelsen*. Op. cit. *Liszt*, 46.

⁵⁸⁹) *Kelsen*. Op. cit. 230—231.

⁵⁹⁰) *Kelsen*. Problem, 229.

⁵⁹¹) *Kelsen*. Problem, 231.

⁵⁹²) До мировой войны можно было признавать государственное существование Финляндии, но было бесспорно, что она не являлась субъектом международного права. В таком же положении находилась до последнего времени Исландия. Другие примеры у *Strupp*. Das völkerrechtliche Delikt. 1920, 22. Иначе, конечно, если принять учение *Rehm*'а, что отличительным моментом для государства является международная правоспособность. *Rehm*. Allgemeine Staatslehre. 1899, 28.

⁵⁹³) *Strupp*. Grundzüge, 36, 37.

⁵⁹⁴) *De Louter*. I, 203.

собностью могут быть и воюющие стороны, и восставшие, и нации (о признании их как субъектов права см. ниже гл. XIV). И отсюда вытекает вторая ошибка. Международному правопорядку принадлежит широкая свобода в создании тех или других субъектов права, и он отнюдь не связан общими велениями права о том, какой отличительный характер должны иметь субъекты права. В международном праве нет для этого «общих» норм, а имеется принцип индивидуализации и специализации. Каждое признание единично, а не обще. Признание является односторонним актом, и это с неизбежностью вытекает из прецедентов и практики. Как я уже выше указывал: в действующем праве *нет права на признание, но есть право признания*. Можно, конечно, поставить проблему *de lege ferenda*, но я сомневаюсь, чтобы когда-либо установилась в международном праве норма, в силу которой старые субъекты международного права были бы *обязаны* признавать империю Сахары, основанную Лебоди в 1903 г., или государство Тринидад, основанное английским журналистом Hickey в 1888 г., и т. д. Неправильна у Kelsen'a и конструкция признания, как двухстороннего акта. Румыния, Сербия и Черногория были признаны субъектами международного права на Берлинском конгрессе 1878 г., но они в этом конгрессе участия не принимали и не были сторонами и в Берлинском договоре. Они были не *субъектами соглашения*, но лишь его *дестинаторами*. В основе противоречий и запутанной концепции Kelsen'a лежат не теоретические и научные мотивы, но соображения совершенно иного характера.

Kelsen в сущности считал нецелесообразным и неприемлемым, чтобы установление Австрийской Республики, как субъекта международного права, зависело бы от воли отдельных старых государств. Сам Kelsen очень решительно боролся против внесения в научное познание посторонних и чуждых праву мотивов, но в данном случае политические соображения взяли верх над научными. Только этим можно объяснить противоречия Kelsen'a.

Вторая попытка свести признание к декларативному акту со стороны Heilborn'a построена еще более неудачно и сводится к стремлению считать новое государство связанным объективной нормой не в виде государства, но как «Volk», как часть прежнего государства, от которого отделилось новое образование и которое в силу своего образного континуитета может притязать на предоставление ему прав старого государства, при условии выполнении им международ-

ных обязанностей⁵⁹⁵). По этому поводу надо отметить, что новое государство может образоваться без отпадения от старого. Либерия или Конго не отделились от существовавших образований, но образовались через колонизацию. Всякая теория должна быть адекватной всему комплексу явлений, которым она стремится дать научное объяснение. Иначе получатся теории, по терминологии проф. Петражицкого, «прыгающие» или «хромающие». К такому относится и учение о декларативном характере признания у Heilborn'a. Это учение построено мета-юридически, и может быть, после суровой критики Kelsen'a⁵⁹⁶) просто оставлено без внимания. Heilborn и Kelsen, как многие и другие представители немецкой школы права, в противоположность англо-американским ученым, игнорируют всю сложность международных отношений и множественность субъектов международного права. Оба юриста верно отмечают известные правовые затруднения при возникновении новых субъектов права, но они упускают из виду, что аналогичные затруднения существуют в частном праве в проблеме зарождения и признания корпораций. И там, и в области международного права нужен материальный субстрат, нужна не мертвая, но одухотворенная материя, которая, вливаясь в твердые формы права, принимает образ субъекта. Последнее есть создание объективной нормы, но это создание очень сложно и протекает не в виде скачка, но в виде длительного процесса правового становления. В этом процессе право не может и не ограничивается констатированием полного и окончательного факта зарождения «самовластной, территориальной корпорации». Еще до этого момента, во имя требований справедливости, международное право признает и эмбрионы «самовластных территориальных корпораций» — оно дает им известные права и обязанности как восставшим, или как воюющей стороне, или, наконец, как нации, — последней ступени на пути образования государственного целого. Таким ответом, принявшим характер нормативного веления, международный правопорядок утверждает *чисто-позитивным способом* то, что было правильного во взглядах Heilborn'a и Kelsen'a, т. е., что, еще до признания нового государства как субъекта права, известные корпоративные притязания нарождающегося политического образования могут и должны пользоваться правовой защитой.

⁵⁹⁵) Heilborn. Grundbegriffe, 59—61.

⁵⁹⁶) Kelsen. Problem, 232—235.

ФОРМЫ И ВИДЫ ПРИЗНАНИЯ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

§ 54. *Формы признания: индивидуальная и коллективная.* § 55. *Виды признания: признание через отправление ноты.* § 56. *Признание через обмен дипломатическими агентами.* § 57. *Признание через выдачу «exequatur».* § 58. *Признание через назначение полномочных лиц для заключения договора.* § 59. *Критика теории признания через совершение конклюдентных действий.*

§ 54. По своей форме признание может быть коллективным или индивидуальным, т. е. может исходить или от единичного государства, или от совокупности их, собравшихся на конгрессе и конференции; обе стороны могут взаимно дополнять друг друга, и признание, последовавшее в отдельности от различных государств, может в заключение найти свою формулировку в общем акте. Так, «свободное государство» Конго было признано сначала Соединенными Штатами Америки 22 апреля 1884 г.⁵⁹⁷⁾, затем Германией через подписание соглашения 8 ноября 1884 г., позднее в декабре того же года Англией, затем в январе и феврале 1885 г. Италией, Голландией, Испанией, Францией, Россией и Португалией, которые признали *правительство* Конго (что было равнозначуще с признанием государства), и Австрией, Швецией, Норвегией и Данией, которые признали *de jure* Конго государством⁵⁹⁸⁾. На Берлинской Конференции делегация Конго была допущена 25 февраля 1885 г., для присоединения через формальную декларацию к общему акту конференции, и таким образом было осуществлено «коллективное» признание⁵⁹⁹⁾.

При заключении договора, в котором принимает участие новое государственное образование наряду со старыми державами, необходимо, чтобы заключению договора предшествовало формальное коллективное признание, так как, не будучи субъектом права, молодое государство не может быть стороной в правоотношении. Поэтому Республика Австрийская была признана до подписания ее представителями Сен-Жерменского договора. В ноте от 29 мая 1919 г., переданной австрийской делегации представителем союзного комитета по проверке полномочий, говорилось: «... Les Puissances Alliées et As-

⁵⁹⁷⁾ Moore. D. I, 117.

⁵⁹⁸⁾ Moore. D. I, 118.

⁵⁹⁹⁾ Moore. D. I, 118.

sociées ont décidé de reconnaître la nouvelle République sous la dénomination de «République d'Autriche». Elles déclarent en conséquence qu'elles agréent les pleins pouvoirs...habilitant les délégués qui en sont titulaires à traiter au nom de la République d'Autriche»⁶⁰⁰⁾. Иначе обстоит дело, если в самом договоре, принятом на конференции или на конгрессе, содержится формальное признание. Тогда, до подписания договора, индивидуальные или коллективные акты признания могут и не иметь места, потому что новые государства являются не субъектами, но лишь дестинаторами или адресатами юридического акта (в Берлинском договоре 13 июля 1878 г. Сербия, Румыния и Черногория не были его участниками, но лишь дестинаторами). Наиболее законченным видом коллективного признания является прием в состав Лиги Наций⁶⁰¹⁾.

Соглашение о Лиге Наций во второй части статьи 1-ой говорит о порядке приема в Лигу Наций. В Лигу могут войти, как государства, обладающие полной дееспособностью, так и государства-колонии, типа Австралии, Южной Африки или Канады. Здесь предусматривается вхождение не только уже существующих государств, но и государств вновь образовавшихся. Последние могут быть уже признаны различными членами Лиги, но могут и не получить еще признания. Если новым государствам было отказано в признании отдельными старыми государствами по эгоистическим политическим мотивам, или в силу желания оказать давление на новые образования с целью вырвать у них привилегии экономического характера, то, при публичном обсуждении на Собрании Лиги, эти последние мотивы уже не будут играть решающей роли. В этом смысле коллективное признание дает некоторые гарантии новым образованиям, которых они были лишены при господстве чисто-индивидуалистической системы. Коллективное признание есть признание *de jure*, потому что между членами Лиги принципиально должны поддерживаться мирные непрерывные сношения, и эти сношения могут иметь место только при взаимном признании друг за другом полной дееспособности⁶⁰²⁾.

⁶⁰⁰⁾ Verdross. Einheit, 93.

⁶⁰¹⁾ Coucke. Admission dans la Société des Nations et reconnaissance de jure. R. F. 3°. II, 320 и д. Fauchille. I, 331 и д. Rougier. La première Assemblée de la Société des Nations. R. G. 2°, III, 222 и д. Scelle. L'admission des nouveaux membres de la Société des Nations par l'Assemblée de Genève. R. G. 2°. III, 122 и д. Schücking und Wehberg. Die Satzung des Völkerbundes. 1921, 111 и д. Verdross. Anerkennung der Staaten. W. V.R. I. 51 и д. Verdross. Einheit, 90 и д.

⁶⁰²⁾ Однако допускаются исключения для государств-колоний. Schücking und Wehberg Op. cit, 112—113. Mou Очерки, 201.

Принятие в Лигу есть признание государств в смысле «самовластной территориальной корпорации», имеющей свое автономное свободное устройство и имеющей свои определенные границы, потому что через признание и прием гарантируется каждому члену (согласно ст. 10-й) неприкосновенность его владений и поэтому необходимо иметь ревко проведенные пределы территориального господства⁶⁰³). В этом смысле принятие в Лигу не ограничивается признанием субъекта права, но оно ставит вопрос о том, что предоставляет из себя материальный субстрат, лежащий в основе субъекта. Коллективное признание выступает с своим масштабом оценки, определяя, что вновь принимаемое государство должно быть «свободно управляемым». Затем оно возлагает ряд обязанностей, требуя, чтобы новый член принял бы тот порядок вооружения, который будет признан подходящим Лигой, чтобы новый член дал бы гарантии в соблюдении международных обязательств и, наконец, прецедентным путем было установлено, что новый член должен гарантировать и уважение к правам национальных меньшинств. Обязанности при принятии становятся совершенно особыми, исключительными в своем правовом значении и ярко свидетельствуют о примате Лиги, как целого, по отношению к своим членам. В самой Лиге Наций не сознавали ясно правового значения принятия в смысле коллективного признания, и если в 1920 г. вопрос этот был поднят и был передан особой комиссии в составе *Anzilotti, van Hamel* и *Karnebeck*, то комиссия не могла представить отчета вследствие боязни *v. Hamel*'я расширить компетенцию Собрания путем интерпретации ст. 1-ой в смысле принятия в состав Лиги, как признания⁶⁰⁴). Юридически однако иначе толковать принятие невозможно, и принятие в 1921 г. Эстонии, Латвии было их признанием и со стороны Лиги в целом и со стороны тех центрально и южно-американских государств, которые до этого момента в индивидуальном порядке не признали отделившихся от России образований. В этом смысле нельзя не согласиться с *Schücking* и *Wehberg*, которые в комментарии к Соглашению говорят: «Die Anerkennung eines noch nicht allgemein anerkannten Staates erfolgt durch alle Mitglieder des Völkerbundes ipso jure in dem Augenblicke, in dem ein Staat in den Völkerbund aufgenommen wird»⁶⁰⁵).

§ 55. Параллельно с коллективным признанием продолжает существовать и индивидуальное и, в своем проявлении, оно может быть

⁶⁰³) *Schücking* und *Wehberg*. Op. cit., 109—110.

⁶⁰⁴) *Schücking* und *Wehberg*. Op. cit., 110 и д.

⁶⁰⁵) *Schücking* und *Wehberg*. Op. cit., 111.

более равнообразно, чем коллективное. Оно может реализоваться в виде отправления правительству нового государства торжественной ноты, являющейся ответом на выраженное желание о признании⁶⁰⁶). Оно может найти свое выражение в принятии или в отпадении дипломатических представителей⁶⁰⁷). Оно может вылиться в предоставлении *exequatur* консульским агентам, назначенным новым государством (но не в отпадении консулов в новое государство; — последнее не считается актом признания). Наконец, признание может выразиться в том, что официальная делегация от нового государства признается полномочной для заключения договора, или же в том, что делегация старого государства получает в свою очередь полномочия для той же цели, о чем в официальной форме ставится в известность новое государство.

В форме отправления торжественной ноты, Германия признала независимость Литвы (ср. ноту канцлера графа Гертлинга от 24 марта 1918 г. делегации Литовского Национального Комитета). Несмотря на то, что в ноте Литва признается «свободной и независимой», признание обставляется условиями о вечном и тесном политическом и таможенном союзе с германской империей⁶⁰⁸). Таким же путем, через отправление ноты, Соединенные Штаты Америки признали Польшу субъектом права, вступив в официальные сношения с министром-президентом польского правительства Падеревским⁶⁰⁹). Последнее признание осуществилось в очень своеобразной форме, в виде признания органа правительства, которое в свою очередь юридически постулировало наличность государства. В ноте, адресованной председателю Польского Национального Комитета 2 ноября 1918 г. ст. секретарем *Lansing*, поляки были признаны только нацией⁶¹⁰). Вторым шагом было признание их государственной самостоятельности,

⁶⁰⁶) *Moore*. D. I, 73.

⁶⁰⁷) В проекте доклада, составленного *Clay* от имени комитета по иностранным делам сенату, от 18 июля 1836 г. по поводу признания отделившегося от Мексики Техаса говорится: «The recognition of Texas as an independent power may be made by the United States in various ways: first by treaty; second by the passage of a law regulating commercial intercourse between the two powers; third, by sending a diplomatic agent to Texas with the usual credentials; or, lastly, by the Executive receiving and accrediting a diplomatic representative from Texas». *Moore*. D., I, 97. Нужно однако отметить, что первые два случая сливаются, а, кроме того, *Clay* упускает из виду признание через предоставление *exequatur* консульским агентам нового государства.

⁶⁰⁸) Intern. Documents в изд. *Naval War College*, XVIII, 1918, 54—54.

⁶⁰⁹) Intern. Documents. *Naval War College*. XVIII, 212.

⁶¹⁰) Ibid. 210—211.

которое и последовало в ноте, адресованной польскому министру-президенту Падеревскому 30 января 1919 г.⁶¹¹⁾

§ 56. В международной практике однако гораздо чаще признание осуществляется через принятие, или отправление дипломатических агентов: Так, в 1822 г., после состоявшегося постановления конгресса о признании южно-американских республик, 17 июня был принят президентом Штатов *chargé d'affaires* Колумбии *Manuel Torres*, и в этот же самый день были отданы распоряжения о допущении колумбийских торговых и военных судов под их национальным флагом в северо-американские порты⁶¹²⁾. В 1823 году 27 января *Rondey* был назначен полномочным министром Соединенных Штатов в Буэнос-Айрес⁶¹³⁾ и *Allen* в Чили, и этим актом осуществилось признание двух новых южно-американских республик⁶¹⁴⁾. В этот же день последовало и назначение министра в Мексику⁶¹⁵⁾. Аналогичным путем, через принятие в Вашингтоне *chargé d'affaires*, была признана Бразильская империя 26 мая 1824 года⁶¹⁶⁾. Точно так же была признана и Центрально-Американская Федерация, чрезвычайный посол и полномочный министр которой был принят президентом Штатов 4 августа 1824 г.⁶¹⁷⁾

По этому же пути шла и Англия, признавши молодые американские республики через назначение в Буэнос-Айрес, Колумбию, Перу и Мексику своих дипломатических агентов в 1825 г. (6 января)⁶¹⁸⁾. Таким же путем, именно принятием чрезвычайного посла, Соединенные Штаты признали в 1880 г. Румынию⁶¹⁹⁾.

§ 57. Назначение консульских агентов не является признанием⁶²⁰⁾. Потому что их компетенции и функции нормально имеют специально-торговый характер и нормально они не вступают в официальные

⁶¹¹⁾ Конечно, Сов. Россия признала Польшу не по Рижскому договору 1921 г. Ср., например, ноту сов. правительства 28 января 1920 г.: Сов. Россия «... признавала и неизменно продолжает признавать без условий и без ограничений независимость и суверенитет Польской Республики, и на этом признании, имевшем места в первые дни существования независимого польского государства, она основывает все свои отношения к Польше». *L'Europe Nouvelle*. 1920. 646.

⁶¹²⁾ *Moore*. D. I, 90.

⁶¹³⁾ *Moore*. D. I, 90—91.

⁶¹⁴⁾ *Ibid.*, loc. cit.

⁶¹⁵⁾ *Moore*. D. I, 91—92.

⁶¹⁶⁾ *Moore*. D. I, 92.

⁶¹⁷⁾ *Ibid.*, loc. cit.

⁶¹⁸⁾ *Martens*. N. R. 2, X, 667. Ср. также 2, X, 702—711.

⁶¹⁹⁾ Ср. *Moore*. D. I, 115.

⁶²⁰⁾ Неправильно *Martens*. I, 278.

сношения с центральными правительственными органами по вопросам политического характера⁶²¹⁾ ⁶²²⁾. Но консульские агенты являются органами своего государства, их допущение в свою страну и официальная санкция, в виде предоставления им *exequatur*, дает правовое основание считать этот акт признанием государственного характера за образованием, их пославшим; поэтому американская практика, в согласии с европейской доктриной⁶²³⁾ ⁶²⁴⁾, устанавливает, что предоставление *exequatur* есть формальный акт признания нового государства. Таким путем Соединенные Штаты признали Венецуэлу, давши *exequatur* венецуэльскому консулу в Нью-Йорке 25 февраля 1835 г.⁶²⁵⁾ Новую Гренаду 18 сентября 1835 г.⁶²⁶⁾, Урагвай 25 января 1836 г.⁶²⁷⁾ и, наконец, Сан-Доминго 17 сентября 1866 г.⁶²⁸⁾.

§ 58. Традиционно утверждается, что признание может последовать в силу договора⁶²⁹⁾, причем в качестве примеров приводятся случаи заключения договоров о торговле и мореплавании или же специальных договоров и признании⁶³⁰⁾. Тут очевидно имеется налицо серьезное юридическое недоразумение. В данном случае происходит то же, что и при заключении коллективных договоров, когда признаваемое государство, чтобы заключить соглашение, уже должно быть

⁶²¹⁾ Хотя Соединенные Штаты именно по отношению к Румынии хотели генеральному консулу в Бухаресте в 1880 г. придать характер дипломатического агента. *Moore*. D. I, 114—115.

⁶²²⁾ Между назначением консульских агентов и признанием может пройти большой промежуток времени. Соед. Штаты имели своих консульских агентов в южно-америк. восставших колониях с 1811 г., но признали колонии только в 1822 г.

⁶²³⁾ По поводу значения предоставления *exequatur* в докладе ст.-секр. Адамса президенту Монрое от 28 января 1819 г., говорится: «*Consuls* (в смысле неофициальных агентов) are indeed received by the United States from acknowledged powers with whom they have no treaty. But the *exequatur* for a consul-general can obviously not be granted without recognizing the authority from whom his appointment proceeds as sovereign». *Moore*. D. I, 79.

⁶²⁴⁾ Ср. особенно *Hall-Higgins*. § 26, 88—89. *Oppenheim*. I, §§ 72, 428. *de Louter*. I, 223. Англия назначила консулов в Южн. Америку 17 октября 1823 г., но признала новые республики 6 января 1825 г. *Martens*. N. R. I, X, 360 и *Martens*. N. R. 2, X, 667.

⁶²⁵⁾ *Moore*. D. I, 90.

⁶²⁶⁾ *Moore*. D. I, 90.

⁶²⁷⁾ *Moore*. D. I, 91.

⁶²⁸⁾ *Moore*. D. I, 107.

⁶²⁹⁾ *Fauchille*. I, 304.

⁶³⁰⁾ Ср. *de Louter*. I, 222. *Lawrence*. Principles. 89. *Oppenheim*. I, 116. *Strupp*, Grundzüge, 51. *Ullmann*, 128.

субъектом права. Во имя однородности правовой системы недопустимо вводить в науку международного права ту вредную фикцию, которая играет такую большую роль в государственном праве, фикцию об одновременном формировании правопорядка и субъекта права⁶³¹). При известном примате международного порядка, стоящего над государствами, нет необходимости вводить подобную фикцию двойного или параллельного самовозрождения. Нужно считать, что субъект права существует до договора. В каких же действиях выражается тогда акт признания? В тех же, что и при заключении коллективного соглашения, т. е. в признании полномочий у представительства нового государства, или в предоставлении полномочий делегации старого государства с официальной нотификацией об этом признаваемому государству.

Таким путем Соединенные Штаты признали целый ряд государств. Так, 15 июня 1838 г., Штаты дали полномочие своему *chargé d'affaires* при Перу-Боливийской Конфедерации *Pickett* вступить в переговоры с Урагваем (о чем Урагвай был поставлен в известность) для заключения договора торговли и мореплавания и этим они признали субъектом права своего будущего контрагента⁶³²). Точно так же был признан Парагвай 27 апреля 1852 г., когда этой республике было нотифицировано сообщение о том, что поверенному в делах в Буэнос-Айресе дано полномочие для ведения переговоров по заключению торгового договора с парагвайским правительством⁶³³). Еще раньше, 1 мая 1849 г., американскому *chargé d'affaires* в Гватемале было поручено вступить в переговоры с сальвадорским правительством для заключения договора, и нотификацией об этом Сальвадор был признан Штатами⁶³⁴). Аналогичные случаи имели место и по отношению к двум африканским государствам: Либерии в 1862 г., когда американскому послу в Лондоне было дано соответственное полномочие⁶³⁵), и Оранжевой Республике в июне 1871 г., когда полномочие было дано

⁶³¹) Я здесь имею в виду известную неразрешимую контрверзу в немецкой науке государственного права: Предпосылкой германской конституции было государство, как субъект права, обратно — предпосылкой государства, как субъекта права, была конституция. Ср. *Haenel. Studien zum Deutschen Staatsrecht. I* bd. 1888, 68. *Zorn. Staatsrecht. I*, 1895, 23. *Jellinek. Die Lehre von den Staatsverbindungen. 1882*, 266. *Laband. Deutsches Reichsstaatsrecht. 1907*, 8—9 и д.

⁶³²) *Moore. D. I*, 90.

⁶³³) *Moore. D. I*, 91.

⁶³⁴) *Moore. D. I*, 92.

⁶³⁵) *Moore. D. I*, 116.

американскому консулу в Блумфонтене, и когда подписание договора последовало после признания Республики, 22 декабря того же 1871 г. ⁶³⁶). Американская практика в смысле юридическом была гораздо более последовательна, чем европейская доктрина, относившаяся к вопросу о признании чрезвычайно поверхностно. Между тем в данном случае известная правовая последовательность имеет большое практическое значение, потому что только таким путем может быть утверждена *правовая сила* договоров, заключенных между старыми и новыми государствами.

§ 59. Традиционная доктрина однако допускает еще одну серьезную ошибку в учении о признании государств субъектами права. Она полагает, что признание может быть осуществлено не только через действия, имеющие значение формального акта, но и вообще через любые действия, которые могут иметь конклюдентный характер. Проф. *Мартенс* считал, что может иметь место «фактическое» признание, которое обнаруживается в начатии правильных международных сношений с новым государством без всякого предварительного торжественного констатирования этого решения⁶³⁷). И в этом смысле наблюдается редкое и удивительное единогласие доктрины вплоть до самого последнего времени, когда, например, *Hatschek* в 1923 г. заявляет, что «*völkerrechtliche Anerkennung (kann) in jeder Form, ausdrücklich oder durch konkludenten Handlungen erfolgen*»⁶³⁸). Однако какие могут быть «конклюдентные действия»? И вместе с тем, что может обозначать выражение «правильные сношения»? В международной жизни нет безграничного выбора в органах, ведущих внешние сношения, и нет для них деятельности бесконечной свободы, и в особенности новое государство более, чем другое, связано существующими формами и не может придумывать какие-либо новые порядки сношений с прежде существующими субъектами права. Внешние сношения государств осуществляются или через нормальное дипломатическое представительство, или через чрезвычайное, имеющее политический характер, или через консульское представительство, имеющее специальные и главным образом торговые функции. Других органов международного право не знает, и международный

⁶³⁶) *Moore. D. I*, 116.

⁶³⁷) *Мартенс. I*, 278—279. Ср. *Moore. D. I*, 73. *Lawrence*, 89—90. *Liszt. § 5*, 47. *de Louter. I*, 223. *Strupp. Grundzüge*, 51. *Ullmann*, 128 и др.

⁶³⁸) *Hatschek. 147*. В этом же смысле *Fauchille*: «La reconnaissance d'un nouvel Etat n'est soumise à aucune forme externe ni obligatoire, ni absolue». «Elle peut être expresse ou tacite». *Fauchille. I*, 325.

обычай очень точно определяет, как происходит назначение и прием дипломатических агентов и как консульских. И в этих очень узких пределах всякий акт будет иметь «формальное» значение признания и ни для каких конклюдентных действий не остается места, потому что без органов чрезвычайных, или нормальных и постоянных, государства, по самой природе своей, никаких сношений поддерживать не могут. Учение о конклюдентных действиях к признанию неприменимо не только по своей теоретической недопустимости, но и потому, что ему эмпирически нет места в современных условиях международно-правовой жизни. Наконец, и правно-политически в признании необходима публичность и определенность, и в этом смысле учение о конклюдентных действиях является не только простой фикцией, но и фикцией вредной.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПРИЗНАНИЕ ВОССТАВШИХ, ВОЮЮЩИХ И НАЦИЙ СУБЪЕКТАМИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

§ 60. Гражданская война и международное право. § 61. Признание восставших. § 62. Признание воюющих. § 63. Признание наций.

§§ 60—61. Признание субъектов права в международных отношениях отнюдь не ограничивается и не покрывается признанием государств. Международный правопорядок бесспорно может сообщать права и обязанности и другим образованиям, которые — так же как и государства — становятся субъектами не *par soi-même*, в силу специфически присущих им прирожденных особенностей, но только в силу нормы объективного права. Для традиционной доктрины, сводившей международное право к между-государственным отношениям и признававшей последним источником международного права волю государств, наличие иных субъектов права, кроме государств, была ударом в самую суть доктрины. Поэтому представители германской школы и романской — в противоположность англо-американской⁶³⁹⁾ — старательно обходили неприемлемую для

⁶³⁹⁾ *Cobbet*. Cases, I, 287—290. Ср. особенно *Hall*, 39. *Hatschek*, 145—146. *Hershey*, 118—119, который однако полагает, что допущение «восставших» и «воюющих» не отражается на государственной теории международного права, ср. 92 и д. *Fauchille*. I, 306, и д., который тоже не замечает противоречий с утверждением о том, что только государства являются «personnes internationales», стр. 208 и д. *Lawrence*. Principles, 354—356. *Moore*. D. I, 242. *Strupp* ошибочно

них проблему и игнорировали богатую американскую практику, устанавливавшую прецеденты, имевшие исключительное значение как по своему теоретическому характеру, так и чисто практически, потому что здесь давался ответ на один из сложных вопросов политической жизни современных государств, *может ли международное право регулировать не только борьбу междугосударственную, но в известном смысле и войну гражданскую?* Традиционное господствующее учение выдвигает простой и примитивный принцип невмешательства. Поскольку нет специальных договоров, или же поскольку нет состояния крайней нужды, современные державы должны относиться с полным правовым индифферентизмом к тому, что происходит внутри других государств. Раз последние были признаны и пользуются свободой и независимостью, недопустимо в той или иной форме вмешиваться во внутренние условия их жизни⁶⁴⁰⁾. Гражданская война в сущности не является войной, но усмирением восстания, и поэтому любое государство, оказывая военную помощь законной власти, не совершает никакого правонарушения перед восставшими. Наоборот, помощь последним есть международно-правовой деликт. Однако, как в области международных столкновений ни одна война не может быть делом лишь двух сторон в конфликте, а затрагивает в правовом смысле нейтральных и устанавливает особый порядок правоотношений последних к воюющим, так нечто аналогичное происходит и при гражданской войне⁶⁴¹⁾. Правовое начало нейтралитета и тут эвен-

не делает различия между восставшей стороной и воюющей стороной. *Bürgerkrieg* в *W. VR.* I, 173—174. Ср. его же *Grundzüge*, 51. Ср. *Wilson*. Insurgency and international maritime law. A. J. 1907, 46 и д. его же ср. *Lectures United States. Naval War College*. I. 1900. *Wilson and Tucker*, 63 и д. Ср. *Rougier*. Les guerres civiles... 193 и д., 315—316, 372 и д.

Rougier говорит: «La guerre n'est pas toujours un rapport d'Etat à Etat, comme le veut une formule trop restrictive. Le *jus belli* n'est pas nécessairement un attribut de la souveraineté... La guerre civile n'est pas simplement une forme des désordres révolutionnaires, comme on l'a longtemps admis. C'est un conflit entre deux personnes de droit des gens qui poursuivent chacune la réalisation de leur intérêt propre... C'est un fait juridique qui doit avoir des lois... *Rougier*. Les guerres civiles... 547.

⁶⁴⁰⁾ *Strupp*. Bürgerkrieg. *W. VR.* I, 173.

⁶⁴¹⁾ *Annuaire de l'Institut de droit international*. XVIII. 1900, 227. Компромиссное решение *Institut* сводится к тому, что в принципе провозглашается нейтралитет, но отрицается лишь допустимость помощи восставшим против законной власти. Однако организация подобной помощи в свою очередь может оцениваться и как вмешательство, и поэтому в новейшее время выдвигается, как общее правило, допустимость применения нейтралитета к гражданской войне, и эта практика получила свое правовое освящение не только в разрозненных преце-

туально может быть нарушено, и если формально любое государство может помогать законной власти, то при наличии идеи правового и демократического государства и идеи народного суверенитета, когда выдвигается принцип, что форма правления определяется волею управляемых, создается попытка рассматривать гражданскую войну как двухсторонний спор, в котором другие державы имеют право в форме декларации о нейтралитете определить свое отношение к происходящей гражданской борьбе. Такая декларация нейтралитета, определяющая отношение своих подданных к происходящему конфликту, как будто соответствует началу невмешательства, но на самом деле она является ничем иным, как *перенесением принципов международного права в внутри-государственные отношения*, и каждая такая декларация является формальным шагом к констатированию того, что борьба происходит не в пределах одного властвования, но двух соперничающих и в известном смысле равноправных⁶⁴²). Такой декларативный акт может быть продиктован теми или иными политическими соображениями (и вернее именно теми, с которыми он будто бы борется), но в своей правовой формулировке, пользуясь существующими нормами, он связывается иерархически в подчиненном смысле с действующей нормой (регулирующей нейтралитет) и в подчиняющем смысле становится источником новой системы норм, определяющих отношение государств к законной власти и восставшим.

Чтобы понять эту своеобразную конструкцию признания восставших, достаточно привести один классический пример из американской практики. На острове Кубе в 1895 г. началась новая полоса восстаний против испанской власти. 12 июня того же года президент Соединенных Штатов опубликовал прокламацию, где говорилось, что на острове Кубе происходят гражданские волнения, принявшие характер вооруженного сопротивления против господства испанского правительства, и что поэтому граждане Соединенных Штатов должны воздерживаться от участия в восстании, направленном против испанской власти и не могут осуществлять действий, противных правилам дентах, но в такой знаменитой правотворческой преюдиции, как решение Женеевского третейского суда по делу Алабамы и других южно-американских крейсеров (1872 г.), имевших свою операционную отправную базу в английских портах. Ср. *Rougier. Les guerres civiles*, 11, 350—371.

⁶⁴²) Отсюда энергичное отрицание правовой возможности признания восставших или воюющих, как допущение двух «суверенитетов» в одном государстве, в ноте Колумбии 1891 г. *Wiesse Reglas de devehio internacional aplicables á las guerras civiles*. 1905, 32.

о нейтралитете. В своем годичном послании 2 декабря 1895 года президент настаивал на том, что положение в Кубе «greatly disturbed», что там происходит восстание — «insurrection», «flagrant condition of hostilities», «sanguinary and fiercely conducted war»⁶⁴³) 27 июля 1896 года президент опять опубликовал прокламацию о применении законов о нейтралитете⁶⁴⁴). Однако Верховный Федеральный Суд по делу «The Three Friends» в 1897 г. постановил, что отдельные нормы нейтралитета не могут найти своего применения в борьбе кубанских повстанцев с испанской властью, потому что война происходила лишь в своем материальном (material sense), но не в юридическом значении (legal sense). Американское правительство официально сообщило о происходящей борьбе, но оно не признало восставших воюющей стороной и поддерживало отношения мира и дружбы с законным испанским правительством⁶⁴⁵).

Аналогичный случай имел место и в 1912 г., когда президент Тафт опубликовал прокламацию по поводу восстания в Мексике⁶⁴⁶)⁶⁴⁷). В этих случаях вопрос шел о признании *восставших своеобразным субъектом права с чрезвычайно узко очерченной дееспособностью*⁶⁴⁸). По отношению к Соединенным Штатам они могли притязать лишь на соблюдение нейтралитета, но не могли осуществлять международных прав воюющих по отношению к американским нейтральным судам, в виде осмотра, обыска и задержания судов, и конфискации на них военной контрабанды⁶⁴⁹), или объявления блокады⁶⁵⁰). Од-

⁶⁴³) *Moore. D. I*, 198.

⁶⁴⁴) *Moore. D. I*, 242.

⁶⁴⁵) *Moore. D. I*, 242—243. Другие случаи отказов признания восставших воюющими: поляков в 1864 г., кретьян в 1868 г., восставших в Чили в 1891 г. и в Бразилии в 1893 г. — *Rougier. Les guerres civiles*, 380 и д.

⁶⁴⁶) См. однако заявление ст. секр. Нау в письме 15 ноября 1902 г.: «To deny an insurgent the right prevent the enemy from receiving material aid cannot well be justified without denying the right of revolution». *Wilson. Insurgency and Intern. Marit. Law. A. J. I*, 56.

⁶⁴⁷) *Moore. D. I*, 242—243.

⁶⁴⁸) *Supplement A. J. VI*. 1912, 146—148.

⁶⁴⁹) Ср. *Campbell. Neutral Right and Obligation in Anglo-Boer War*. 1900, 47.

⁶⁵⁰) *Lawrence* приводит примеры морских восстаний, когда, при наличии у восставших прочной военной организации и дисциплины, их нельзя считать пиратами и морскими разбойниками, но нельзя и предоставлять им широких прав по отношению к нейтральным. Он приводит случай восстания флота в Чили в 1891 г., и в Бразилии в 1893 г. *Lawrence. Recognition of Belligerency considered in relation to Naval Warfare. Journal of the Royal United Service Institution. January. 1897*; 10—18. Ср. *Lawrence. Principles*, 355 и д. *Hall*, 39 и д. *Hershey*, 119.

нако не только извне, но изнутри тоже может последовать признание восставших субъектами права. Если гражданская борьба в смысле технически-военном становится столкновением организованных вооруженных сил, обе стороны рано или поздно должны отказаться и в силу моральных мотивов, и по материальным соображениям, от простого осуществления коллективного убийства. Северо-американские колонии применяли по отношению к британским войскам во время борьбы за независимость законы и обычаи войны, и последние, несмотря на ряд правонарушений, не отрицали за собой аналогичной обязанности⁶⁵¹). Это признание выражалось в осуществлении ряда формальных актов в виде подписания перемирий или капитуляции, и эти акты вызвали неправильные ссылки со стороны французского правительства, что будто бы этими актами Англия признала колонии государственным образованием⁶⁵²). Точно так же во время борьбы южно-американских колоний за независимость, по замечательному договору, заключенному в Trujillo 26 ноября 1820 года⁶⁵³) между испанским главнокомандующим и колумбийским диктатором генералом *Bolívar* было определено применение ряда гуманных норм в отношениях воюющих друг к другу⁶⁵⁴). Такой акт содержал бесспорно

⁶⁵¹) *Scott. Cases on intern. law.* №№ 743 и 758. В этом отношении исключительное значение имел случай с американской эскадрой П. Джонса, захватившей три английских приза и приведшей их в датские порты, где они были освобождены по требованию датского правительства (1779 г.). В американской ноте Wheaton в 1846 г. говорилось (где требовалось возмещения за убытки вследствие неправильного освобождения призов): «Наша борьба — не обыкновенное восстание, но гражданская война, где обе стороны имели право вести войну. Штаты были признаны таковыми (восставшей стороной) со стороны старого государства-отечества торжественным обменом пленными, заключением картелей, уважением к капитуляциям... и осуществлением всех прав — *commercium belli*, обыкновенно признаваемых в войне цивилизованными государствами». Американская точка зрения была признана Данией в 1848 г. — *Rougier. Les guerres civiles.* 208 и д.

⁶⁵²) Ср. *Moser. Versuch d. neuest. europ. Völkerrecht.* 1779. IX, 471. *Moore. D. I.* 168.

⁶⁵³) *Martens. N. R.* IX, 540 и д.

⁶⁵⁴) В вступительной части договора говорится: «Les gouvernements d'Espagne et de Columbia désirant faire connaître au monde l'horreur qu'ils ont pour la guerre d'extermination qui a dévasté jusqu'à présent ce territoire et l'a converti en un théâtre de carnage, et désirant profiter du premier moment du calme qui se présente pour régler la guerre qui existe entre deux gouvernements d'après les lois suivies par les nations les plus civilisées et les principes les plus loyaux et les plus humains, sont convenus de nommer les commissaires pour conclure un traité qui fixe la manière de faire la guerre». В дальнейших пунктах договора подробно регулируется положение военнопленных, больных и раненых и уста-

признание Колумбии *восставшей стороной* и давал твердую формальную основу для объявления другими государствами своего нейтралитета в происходящей борьбе⁶⁵⁵). То же самое произошло и в 1861—1865 г., когда Северные Штаты решительно протестовали против признания воюющей стороной Южной Конфедерации Англией и Францией, но сами признали южан *восставшей стороной*, осуществляя по отношению к ним акты международной войны (объявление побережья южан в состоянии блокады⁶⁵⁶)⁶⁵⁷) и особенно настаивая на строгом применении законов и обычаев войны на суше. В этом смысле Северные Штаты оставили замечательный правовой памятник, получивший мировую известность (инструкции правительства Соед. Штат. 24 апреля 1863 г., составленные *Lieber'ом*⁶⁵⁸). С того момента однако, когда прежняя законная власть вынуждена признать восставших пассивным и активным субъектом права войны, третьи государства могут считать, что восстание приняло характер борьбы, регулируемой международными нормами, и могут требовать уважения собственных прав и в частности требовать охраны со стороны восставших прав личности и собственности своих подданных. Признание восставшей стороной в конечном итоге (*Recognition of insurgency — Reconnaissance comme insurgés*) сводится не только к признанию *права на осуществление действий, допускаемых международным правом в войне на суше и на море (но не по отношению к нейтральным)*, но оно является и возложением на восставшую сторону соответственных обязанностей. И из факта признания восставшей стороны нейтральными вытекает начало безответственности законной власти за действия восставших⁶⁵⁹).

§ 62. Третьим видом признания является признание *восставших воюющей стороной*⁶⁶⁰). Те немногие представители доктрины, которые навлекается (в ст. 7-ой) запрещение смертной казни за переход на сторону противника. *Martens. N. R.* IX, 541—542.

⁶⁵⁵) Комментарии к договору у *Basdevant* в *R. G.* XXI, 17 и д.

⁶⁵⁶) См. прокламацию президента Линкольна 19 апреля 1861 г. Ср. *Rougier. Les guerres civiles*, 199 и д., текст — *St. A. I.* № 44, 113—114.

⁶⁵⁷) Ср. также *St. A. I.* № 168, 408 и д. и *Ibid.* № 55, 153—158.

⁶⁵⁸) Инструкции приведены целиком у *Bluntschli*.

⁶⁵⁹) Ср. особенно о последнем *Hatschek*, 145, а также *Strupp. Völkerrechtliche Delikt*, 96 и д. Не упоминает об этом *Fauchille I.* 308—309.

⁶⁶⁰) *Bernard. Neutrality of Great Britain during the Civil War.* 1870, 114 и д., 122—166. *Bonfils*, 123—124. *Bluntschli. Opinion impartiale sur la question d'Alabama.* *R. I.* II. 1870, 452. *Calvo. I.* §§ 84—86. *Cobbet. Cases.* I, 62—68. *Halleck* 79, 84. *Harcourt*, 1—37. *Herschey*, 119—123. *Fauchille. I.* 309—310. *Féraud-Giraud* в *R. I.* III. 1871, 277 и д. *Lawrence. Principles*, 351—354. *Le Normand*, 219 и д.

рассматривали эту проблему, обыкновенно исходят из не совсем удачного и не-юридического противопоставления войны в правовом (legal sense) значении и материальном⁶⁶¹). Война остается всегда войной и всегда является двуликим Янусом: одним лицом она обращена к насилию и другим к праву. Чрезвычайно наивно, подобно *Fauchille*, утверждать, что, если война распространяется, охватывая большие пространства и затягиваясь во времени, тогда возникает проблема о признании восставших воюющими⁶⁶²). Вопрос этот, неправильно поставленный американскими юристами, надо перенести на другую плоскость. Предпосылкой признания восставших воюющей стороной может быть только факт признания их восставшими со стороны старой власти. Из этого акта существующего субъекта права нейтральные в праве сделать дальнейшие юридические заключения. В свою очередь, конечно, этот факт определяется другими явлениями: наличием центральной властной организации и известного территориального пространства, за которое и на котором происходят военные операции, и присутствием с обеих сторон дисциплинированных вооруженных сил, соблюдающих законы и обычаи войны. Однако это является вторичным материальным субстратом, а *центр тяжести лежит в правовой наличности восставших*. И ст. секр. Адамс в 1816 г., а с английской стороны лорд Рёссель в 1861 г. были правы, когда прежде всего выдвигали в качестве основания для признания в первом случае южно-американских колоний, во втором Южной Конфедерации — наличие актов, свидетельствовавших о факте войны в международном смысле между старою властью и восставшими. Лорд Рёссель очень сильно и метко охарактеризовал в ноте 28 августа 1861 года положение вещей, вызвавшее декларацию Великобритании о ее нейтралитете 13 мая 1861 г., декларацию, которая одновременно и была признанием Южных Штатов воюющей стороной: «Her

Moore. D. I, 164—205. de *Olivart* в R. G. III. 1896. 503 и д. V. 1898, 500 и д. VII. 1900, 575 и д. *Oppenheim*. I, § 74. *Pradier-Fodéré*. VI, № 2658. *Rivier*. Principes, II, 213—214. *Rougier*. La guerre civile. §§ 45—50, 89—102. *Westlake*. I, 50—57. *Wiesse*. §§ 3—12. Ср. R. G. I, 53, 161, 272. XI, 225. XVIII, 666. XIX, 344.

⁶⁶¹) Ср. несколько иначе *Herschey*, который утверждает: «A Status of Belligerency may be recognized when the insurrection has assumed the proportions of a public civil war in a legal sense, i. e. war waged by insurgents politically organized under a responsible government exercising sovereign powers over a definite territory, and having the will and capacity to fulfill its neutral obligations». *Herschey*, 119—120. *Herschey* не замечает, что он конструирует предпосылки не для признания воюющей стороной, но для признания государства.

⁶⁶²) *Fauchille*. I, 310.

Majesty government upon receiving intelligence that the President had declared by proclamation his intention to blockade the ports of nine of the States of Union, and that Mr. Davis (президент Южной Конфедерации) speaking in the name of those nine States, had declared his intention to issue letters of marque and reprisals; and having also received certain information of the design of both sides to arm, had come to the conclusion that civil war existed in America, and her Majesty had thereupon proclaimed her neutrality in approaching contest»⁶⁶³).

Против этих аргументов трудно было возражать⁶⁶⁴). Северные Штаты, объявляя блокированными порты Юга, возлагали одностороннюю обязанность на нейтральных допускать конфискацию нейтральных судов, направляющихся в южные порты. При таких обстоятельствах, и при желании Южных Штатов выдавать *lettres de marque* и вести войну каперами, британское правительство было более чем в праве заявить о своем нейтралитете и предупредить своих подданных об опасностях торговли с двумя воюющими сторонами. Англия не могла и не хотела признать южан за пиратов, раз южане считались восставшими Северными Штатами, но во имя equity, как осуществления принципа равенства долей, она предоставила южанам те же права и обязанности, что и северо-американскому правительству. Формально Англия, как и Франция, последовавшая британскому примеру, были правы, но нельзя было отрицать, что такой акт признания в самом начале гражданской войны был, как говорил известный бельгийский юрист того времени *Robin-Jacquemyns*, «*arbitri morali*» для Южных Штатов⁶⁶⁵). И в этом отношении каждое признание по своим

⁶⁶³) St. A. II, № 168, 35—37. Polemica по поводу правовой допустимости признания Южных Штатов воюющей стороной продолжалась около десяти лет. Ср., наприм., энергичную ноту ст. секр. *Hamilton-Fish* 25 сентября 1869 и не менее решительный ответ лорда *Clarendon* 6 ноября того же года. St. A. X, № 3967, 73—84 и № 3969, 87—99. Эта полемика закончилась отступлением Штатов, согласившихся не ставить этого вопроса на решение третьей стороны (ср. *Cobbet Cases* I, 66).

⁶⁶⁴) Однако американские юристы с большим трудом признали правильность британской точки зрения, и *Herschey* в 1914 г. писал: «It is now generally admitted even by Americans that the recognition of the Southern Confederacy by Great Britain on May 13, 1861, was not premature, though perhaps a trifle hasty. It was fully justified, if not necessitated, by President Lincoln's Proclamation of April 19, instituting a blockade of Southern ports». *Herschey*, 123. Ср. *Lawrence*. Principles, 354. *Cobbet*. Cases I, 65—66.

⁶⁶⁵) Ср. записку «Case of United States Alabama» St. A. 1872. № 4625, 10. Ср. также любопытное признание воюющей стороной восставших на острове

внутренним мотивам и по своему фактическому проявлению в любом виде, в виде ли признания восставших, или воюющей стороны, или государства, будет всегда для этих образований моральной поддержкой и будет отражением мета-юридического стремления во имя национального, или иного принципа укрепить жизнь складывающегося политического образования.

Формально центр тяжести при признании восставших воюющей стороной лежит не в их отношении к государственной власти, с которой они ведут борьбу, а в отношении к нейтральным. Воюющая сторона может осуществлять свои права в морской войне, не допуская подвоза противнику предметов военной контрабанды, объявляя его порты блокированными, останавливая, осматривая и обыскивая нейтральные суда, и в этом смысле ей сполна принадлежит *jus belli*⁶⁶⁶667). Однако, если уже восставшие были связаны соблюдением норм сухопутной и морской войны по отношению к врагу⁶⁶⁸ (ср. послание президента Южной Конфедерации *Davis* 18 ноября 1861⁶⁶⁹), или же заявление северо-американского генерала *Fremont* 14 сентября 1861, который указывал, что северо-американские прокламации «...recognize the usual rights of an open enemy in the field and... be in all respects strictly conformable with the usages of the war»⁶⁷⁰), — то такие же обязанности лежат и на них в качестве воюющих сторон. В этом смысле не было никаких изменений. Но из признания нейтральными восставших воюющими возникает новая проблема, если

Куба со стороны Перу с весьма оригинальной мотивировкой о необходимости поддерживать борьбу кубанцев за независимость. (1869). R. D. I. 1870, 302 и д.

⁶⁶⁶) «The effect of their action (recognition of belligerency) is to endow the community with all the rights and all the obligations of an independent state so far as the war is conducted but no further» *Lawrence*. Principles, 71.

⁶⁶⁷) «The recognition of belligerency involves the right of blockade, visitation, search and seizure of contraband articles on the high seas, and abandonment of claims for reparation on account of damages suffered by our citizens from the prevalence of warfare». *The Three Friends* (1897). 166. U. S. 1, 63. Ср. *Moore*. D. I, 165. Последнее надо понимать в смысле признания безответственности старой власти, но не новой, если она укрепилась. Ср. *Rougier*. Les guerres civiles, 474 и д.

⁶⁶⁸) Ср. решение Верхов. Американ. Суда в 1897 г. «To the Confederate Government was conceded, in the interest of humanity, and to prevent the cruelties of reprisals and retaliation, such belligerent rights as belonged, under the law of nations, to the armies of independent Government engaged in war against each other. The Confederate States were belligerent in the sense attached to that word by the law of nations». *Harlan, J. v. Surget*. 97. U. S. 594. *Moore*. D. I, 191. Ср. однако дело «*Amy Warwick*» *Lawrence*. Principles, 352.

⁶⁶⁹) St. A. I, № 168, 408 и д.

⁶⁷⁰) St. A. I, № 106, 258.

не об официальных, то официозных отношениях, возникает и вопрос об охране интересов нейтральных подданных, о торговых сношениях, и в результате признается допустимым отправление консульских агентов в области, находящиеся под господством воюющих, и прием агентов, имеющих если не дипломатический характер, то во всяком случае функции политические *par excellence*⁶⁷¹). И создается притязание, чтобы эти агенты, носящие название комиссаров, пользовались известным иммунитетом даже со стороны того правительства, против которого они выступают. И надо отметить, что в связи с арестом на судне «*Trent*» двух южно-американских комиссаров, Англии удалось найти поддержку почти всех европейских держав, высказавшихся не только за допустимость официозных сношений с представителями воюющей стороны⁶⁷² 673), но и за иммунитет последних⁶⁷⁴).

Однако наличность прав и обязанностей воюющих по отношению к нейтральным постулирует одновременно и комплекс обязанностей нейтральных по отношению к воюющим. И события в Америке в 1861—1865 г.г. вызвали ряд инцидентов, имевших исключительное значение для развития международного права в его целом. Через

⁶⁷¹) *Herschey*, 121 и д.

⁶⁷²) Лорд Рёссель оправдывает необходимость сношений защитой интересов британских подданных в пределах Южной Конфедерации: «It may be necessary in future, for the protection of the interests of Her Majesty's subjects in the vast extent of country which resists the authority of the United States, to have further communications both with the central authority at Richmond and with the governors of the separate States, and in such cases such communications will continue to be made, but such communications will not imply any acknowledgment of the Confederates as an independent state» (нота 26 ноября 1861 г.). *Moore*. D. I, 209.

⁶⁷³) Ср. притязания Южной Конфедерации в послании президента *Davis* в 1861 г. St. A. I. № 168, 408.

⁶⁷⁴) См. в этом смысле ряд нот европейских правительств по поводу задержания на британском судне *Trent* агентов (комиссаров Южной Конфедерации). Ср. ноту Австрии 19 декабря 1861 г. (St. A. II, № 201, 74), или Пруссии (Ibid. № 203, 75—76), или Франции 3 декабря 1861 (St. A. I, № 174, 432 и д.). Особенно энергично формулирована идея иммунитета в ноте лорда Рёсселя от 23 января 1862 г., где подчеркивается, что, если нейтральные государства могут поддерживать дипломатические соглашения с воюющими, то с тем же основанием они могут вести эти сношения в гражданской войне и что комиссары Южной Конфедерации, если не имели почетных привилегий дипломатических агентов, то они всетаки... «are clothed with the powers and enjoy the immunities of Ministers». (St. A. II, № 199, 66—73). Эта точка зрения была поддержана почти всеми европейскими правительствами и получила этим самым значение правового прецедента.

прецеденты, имевшие отношение к гражданской войне, создавалась система определенных норм, устанавливающих обязанности для нейтральных и сформулированных в виде знаменитых Вашингтонских правил⁶⁷⁵). И еще раньше, за несколько лет до этой формулировки, ст. секр. Адамс в ноте от 6 апреля 1863 г. поставил совершенно ясно вопрос об обязанностях нейтральных. Он соглашался, что торговля оружием, снарядами и продажа судов не является запрещенной. Но американский ст. секретарь указывал, что положение совершенно изменяется, когда в нейтральной стране создаются центры для развития враждебных операций против воюющих, когда нейтральная территория используется, как своя собственная, агентами одного из воюющих, когда на счет этого воюющего снаряжаются и вооружаются военные суда в нейтральных портах, когда экипаж этих судов открыто нанимается и когда таким образом происходит подготовка на нейтральной территории морских военных операций в большом масштабе⁶⁷⁶).

В этом отношении Северные Штаты были правы⁶⁷⁷), и это было торжественно признано Женевским третейским судом в 1872 г.⁶⁷⁸).

Англо-американская школа пробует выдвинуть особые материальные условия, оправдывающие признание воюющих нейтральными. Во-первых, она настаивает на необходимости политической организации, наличности армии и флота, достаточно дисциплинированных для соблюдения законов и обычаев войны на суше и на море, но затем она идет еще дальше и указывает, что настоящим основанием признания являются политические мотивы. Нейтральное государство будто бы может признавать восставших воюющей стороной, только если его непосредственные интересы затронуты. Признание является разумной мерой самозащиты⁶⁷⁹). И *Дана* еще более решительно заявляет, что, если признание не основывается на материальных интересах нейтрального государства, оно становится вмешательством, моральной поддержкой восставших и вместе с тем авторитарной попыткой произносить суждения о деятельности законной власти⁶⁸⁰). Все эти

⁶⁷⁵) *Schätzel*. Alabamafall. W. VR. I, 16—19 (там же библиография).

⁶⁷⁶) St. A. IV. № 666. 328—330.

⁶⁷⁷) Ср. однако *Lawrence*. Principles, 633—634.

⁶⁷⁸) Ср. особенно Т. V. *Balch*. The Alabama Arbitration. 1900.

⁶⁷⁹) *Hall*, 33. *Herschey*, 122.

⁶⁸⁰) *Wheaton-Dana*. Последний утверждает, что трудно допустить признание восставших воюющей стороной со стороны нейтрального государства, если восставшие оперируют в чисто сухопутной стране, отрезанной от моря и без территориального соприкосновения с соответственным нейтральным государ-

сообразения юридически совершенно иррелевантны. Кроме материальных интересов, — как это было в междуусобной американской войне 1861—1865 г. для Англии и меньше для Франции, — могут быть поставлены на карту не менее ценные духовные интересы, но для права безразличны как те, так и другие мотивы. Международное действующее право просто предоставляет возможность, при наличии известных условий, признавать восставших воюющими, и такое признание является односторонним актом со стороны нейтральных, не обязанных никому давать отчета о своих целях или мотивах.

По своей форме признание воюющих происходит обыкновенно в виде обнародования торжественной декларации о нейтралитете. Так, известная декларация британского правительства 13 мая 1861 года гласила: «Whereas we are happily at peace with all Sovereigns, Powers and States. — And whereas hostilities have unhappily commenced between the Government of the United States of America and certain States styling themselves «the Confederate States of America». — And whereas we being at peace with the Government of the United States, — have declared our Royal determination to maintain a strict and impartial neutrality in the contest between the said contending parties...»⁶⁸¹). Эта форма вызвала протесты обеих сторон⁶⁸²), но юридически она является совершенно правильной и была образцом для других аналогичных актов со стороны нейтральных государств⁶⁸³).

Международная практика признания воюющих сложилась в XIX веке. Прежде всего проблема была вполне отчетливо поставлена в отношениях Соединенных Штатов к восставшим южно-американским колониям. Рядом правительственных мер, начиная с предписания ст. секр. казначейства *Dallas* от 3 июля 1815, последовавшего по распоряжению президента Штатов, были установлены принципы

ством. В частности в таком положении были бы Соединенные Штаты, если бы восстание происходило в каком-либо чисто сухопутном государстве. § 23, стр. 34 и д. Ср. *Moore* D. I, 166—167 и *Hall*. Op. cit., loc. cit.

⁶⁸¹) St. A. I, № 57, 163 и д. Ср. с французской формулой: «Sa Majesté l'Empereur des Français, prenant en considération l'état de paix qui existe entre la France et les Etats-Unis d'Amérique, a résolu de maintenir une stricte neutralité dans la lutte engagée entre le gouvernement de l'Union et les Etats qui prétendent former une Confédération particulière». Прокл. 6 июня 1861 г. St. A. I, № 58, 167—168.

⁶⁸²) Ср. St. A. 1872, 92—93.

⁶⁸³) Ср., кроме французской декларации 10 июня 1861 г., декларацию Испании 17 июня того же года, затем Голландии, Бразилии (1 августа 1861 г.) и т. д. *Moore*. D. I, 185. *Moore*. I. A. I, 595.

нейтралитета по отношению к обеим воюющим сторонам⁶⁸⁴). Если и было признано возможным допустить посещения судами восставших американских портов, то последние ни в коем случае не должны были служить для воюющих морскими базами. Позднее президент Монрое в своем послании Сенату 2 декабря 1817 года так формулировал отношение Штатов к воюющим: «*Through every stage of the conflict the United States has maintained an impartial neutrality giving aid to neither of the parties in men, money, ships, or munitions of war. They have regarded the contest not in the light of an ordinary insurrection or rebellion, but as a civil war between parties nearly having as to neutral powers equal rights. Our ports have been open to both*»⁶⁸⁵).

В 1822 г. Англия признавала воюющей стороной восставших греков⁶⁸⁶). В 1836 г. Соединенные Штаты признали воюющей стороной Техас, допустив суда под тexasким национальным флагом в американские порты⁶⁸⁷). В 1864 г., во время гражданской войны в Мексике, Штаты продолжали считать, несмотря на провозглашение в Мексике империи, единственным законным правительством правительство президента Жуареча и борьба в Мексике рассматривалась Штатами не как гражданская война, но как международная — Мексики с Францией⁶⁸⁸). В 1861 г., как уже было выше упомянуто, последовало признание Южной Конфедерации воюющей стороной Англией, Францией и рядом других государств⁶⁸⁹). В 1869 г. и 1896 г. в Штатах поднимался вопрос о признании восставших на острове Кубе воюющей стороной, но был разрешен в отрицательном смысле⁶⁹⁰).

§ 63. Мировая война выдвинула новый вид признания, чрезвычайно своеобразный по своим отличительным свойствам, не имевший ранее прецедентов и близко приближающийся к вмешательству в виде одностороннего авторитарного утверждения необходимости обеспечить политическое существование национальности как таковой. Проблема нейтралитета тут не играет никакой роли. Это отнюдь не попытка осуществить начало равного отношения к двум борющимся внутри государства силам. *И здесь окончательно ускользает из под ног теория материальной заинтересованности, наличием эконо-*

⁶⁸⁴) Moore. D. I, 170—171.

⁶⁸⁵) Moore. D. I, 173.

⁶⁸⁶) Fauchille. I, 310. Hershey, 123. *Séférediadés* в R. G. XXIII, 31.

⁶⁸⁷) Moore. D. I, 176—178.

⁶⁸⁸) Moore. D. I, 184.

⁶⁸⁹) Moore. D. I, 184—193. Cobbet. Cases I, 62 и д.

⁶⁹⁰) Moore. D. I, 193—200.

мических или иных связей, которые оправдывают попытку определить международным путем внутри-государственные отношения. Здесь абсолютно нет точек непосредственного соприкосновения ни с проблемами территориального характера, ни с вопросами об охране личности или имущества нейтральных подданных, проживающих в пространстве, где разыгрывается междуусобная кровавая тяжба. И самое замечательное, что *реально может и не быть совершенно гражданской войны* и что она может быть только *потенциально и гипотетически*. Здесь нет и эмпирического реального субстрата в виде корпоративного целого, занимающего определенные области и определенное пространство и здесь даже нет того, что бывает при восстании флота, который, хотя бы вне твердого пространства, но в открытом море, поднимая свой революционный флаг, является материальным единством. Здесь, наконец, как-будто нет и интересов человечности и мира, интересов в силу которого всякое насилие и всякие вооруженные споры народов внутри и вне государства не могут быть *res inter alios acta* для всего человечества. Но здесь происходит нечто другое. Иррациональным путем, моральными связями, верой и подвигом отдельных людей возрождается и воскрешается национальность, как духовное целое, настолько сильное, что оно преодолевает раздробленность физических сил и творит из разрозненных и оторванных друг от друга частей идеальное целое, живущее эмпирически в уме и воле людей, сознающих себя служителями и борцами за национальную идею. *Признание национальности, или нации*⁶⁹¹) является вмешательством по отношению к существующим, но умирающим политическим образованиям. Это международная инвестиция молодой национальной жизни, для которой, после многовековой Голгофы, пришел день Светлого Воскресения. Тут право сливается с моралью жизни, с правом быть и самому творить свой политический строй. Государства здесь нет, оно только в потенции, хотя есть уже реальная сила, которая говорит о желании и воле народа к своему бытию.

Есть, кроме вождей, организованная военная сила, готовая на последнюю жертву во имя национальной идеи. И в международных

⁶⁹¹) E. Beneš. Les Tchécoslovaques — indépendants et libres. La Nation Tchèque. 1918, 169—179. Fauchille. I, 311 и д. *Frangulis*. La République Tchèque devant la Conférence de la Paix. Le Monde nouveau diplomatique et économique 27 mars, 3 et 10 avril. 1919. de Lapradelle. Communication sur la reconnaissance comme nation faite le 4 janvier à la Société française de droit international. *Journal Officiel*. 24 décembre. 1919. Chambre, documents — rapport Raiberti sur le budget du Ministère des affaires étrangères.

отношениях это момент осуществления неправомерной справедливости, когда узкие рамки существующего права должны быть сломаны, чтобы очистить место новому справедливому праву. Это — временный синтез вмешательства с признанием с тем, чтобы признание осталось, а вмешательство исчезло, потому что здесь признание своим существованием создает новые правовые прецеденты, и то, что было противоправно, становится правомерным и этим изгоняется вмешательство.

Признание нации было выходом из правового тупика, в котором находились союзные державы в тот момент мировой войны, когда выяснилось, какую активную и значительную роль в исходе мировой борьбы играют национальности, и когда оказалось необходимым найти правовое определение тому положению, в котором находились руководящие органы национального движения. Существующие международные нормы не могли дать выхода из создавшегося затруднения, потому что они традиционно исходили из локальных восстаний и столкновений и не предусматривали картину борьбы беспрозрачной, в различных странах света, в различных государствах, но во имя одного одинаково дорогого национального идеала. Нельзя не признать, что подобные идеи не были чужды и другому лагерю, и в Германии тоже пытались использовать национальную борьбу, но здесь, как, например, в Польше, центр тяжести переносится на постройку государственного аппарата, на стремление подчинить заранее новое образование определенным политическим задачам, бывшим в непримиримом противоречии с автономными целями Польши, как таковой. Наоборот союзники не пытались грубо конкретизировать совершающиеся события. Они пытались и нашли общую правовую формулу, охватывавшую не отдельные конкретные эпизоды, но события жизни народов в настоящем и будущем.

Признание нацией (Reconnaissance comme nation) характерно в том смысле, что оно исходит не от нейтральных и не от противной стороны, с которой ведется борьба⁶⁹²). Оно исходит от союзных в борьбе

⁶⁹²) Французское признание чехословацкой нации имело форму письма министра иностранных дел Pichon секретарю Национального Чехословацкого Комитета др. Э. Бенешу:

Ministère
des
Affaires Etrangères.

République Française.

Paris, le 29 juin 1918.

Direction Politique.

Monsieur le Secrétaire Général,

Au moment où le 21-ème Régiment de Chasseurs, première unité de l'armée

держав и поэтому, конечно, не может, с точки зрения позитивного права, создать какие-либо обязанности, как для врагов, так и для нейтральных. Поэтому здесь нет в виде объекта признания допустимости действий, разрешаемых правом войны. Здесь нет предоставления jus belli и нет октроирования прав по отношению к нейтральным в морской войне. Юридическая природа признания нации совершенно иная. Она состоит в том, что по отношению к национальным революционным организациям, — находящимся за границей, или в пределах государства, раздираемого смутой — это безразлично — *существующие государства в качестве субъектов права и, в известном смысле, в качестве органов правового общения, берут на себя обязательство признать нацию государством в тот момент, когда национальное движение локализуется, или примет территориальный оседлый характер.* В сущности признание нацией это прямой шаг, связанный с признанием государства. В противоположность признанию восставших или воюющей стороной, не предопределяющему дальнейший ход развития событий, признание нации имеет только одно значение — признание того, что нация существует, как идеальное целое, и что это идеальное целое в праве и может стать реальным политическим це-

autonome tchécoslovaque de France, se dispose, après avoir reçu son drapeau, à quitter ses cantonnements et à monter en secteur au milieu de ses frères d'armes français, le Gouvernement de la République, témoin de vos efforts et de votre attachement à la cause des Alliés, considère comme équitable et nécessaire de proclamer les droits de votre nation à l'indépendance et de reconnaître publiquement et officiellement, le Conseil National, comme l'organe suprême des intérêts généraux et la première assise du futur Gouvernement Tchécoslovaque.

Pendant de longs siècles, la Nation Tchécoslovaque a possédé le bienfait incomparable de l'Indépendance, elle en a été privée par la violence des Habsbourg, alliés aux princes germaniques. Les droits historiques sont imprescriptibles. C'est pour la défense de ces droits que la France attaquée lutte aujourd'hui avec ses Alliés. La cause des Tchèques lui est particulièrement chère.

La France ne saurait oublier la manifestation de Prague, du 8 décembre 1870; elle ne saurait oublier davantage la résistance de la population et le refus des soldats de se battre pour l'Autriche-Hongrie, héroïsme baigné dans le sang de milliers de patriotes.

Elle a entendu les appels des députés tchèques les 6 janvier, 13 avril et 16 mai derniers.

Fidèle aux principes du respect des nationalités et de la libération des peuples opprimés, le Gouvernement de la République considère comme justes et fondées les revendications de la Nation Tchécoslovaque et il s'appliquera de toute sa sollicitude, le moment venu, à faire prévaloir vos aspirations à l'indépendance, dans les limites historiques de vos provinces enfin soustraites au joug oppresseur de l'Autriche et de la Hongrie.

лым, не подчиненным иной власти. С того момента, когда было признано существование воюющей и союзной чехословацкой нации Францией, Англией, Италией, Соединенными Штатами Северной Америки и Японией, был подведен фундамент и под признание великими и союзными державами независимой и свободной Чехословацкой Республики. Нужен был только день 28 октября 1918 года, и, после этого дня, союзные державы были обязаны признать новое государство. В данном случае уже не было места индивидуальному произволу, или индивидуальной оценке. В этом смысле международная жизнь Чехословакии началась раньше, чем внутри-государственная. Национальная борьба получила свое правовое освящение извне раньше, чем она закончилась свержением власти Габсбургов внутри. Признание нации влечет за собой признание и той временной политической организации, которая руководила национальной борьбой. В этом смысле наблюдается известный параллелизм с признанием воюющей стороны. И там и здесь устанавливаются официозные сношения с фактической национальной властью, и там и здесь допустимо назначение органов,

Il m'est agréable, Monsieur le Secrétaire Général, de vous faire ces déclarations. Vos sentiments, reflets de ceux de vos compatriotes, me sont un gage de l'avenir heureux de votre Patrie.

Au nom du gouvernement de la République, je fais les vœux les plus sincères et les plus chaleureux que l'Etat Tchécoslovaque devienne bientôt, par les communs efforts de tous les Alliés, en union étroite avec la Pologne et l'Etat Yougoslave, une barrière infranchissable aux agressions germaniques et un facteur de paix dans une Europe reconstituée suivant les principes de la Justice et du Droit des Nationalités.

Veillez agréer, Monsieur le Secrétaire Général, les assurances de ma haute considération.

S. Pichon.

Ср. также английскую декларацию 11 августа 1918 г.:

Declaration.

Since the beginning of the war the Czecho-Slovak Nation has resisted the common enemy by every means in its power. The Czecho-Slovaks have constituted a considerable Army, fighting in three different battle-fields and attempting, in Russia and Siberia, to arrest the Germanic invasion.

In consideration of its efforts to achieve independence, Great Britain regards the Czecho-Slovaks as an Allied Nation, and recognizes the unity of the three Czecho-Slovak Armies as an Allied and belligerent Army, waging a regular warfare against Austria-Hungary and Germany.

Great Britain also recognizes the right of the Czecho-Slovak National Council, as the supreme organ of the Czecho-Slovak National interests, and as the present trustee of the future Czecho-Slovak Government, to exercise supreme authority over this Allied and belligerent Army.

J. A. Balfour.

Эти документы напечатаны в журнале «La Nation Tchèque». 1918, 49—51 и 121.

которые, если не могут притязать на все почетные преимущества дипломатических агентов, то всетаки должны пользоваться иммунитетом. Наконец, здесь проявляется особенность нового института, состоящая в признании экстратерриториальности за национальной военной организацией, получающей автономную военную юрисдикцию, неподчиненную местным уголовным законам. В сущности еще более полная экстратерриториальность должна была бы распространиться и на то временное правительство, которое возглавляет восставшую нацию.

Проблема признания нации имеет исключительное теоретическое значение, потому что она, постулируя наличность духовного единства нации и наличность воли народа к самостоятельному национальному существованию, в свою очередь, после формального признания этого единства, создает постулат, необходимый для признания государства. Последнее перестает быть, по своему материальному содержанию, актом произвола, но становится актом необходимости. Другими словами, в смысле иерархическом правовую ценность выше государства является национальность, и последнее должно быть предпосылкой первого. Тут наблюдается синтез вмешательства с признанием, и одна из сторон сложной проблемы вмешательства получает здесь свое второе частичное разрешение. Наряду с охраной принципов общего мира, начало национальности находит здесь свое воплощение и открывается новый путь по охране духовных коллективных интересов людей, как частей единого национального целого.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ПРИЗНАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ⁶⁹³)

§ 64. Признание правительств в современной международно-правовой доктрине. § 65. Правовой характер и правовое значение признания правительств. § 66. Правовые внутри-государственные предпосылки признания правительств. § 68. Признание правительств de facto и de jure § 69. Формы признания. § 70. Правовые последствия признания.

§ 64. Современная господствующая доктрина единогласна в том смысле, что международное право регулирует лишь внешние отно-

⁶⁹³) Anzilotti. Corso, I, 98—102. Bluntschli. §§ 39—45. Borchard. The diplomatic protection citizens abroad or the law of international claims. 1915, 205—212. Calvo. I, §§ 99—104, 182—183. Cobbet. I, 82—83. Creasy, 99—110. Davis, 34. Despagnet. №№ 87—88. Hall, 11—22. Halleck, 90. Heilborn. System, 139 и д.

шения государств и что оно не вторгается в их внутреннюю компетенцию. Если нет каких-либо особых договорных оснований⁶⁹⁴), как это было по отношению к государственному строю Польши со стороны трех соседних держав по договорам 1773 г.⁶⁹⁵ 696), нормально чужим государствам нет никакого дела до того, какое политическое устройство желает у себя установить один или другой народ. Здесь как будто проведена строгая определенная граница, за которую, с точки зрения позитивного права, ни в коем случае нельзя перешагнуть, не производя покушений на «внутренний» суверенитет чужого государства. Последнее остается, как учил еще *Гуго Гроций*, одним и тем же при смене формы правления. И современная школа буквально повторяет слова великого голландского юриста, учившего о том, что государство было и остается бессмертным и что Рим в эпоху республики, принципата и империи был одним и тем же. Через три века юристы утверждают то же самое: «*Forma regiminis mutata, non mutatur civitas ipsa*»⁶⁹⁷). При таком простом и элементарном отношении к проблеме вопрос о признании правительств, в сущности, юридически и не ставится. Каждое правительство, только потому, что оно существует, разумно в правовом смысле и должно быть признано другими государствами. Самый вопрос о признании ставится в науке международного права скорее по недоразумению и в сущности должен быть элиминирован, потому что в силу внутреннего суве-

Hershey. 125—126. *Herschey*. Notes on the recognition of de facto governments by European States. A. J. 1920. 499 и д. *Herschey*. Recognition of the new governments. A. J. 1921, 59 и д. *Hobza*. Uznání Sovětů de jure. 1924. Holtzendorff. Н. Н. II, 21—23. *Fauchille*. I, 319—324. *Lagarde*. La reconnaissance du gouvernement des Soviets. 1924. *Larnaude*. Les gouvernements de fait R. G. 2 III, 457 и д. *Lawrence*. Principles, 90. *de Louter*. I, 245. *Liszt*. 47. *Lorimer*. R. J. 1888, 333 и д., 359 и д. *Mac Gregor*. El renonciamiento de los nuevos gobiernos segun el senador. Fall. R. Mex. III, 1921, 188 и д. *Moore*. D. I, 119—164. *Moore*. Principles, 209 и д. *Le Normand*. 266—275. *Phillimore*. I, II chp. 7. II, V chp. 4, XIV и д. *Piedelièvre*. §§ 135—142. *Pradier-Fodéré*. I, 149—155. *Oppenheim*. I. § 75, § 77. § 342. *Rivier*. Principes. I, 62—63. *Podesta-Costa*. Règles à suivre pour la reconnaissance d'un gouvernement de facto par des Etats étrangers. R. G. 2 IV. *Rougier*, 481 и д. *Scelle* R. G. XXI, 117 и д. *Scelle*. La reconnaissance des Soviets et la théorie des gouvernements de fait. L'Europe Nouvelle. 1922, 360 и д. *Strupp*. 51. *Twiss*. I, §§ 18 и 21. *Ullmann*. § 35. *Wheeler* Governments de facto. A. J. 1911, 66—83. *Westlake*. I, 58—59. *Wheaton*. §§ 28—32. *Wiessé*, 235 и д.

⁶⁹⁴) *Strupp*. Bürgerkrieg. W. VR. I, 173.

⁶⁹⁵) *Пазухин*. Собрание договоров и грамот. 1922, 353—354.

⁶⁹⁶) *Strupp*. Bürgerkrieg. W. VR. I, 173.

⁶⁹⁷) Ср. *de Louter*, I, 245.

ренитета другим государствам нет никакого дела до того, как содалась и упрочилась новая власть.

Господствующая доктрина исходит не из идеи правового обобществления, совершающегося в наши дни, но она стоит на старой архаической точке зрения, что в основе международного права лежит примат государства и что только им одним определяется существование норм, связывающих его своими правовыми велениями. Доктрина признания правительства в международном праве всецело основывается на традиционных предпосылках и поэтому она считает, что в данном случае имеется на лицо не столько акт, определяемый правом, сколько событие, регулируемое международной вежливостью (*comitas gentium*) или международной моралью⁶⁹⁸). Американский юрист *Hershey* рекомендует уделить некоторое время на размышления прежде, чем признать правительство, возникшее через революцию или насилие⁶⁹⁹). Немецкий ученый *Strupp* уверен, что проблема признания правительства относится не к явлениям правового характера, но политического⁷⁰⁰). Наконец, известный французский интернационалист *Fauchille* пришел к удивительному выводу: «*La reconnaissance du nouveau gouvernement installé dans un Etat constitue un bon procédé*»⁷⁰¹). Традиционная доктрина однако, как это особенно выражено в американской практике, считает, что формально чужое государство имеет право признавать, или не признавать правительство и что нет обязанности давать международную санкцию всякой власти, возникшей внутри государства. Подобное утверждение, вытекающее из практики, однако смягчается тем, что фактически существующее правительство через свое реальное существование, как бы санкционирует само себя и в свою очередь может, в ответ на непризнание, прибегнуть к риторсиям или репрессалиям⁷⁰²). Здесь наблюдается своеобразное противоречие, потому что, если каждое государство совершенно автономно в своей внутренней организации, оно как будто имеет право требовать полного уважения этой автономии со стороны третьих держав, которые в свою очередь не в праве, но обязаны при-

⁶⁹⁸) «Ainsi point n'est besoin d'une reconnaissance juridique expresse, mais en général, elle est, par courtoisie internationale, demandée et accordée» — *de Louter*. I, 245.

⁶⁹⁹) *Hershey*, 125.

⁷⁰⁰) *Strupp*, 51.

⁷⁰¹) *Fauchille*. I, 320.

⁷⁰²) *Oppenheim*. I, § 77. *Liszt*, 47.

знавать всякое существующее правительство⁷⁰³). 13 марта 1793 г. ст. секр. Джефферсон писал американскому послу в Париже Моррису, что американцы ни в коем случае не могут отрицать права нации создавать у себя управление по своему желанию и менять это управление когда это ей заблагорассудится, или давать внешнее представительство любому органу: королю, учредительному собранию, народному собранию, комитету, президенту или еще кому-либо⁷⁰⁴). Единственным решающим моментом является воля нации, и воля нации⁷⁰⁵) может проявиться не только в факте избрания, или плебисците, она может выразиться и в молчаливом признании деспотической власти, принимаемой пассивно и получающей свою санкцию в факте отсутствия восстаний или волнений в широких народных массах. Иначе обстоит дело, если сама власть признает себя временной и считает своим долгом вести управление до того момента, когда воля народа выразится в законной, т. е. конституционной форме⁷⁰⁶).

Такая теория, выросшая из американских прецедентов, покоится на некоторых предпосылках, имеющих притязание на всеобщую обязательность по своей внутренней присущей им справедливости. Такая теория «народного признания» является международным учением, желающим стать нормою государственного права. И подобным способом в сущности разрушается теория «внутреннего суверенитета», потому что создаются определенные правила поведения государственной власти в ее внутренних отношениях. Традиционная доктрина закрывала глаза на эти противоречия и не пыталась отрицать, что внутри-государственные потрясения и революционные перевороты, могут быть объектом международно-правовой оценки. Однако сама жизнь и эмпирический реальный мир отношений народов требовали от международно-правового порядка ответа на вопросы, на которые никогда не может дать ответа никакое конституционное право⁷⁰⁷).

⁷⁰³) «En droit international on pourrait dire qu'il n'y a même pas lieu de reconnaître officiellement un gouvernement de fait, il n'y a qu'à constater son existence». Scelle в L'Europe Nouvelle. 1922, 361.

⁷⁰⁴) Moore. D. I, 120.

⁷⁰⁵) «...the will of nation is the only thing essential to be regarded». Moore. D. I, 120.

⁷⁰⁶) Ср. Moore. D. I, 120—121, 123 и 125.

⁷⁰⁷) «...alle Staatsverfassungen gehen von der Fiktion aus, dass jeder Machtzustand seit seiner Entstehung legitim und der gegebene formale Staatsbestand von ewiger Dauer sei. Das Staatsrecht ist somit ausser Stande, die geschichtlichen Thatsachen der Neubildung und des Untergangs der Staaten nach positiven Grund-

С точки зрения опытной имеются на лицо акты государств, регулируемые международными позитивными нормами, и называемые признанием правительства, и возникает совершенно неизбежно вопрос о правовом характере и значении этих актов, о дестинаторах этого акта, о формах его и о правовых последствиях этих актов. Наконец, может быть поставлена еще одна проблема не об анализе данных позитивных норм, не *de lege lata*, но о нормах грядущего права, о тех переменах, которые происходят в действующем праве, о его реформе, или, выражаясь юридически, может быть поставлена проблема *de lege ferenda*. В этих пределах и придется рассмотреть проблему признания правительства в международном праве.

§ 65. Правовое значение признания правительства прежде всего состоит в том, что оно или предполагает или же включает в себе признание государства. И признание правительства и признание государства осуществляются формально одними и теми же способами, и американская практика, начиная со второго десятилетия XIX века говорит о признании правительств *de facto*, законными не в смысле действительного признания правительств, но в смысле признания новых государств. И, если теоретически не допустимо смешивать признание правительств с признанием государств, то надо отметить, что международная практика сознательно смешивала обе проблемы. И надо прибавить, что это смешение имеет свои глубокие корни, потому что очень часто трудно провести границу между фактом возникновения новой власти через революционный переворот и фактом нарощения нового государства. Утверждение: «*Forma regiminis mutata, non mutatur civitas ipsa*» далеко не является таким простым и понятным, потому что всякое государство есть прежде всего правовая «форма», есть комплекс властных отношений на основе права, и когда разрушается правопорядок, тогда довольно трудно говорить о сохранении (в юридическом, не в социологическом смысле) государства⁷⁰⁸).

Эмпирически международная практика дает много спорных прецедентов. По закону 17 марта 1861 г. начала свое правовое бытие

zätzen zu bestimmen, während das Völkerrecht den in der Weltgeschichte unvermeidlich eintretenden Wechselfällen, und den vollendeten Thatsachen, sobald sie den Charakter der Zuständigkeit gewonnen haben, ihre Daseinsberechtigung durch den Art der Anerkennung zu gewährleisten und den *Zwiespalt* zwischen der überlieferten Rechtsformel und der historischen Thatsachen aufzulösen vermag» Holtzendorf в Н. Н. I, 51. Ср. в новейшее время Kelsen. Problem. 239—241.

⁷⁰⁸) Sander. Das Faktum der Revolution und die Kontinuität der Rechtsordnung. Z. Ö. R. 1919—1920. 132—164. Beling. Revolution und Recht. 1923.

Италия, но было бы совершенно ошибочно думать, что в данном случае возникло новое государство, с новым населением, новой властью и новой территорией⁷⁰⁹). С точки зрения международной преобладает воззрение, что единство Италии создано *per incorporationem* через простую аннексию итальянских областей и государств, а не через их добровольное слияние (*per confusionem*)⁷¹⁰). Италия является увеличенной Сардинией и является не новым, а старым государством с той же Савойской династией. Вопрос шел не о революции и не о героической борьбе народа за свое единство, а лишь о расширении владений сардинского короля. Международное признание Италии, последовало не в виде признания нового государства, но в виде признания за сардинским королем права впредь именоваться «Королем Италии»⁷¹¹). В соответствии с этим последовали изменения в дипломатическом ритуале, и дипломатическим представителям великих и малых держав в Турин были посланы новые аккредитивы. Конечно, проблема до настоящего времени остается спорной. Материально было новое государство и новая власть, но формально существующие правительства не считали возможным санкционировать национальную революцию в Италии, изгнание из Тосканы, Пармы и из королевства двух Сицилий законных государей, и, в сущности, по мотивам политическим, создали фикцию о простой перемене правительства. Эта проблема ставится и в новейшее время. Если Австрийская республика бесспорно признается в доктрине новым государством, то С. Жерменский договор в известном смысле устанавливает правовой континуитет старой и новой Австрии⁷¹²). Некоторые сомнения могут быть и относительно Германии, но немецкая доктрина в подавляющем большинстве стоит на точке зрения единства Германского союзного государства до и после ноябрьской революции 1918 г.⁷¹³). Иначе дело обстоит с Советской Росси-

⁷⁰⁹) Ср. однако *Anzilotti*, который делает попытку, вопреки *Gabba*, *Esper-son*, *Olivì*, *Huber*, *Heilborn*, *Hall*, сконструировать народное государство Италии, основываясь на волеизъявлении старых государств создать такое новое государство, а не слиться с Сардинией. *Anzilotti*. La formazione del Regno d'Italie nei riguardi del diritto internazionale. R. I. I. VI. 1912, 1—33.

⁷¹⁰) *Romano*. I caratteri giuridici della formazione del Regno d'Italia. R. J. J. VI. 1912, 346 и д.

⁷¹¹) Ср. ноту *Ricasoli* министр. иностр. дел из Турина о принятии сардинским королем титула короля Италии 31 июля 1861 г. (St. A. I, № 75, 197—202), ср. также ноту переданную в Лондоне *d'Aseglìo* (St. A. I, № 9, 50) и т. д.

⁷¹²) *Verdross*. Entschung von Staaten und der Staaten. W. VR. I, 286.

⁷¹³) *Wenzel*. Der Begriff des Gesetzes. 1920, 295 и д.

ей, которая существует как союзное государство под названием «Союз Социалистических Советских Республик», согласно конституции, принятой на съезде Советов в декабре 1922 г. Как союзное государство Советская Россия могла возникнуть не из унитарного государства, каковым была Российская Империя до октябрьского переворота 1917 г., но из объединения отдельных государств, находившихся между собой на положении Союза государств (*Confédération d'Etats*, *Staatenbund*) с конца 1917 по 1922 г., до того момента, когда было создано новое политическое образование с усиленной центральной властью. Материально здесь имеется новое государство и юридически было бы правильно говорить о признании государства, а не правительства. Между тем международная доктрина (*Fauchille*⁷¹⁴) *Hobza*⁷¹⁵), *Lagarde*⁷¹⁶), *Verdross*⁷¹⁷), *Br. Scott*⁷¹⁸) и международная практика говорит о признании советского правительства, и в этом смысле противоречит тем реальным юридическим отношениям, которые сложились в Советской России и создает фикцию континуитета России старого порядка и России коммунистической⁷¹⁹), ⁷²⁰).

По своему содержанию признание правительств имеет исключительное значение потому, что признание государства без признания существующей власти является *jus nudum*, правом безобъектным, лишенным всякого практического субстрата. Государство реализует свою волю только через свои органы, и только центральное правительство может привести в движение весь государственный механизм в смысле внутренних и особенно в смысле внешних сношений. Признание государства является признанием простой возможности

⁷¹⁴) *Fauchille*. I, 324.

⁷¹⁵) «Rusko jako stát nepřestalo existovati, trvá dosud po právu jako dávno uznaná osobnost mezinárodního práva». *Hobza*. 3.

⁷¹⁶) *Lagarde*. H. 71.

⁷¹⁷) *Verdross*. Einheit, 157—159.

⁷¹⁸) *Br. Scott*. A. J. 1923, 296.

⁷¹⁹) Ср. *Rapisardi-Mirabelli*. I limiti d'obbligatorietà delle norme giuridiche internazionali. 1922, 80 и д. Ср. *бар. Таубе*, «Признание de jure», доклад прочитанный в Берлине. Рунль 19 марта, 1924 г.

⁷²⁰) Британская нота о признании советского правительства переданная Чичерину в Москве 2 февраля 1924 г., формулирована удивительно своеобразно:

«По поручению моего правительства имею честь известить ваше превосходительство, что оно признает Союз Советских Социалистических Республик в качестве правительства тех территорий бывшей Российской империи, которые подчиняются его власти». По этому поводу надо отметить, что Союз Сов. Соц. Республик является государством, а не правительством. Ср. текст ноты в «Известиях» 3 февраля 1924 г. № 28. *Times*, 9 февраля 1924 г.

осуществления им своих функций. Только власть дает душу и энергию для деятельности и через живых людей создает реальные связи политического (через дипломатических представителей) и экономического (через консульских агентов) характера. Только власть может обывывать в международном смысле государство, и для международных сношений нужна постоянная и реальная власть, потому что аккредитивы дипломатическим представителям даются не без имени и не без констатирования органа, но с определенным указанием личности и положения того, кто стоит во главе государства и кто получает аккредитив. Поэтому при насильственном перевороте автоматически рвутся имевшиеся на лицо международные связи, и известная международная необходимость призывает к жизни формальный акт, в силу которого в виде признания правительства восстанавливаются нормальные сношения. Если смена главы государства происходит в силу конституционного закона, тогда указание на орган остается в силе и происходит простая нотификация о замене одного физического лица другим. При революции остается *tabula rasa*, и нужен формальный акт для того, чтобы сообщить правовую силу новым сношениям. В этом смысле признание правительства является единственным объективным констатированием того, что государство продолжает быть одним и тем же. Правовая форма может быть разбита, но через продолжающееся и признаваемое другими государствами единство может быть преодолена катастрофическая доктрина, утверждающая, что при каждом насильственном перевороте возникает новое государство. На самом деле о новом государстве можно говорить, только при наличии объективных бесспорных данных (при возникновении вместо прежнего унитарного государства союза государств или союзного государства), но не при сохранении государством своего унитарного характера и при смене лишь одной формы правления.

Международное признание правительства нормально подтверждает единство государства, как субъекта права, и отсюда вытекает известная норма, провозглашенная на Лондонской Конференции 1830 г., *что никакие внутренние перемены не могут освободить государство от выполнения им своих прежних обязательств. И отсюда вытекает в международной практике склонность к применению возможно больше расширительно нормы о единстве и непрерывности государств, как субъектов права.*

Действительно, если государство сохраняется, и происходит лишь смена правительства, тогда остаются в силе прежние междуна-

родные договоры, как это признавалось в международной практике в Англии в эпоху после революции 1649 и 1689 г., когда правительство Кромвеля и Стюартов и, наконец, Вильгельма Оранского высказывались за обязанность выполнения прежних обязательств⁷²¹). С небольшими колебаниями на такой же точке зрения стояли французские монархические и республиканские правительства в XIX веке, когда, например, после 1852 г., Наполеон III не оспаривал действительности договоров ранее заключенных при Людовике-Филиппе, или в промежуток короткого существования II республики, и позднее, когда те же принципы были подтверждены и республиканскою властью после 1870 г. (ср. особенно ноту французского министра иностранных дел de Remusat 27 декабря 1872 г. по поводу Франко-Швейцарского договора 1869 г.⁷²²).

Точно также при простой смене правительства остаются в силе финансовые обязательства и государственные займы. Однако практика в этом отношении дает сравнительно мало прецедентов. Можно указать на займы, заключенные в Португалии при Дон Мигуеле в 1832 г. и сохранившие силу для позднейшего законного португальского правительства. Наоборот, в американской практике наблюдается тенденция, сводящаяся к тому, что акты революционной власти не имеют правовой силы (конституции Сальвадора ст. 69, Гондураса ст. 99, Венецуелы ст. 104, Чили ст. 151 и 160, Перу, ст. 10)⁷²³). Однако, эти конституционные нормы имеют силу только по отношению к актам нового правительства, насильственно захватившего в свои руки власть, и этими статьями отнюдь не аннулируются законные акты старой власти. Поэтому правительства союзных держав, исходя из принципа, что переворот в России 1917 г. был лишь сменой правительства, в декларации 28 марта 1918 г., в связи с опубликованием советом народных комиссаров декрета об аннулировании русских внешних государственных займов, указывали, что нет принципа более твердо установленного, чем начало ответственности государства за действия правительства, при чем никакие смены правительства не могут поколебать правильности этого основного начала: *«Ces engagements ne peuvent être répudiés par aucune autorité, quelle qu'elle soit sans quoi la base même du droit international se trouverait ébranlée»*⁷²⁴). (ср. также коллективную ноту 14 союзных и 6 ней-

⁷²¹) Fauchille. I, 339—340

⁷²²) Ibid., 340.

⁷²³) Ibid., 339.

⁷²⁴) Fauchille. I, 342.

тральных держав 13 февраля 1918 г.)⁷²⁵). Наконец, в силу единства субъекта права сохраняется и начало ответственности за действия прежней власти со стороны новой. Поэтому французское правительство в 1832 г. сохраняло ответственность за действия Франции при Императоре Наполеоне I и вынуждено было уплатить в силу соглашения с Соединенными Штатами Северной Америки за убытки американских подданных во время войны Наполеона сумму в 25 милл. франков⁷²⁶). Начало единства государства, как субъекта права, приводит таким образом к правовой обязанности выполнять свои международные обязательства, и такое выполнение может стать предпосылкой признания нового правительства. Поэтому Верховный Сов. т союзников, в своей известной резолюции о созыве международной конференции 6 января 1922 г., указал на известные правовые условия признания советской власти в России. Некоторые условия, как например, обязательство воздерживаться от нападений, имеют политический характер, другие имеют правовое значение. К последним относится прежде всего установление принципа невмешательства: «Народы не могут претендовать на право предписывать друг другу принципы, на которых основывается внутреннее управление в области права собственности, экономических отношений и просветительной системы. Каждый народ волен установить тот режим, который он предпочитает» (ст. I), «Все народы должны дать обязательство воздерживаться от всякой пропаганды, враждебной порядку и политической системе других стран». Эти начала как будто формулированы ясно. Однако значительно менее определенно формулировано начало и принцип сохранения международных обязательств. Дело идет не об абсолютном принципе, но о гарантиях, на которые могут притязать не старые, а новые кредиторы. Новые внешние займы могут быть заключены лишь при условии: «если народы (или правительства народов), желающие получить иностранные кредиты, свободно обяжутся:

а) признать все государственные долги и обязательства, заключенные или имеющие быть заключенными или гарантированными государствами, муниципалитетами и прочими государственными учреждениями, а также признать обязанность восстановления или вознаграждения иностранных подданных за убытки, понесенные ими при прежней конфискации или секвестре их имущества;

⁷²⁵) Ibid. примеч. 2.

⁷²⁶) Pradier-Fodéré. I, 273. Ср. также решение Палаты третейского суда в Гааге 11 октября 1922 г. в R. G. 2 IV. 1922, 256 и д.

б) установить легальную юридическую систему, которая санкционировала бы и обеспечивала выполнение договоров — торговых и иных».

Формулировки обязанности признать прежние внешние займы правительства в этой декларации нет, и это было чрезвычайной правовой жертвой, на которую должны были пойти союзники, чтобы обеспечить возможность переговоров с Советской Россией. Но эта резолюция содержит непреодолимое противоречие, потому что, с одной стороны, она провозглашает полную свободу государства устраивать у себя какой угодно строй и наряду с этим требует установления законности внутри страны, как необходимой гарантии нормальных экономических сношений Советской России с другими народами. Это противоречие оказалось непреодолимым, как в Генуе, так и в Гааге. С точки зрения юридической однако необходимо признать, что дипломатическая практика великих держав в значительной мере поколебала значение международных прецедентов о правовом континуитете государства при смене правительства. Однако в своем общем значении принцип соблюдения существующих норм международного права не оспаривался советским правительством и в таком широком смысле сохранял свою силу как теоретически, так и практически.

В конечном итоге первой предпосылкой признания нового правительства является *подчинение представляемого им государства велениям международного права со всеми вытекающими отсюда конкретными обязанностями по отношению к остальным существующим государствам.*

§ 66. Наряду с принципиальным признанием обязательности норм международного права, нужна со стороны существующего, но не признанного правительства и наличие некоторых других оснований, вытекающих из его внутреннего положения. Конечно, по мнению господствующей доктрины, нельзя заниматься рассмотрением вопроса о том, насколько власть законна по своему происхождению. Каждая революция разрушает существующий правовой строй и на развалинах старого порядка строит новые отношения. Подходить к революционным событиям с оценкой их «законности» — невозможно. С точки зрения господствующей доктрины, считается недопустимым признание нового правительства, с одновременным выражением ему порицания за его революционное происхождение, как это сделал Император Николай I, признавая Короля Людовика-Филиппа в 1830 г.⁷²⁷) или как это позволили себе Пруссия и Россия по отноше-

⁷²⁷) Martens. N. R. XI, 1837, 208—209.

нию к новой власти, возникшей в Италии в 1861 г.⁷²⁸⁾⁷²⁹⁾⁷³⁰⁾. Значит ли это однако, что с точки зрения международной совершенно безразлично, на каких основах возникнет новая и еще не признанная власть? Доктрина вынуждена допустить, что иностранное государство в праве выяснить, является ли новая власть фактически принятой населением и повинуются ли последнее первой, потому что, если нет этого «народного» признания, как может новая власть представлять во вне свой народ и обязывать его перед другими государствами? Вопрос, поставленный таким образом, тесно связывает внутреннее неформальное признание власти, собственным народом с внешним — чужими государствами. И доктрина, как в лице сторонников идеи народного суверенитета (*Le Normand*)⁷³¹⁾, так в лице противников (*Triepel*)⁷³²⁾ вынуждена признать, что последним основанием власти и во внутренне и во внешне политическом смысле является воля народа, которая может проявиться, как в конклюдентных действиях⁷³³⁾, так и в определенных правовых актах (выборы в учредительное или национальное собрание, или плебисцит⁷³⁴⁾). Американская практика принципиально придает большое значение проявлению этой народной воли. Так, в июне 1863 г., Соединенные Штаты признали революционное правительство генерала Mosquera в Колумбии, потому что было установлено: «an universal acquiescent of the pro-

⁷²⁸⁾ Ср. ноту 15 июня и 18 июля 1861 г. St. A. I, № 13, 52 и St. A. II, № 209, 82—83.

⁷²⁹⁾ Ср. ноту 4 июля 1861 г. St. A. III, № 406, 137—138.

⁷³⁰⁾ Ср. ноту 6 августа 1861 г. St. A. III, № 403, 135 и д.

⁷³¹⁾ *Le Normand* согласен с *Rivier*, который утверждает: «Il n'y a pas de juge terrestre, au dessus des nations, pour annuler les actes injustes ou prononcer sur leur justice ou injustice», но все-таки французский юрист не может отрицать, что при признании правительства нужен какой-то объективный критерий для выяснения его необходимости и устойчивости. Как же его установить? *Le Normand* отвечает: «Par la reconnaissance de la population». — «*Le fait juridique trouve sa justification dans la volonté commune des associés...*» *Le Normand*, 273—274.

⁷³²⁾ *Triepel*. Das Interregnum. 1882. Несмотря на последовательное проведение принципа «легитимности», в конце концов он тоже вынужден прибегнуть к «народной воле», 85 и д.

⁷³³⁾ *Larnaude* говорит о «l'adhésion tacite». «Cette obéissance, en un mot, doit revêtir les mêmes caractères que ceux qui se rencontrent dans obéissance aux gouvernements de droit». *Larnaude*. Les gouvernements de fait. R. G. 2 III. 1921, 493. Ср. *Podesta Costa* в R. G. 2 IV. 1922, 51.

⁷³⁴⁾ Иногда может быть совпадение нескольких актов. Так, в Италии в 1861 г. сначала имел место плебисцит, и затем результаты его были санкционированы национальным собранием.

visional government⁷³⁵⁾. Однако в 1867 г. «a general consent of the Columbian people» привел к свержению правительство Mosquera и к захвату власти Santos-Acosta, который однако не был признан Штатами⁷³⁶⁾.

В 1895 г., в виду переворота в Эквадоре, ст. секретарь *Adee* в инструкциях *Tilmann* писал 6 сентября: «As to formal recognition, the practice of the Government has been to enter into effective relations with de facto government when it shall have been fully established with the general consent of the people⁷³⁷⁾. Таким же образом было поступлено по отношению к Бразилии, когда там в 1889 г. была свергнута императорская власть и провозглашена республика⁷³⁸⁾. Наконец, имеется один случай, когда народная воля как будто нашла свое выражение, но Соединенные Штаты отказались ее признать. Я говорю об учреждении в Мексике, в силу плебисцита, в 1864 г. императорской власти и отказе Штатов признать эту власть. Однако плебисцит имел место при наличии иностранной военной оккупации, и поэтому Штаты имели серьезное основание не доверять подобному народному волеизъявлению⁷³⁹⁾. Такие же принципы применяли Штаты и при признании в новейшее время Китайской республики⁷⁴⁰⁾. В докладной записке 28 марта 1913 г., представленной по этому поводу заместителем ст. секретаря *Adee*, говорилось, что Штаты наряду с вопросом о способности нового правительства выполнять международные обязательства и наряду с фактическим контролем над администрацией всегда требовали: «the general acquiescence of the people» и при этом не придавали значения форме правления. В послании президента Вильсона, содержащем признание новой Китайской республиканской власти, Юан-Ши-Каю 2 мая 1913 г. говорится о том, что Китай вступает в международное общение и что, благодаря республиканской форме правления, Китайский народ достигнет высшей ступени культуры, причем особенно подчеркивается принцип «Self-governments»⁷⁴¹⁾. Наконец, провозглашение принципа народной воли нашло свое выражение не только в тексте послания

⁷³⁵⁾ *Moore*. D. I, 138.

⁷³⁶⁾ *Moore*. D. I, loc. cit.

⁷³⁷⁾ *Moore*. D. I, 156.

⁷³⁸⁾ *Moore*. D. I, 160—161.

⁷³⁹⁾ *Jankoff*. Die europäische Intervention in Mexico. 1890, 45—48. *Moore*. D. I, 147.

⁷⁴⁰⁾ Papers relating to the Foreign Relations of the United States. 62. D. Cong. 2 D. Sess. 1913—1914 (1920) 100 и д.

⁷⁴¹⁾ *Foreign Relations*. 1914., 110.

но и в том факте, что оно последовало 2 мая, когда Китайское Национальное Собрание окончательно сконструировалось и правительство Юан-Ши-Кая получило свою конституционную санкцию. Аналогичные начала с известными вариантами применялись Штатами при признании революционного правительства в Перу в 1914 г.⁷⁴²⁾, Мексиканского правительства Карранцы в 1915 г.⁷⁴³⁾ или, наконец, при признании Русского Временного Правительства 21 марта 1917 года⁷⁴⁴⁾.

Эти принципы не были особенностью американских правовых прецедентов. Совершенно аналогичный характер имело отношение европейских государств к республиканской Франции, когда Англия, Австрия и Россия вступили в фактические сношения с правительством Национальной Обороны, но, в ответ на попытки Министра Иностранных Дел Жюля Фавра добиться признания республиканской власти *de jure*, указывали, что подобное признание будет иметь место лишь тогда, когда существующая власть получит санкцию со стороны большинства французского населения⁷⁴⁵⁾. С другой стороны и германский канцлер не признавал официального характера за революционной властью и только, после созыва национального собрания в Бордо и создания власти на правовой основе, последовало признание нового французского правительства со стороны большинства европейских держав.

Таким образом, прецедентным путем сложилась вторая предпосылка признания правительства и эта предпосылка, являющаяся своеобразным вторжением международного права в сферу внутригосударственных отношений, получила свое освящение в правовой практике народов в течение XIX и XX веков.

§ 67. Признание может быть различно по своему внутреннему содержанию и внешнему проявлению. Теоретически допустимо условное признание правительства, как допустимо и условное признание государства. Действительно, всякие международные обязательства, возложенные на государство, осуществляются правительством и,

⁷⁴²⁾ *Foreign Relations*. 1914 (1922), 1061 и д.

⁷⁴³⁾ *Finch* в *A. J.* 1916, X, 357.

⁷⁴⁴⁾ *Intern. Documents Naval War College*. XVIII, 1918, 208, там же и ответ министра иностранных дел П. Н. Милонова.

⁷⁴⁵⁾ Ср. депешу лорда Гренвилля британскому послу в Париже 1 октября 1870 г. Нельзя признать *de jure* правительство Национальной Обороны, потому что «*the voice of France speaking in a Constituent Assembly could alone determine the form and character of the Government whom the destinies of France should be finally committed*». *St. A.* XI, 1871. № 4373, 329.

если допускается возможность международного признания правительства, то непонятно, почему оно не может быть условным. Такой порядок был очень распространен в Европе в XVII и XVIII веках, в виде гарантии порядка престолонаследия для той или иной династии. Получая свое международное освящение, эти нормы внутригосударственного права, становились обязательными для существующего правительства. В новейшее время тоже очень часто практиковалась система условного признания правительства. Нормально однако эти условия не имели револютивного характера, и невыполнение условий не влекло за собой аннулирования признания. Когда в 1861 г. возникла объединенная Италия, почти все великие державы, кроме Англии, сочли нужным поставить свое признание в зависимости от выполнения Италией ряда условий. Пруссия считала необходимым, в ноте 4 июля 1862 г., для безопасности юга Германии(?) потребовать от Италии гарантии неприкосновенности Венеции (принадлежавшей тогда Австрии) и Рима, который должен был остаться светским владением папы⁷⁴⁶⁾. Италия в ответной ноте министра иностранных дел *Durando* согласилась, что вопрос о Венеции и Риме не может быть решен насильственным путем⁷⁴⁷⁾. Франция, в ноте 15 июня 1861 г., тоже настаивала на гарантиях для Рима, но затем отказалась от этих притязаний. Россия требовала от Италии гарантий, чтобы она не стала центром революционного движения в Европе⁷⁴⁸⁾, но затем согласилась, что новая власть достаточно сильна: «*pour réprimer toute tentative des partis extrêmes qui pourrait troubler la paix générale*» и поэтому сочла возможным признать итальянское правительство (нота 6 августа 1862 г.)⁷⁴⁹⁾.

Аналогичная проблема условного признания выдвигалась и в американской практике, и особенно президент Вильсон считал нужным напомнить мелким американским государствам, что признание со стороны Штатов обязывает признаваемые правительства под-

⁷⁴⁶⁾ *St. A.* III, 137—138.

⁷⁴⁷⁾ *Ibid.*, 140. Австрия осталась очень недовольна простыми обещаниями Италии. Гр. *Rechberg*, австрийский министр иностранных дел, в ноте берлинскому послу заметил, что все эти гарантии не стоят того листа бумаги, на котором они написаны. *Ibid.* № 409 (нота 26 июля 1862 г.), 141—142.

⁷⁴⁸⁾ *St. A.* I. № 13, 52 и 11, № 209, 82—83.

⁷⁴⁹⁾ Россия в конце 1860 г. отозвала из Турина своего дипломатического представителя и прекратила с Сардинией всякие сношения. Только в августе 1862 г., благодаря посредничеству Франции, Россия согласилась признать Италию. *St. A.* III, № 403, 135—137. Ср. также *St. A.* IV, № 477, 24, 25, № 478, 25—26.

держивать конституционный порядок. Признание в Мексике правительства Карранцы в 1915 г. последовало лишь после того, как от Карранцы была передана в Вашингтон письменная декларация, где он указывал, что считает для себя обязательными следующие принципы: «... the laws of reform which guarantee individual freedom of worship according to every one's conscience shall be strictly observed. Therefore the Constitutionalist Government will respect everybody's life, and religious belief without other limitations than the preservation of public order and the observance of institutes in accordance with the laws in force and the constitution of the Republic»⁷⁵⁰). Через несколько дней после представления этого заявления американский ст. секретарь сообщил представителю Карранцы о признании последнего как правительства *de facto*⁷⁵¹).

§ 68. Традиционная доктрина обыкновенно различает виды признания в зависимости от того, является оно *de facto* или *de jure*. Это различие основано на большом недоразумении. Признание всегда будет формальным актом, и для отдельных государств, являющихся субъектами этого акта, нужна известная определенность и точность, выражающаяся в том, что только *определенным действием*, совершающимся в *указанной правом форме*, в *одну точно известную дату*, придается характер признания, имеющего исключительное значение, потому что оно является отправным и исходным моментом целой цепи дальнейших правоотношений (договорных, дипломатических, административных и внутри-судебных), потому что только признанное правительство или может выступать как юридическое лицо перед иностранным судом, или может притязать на то, чтобы его акты в известных случаях не были подсудны местным судам. Право не может оперировать с чистыми фактами, оно оперирует с фактами, поскольку они определены или связаны с правом. Признание никогда не может быть фактическим, а будет всегда юридическим и говорить о признании *de facto* и *de jure* так же нелепо, как говорить о сделках *de facto* и *de jure*⁷⁵²). В основе неправильной

⁷⁵⁰) *Finch* в *A. J.* 1916, X, 362. Интересно сопоставить с этим проект договора с Мексикой, выработанный сенатором *Fall* и устанавливающий под видом признания свободы совести привелигированное положение американских миссионеров в Мексике. *Dillon*. *L'emprise des Etats Unis au Mexique*. *L'Europe Nouvelle*. 1922, 238—239. *Mac Gregor* в *Revista mexicana de derecho intern.* III, 188 и д.

⁷⁵¹) *Finch*. *Ibid.*, 356.

⁷⁵²) На диаметрально противоположной точке зрения стоит *Scelle*: «Nous pensons même qu'il n'y a pas lieu de distinguer en matière internationale entre

терминологии лежит совершенно другое правовое начало. Признание может различаться потому, какую квалификацию оно дает признаваемому правительству. Не признание, но признаваемое правительство может быть квалифицировано *de facto* и *de jure*, и только в этом значении могут применяться эти термины. И это имеет большое значение, потому что, если правительство считается фактическим, отношения к нему могут иметь очень ограниченный или специальный характер. С фактическим правительством можно ограничиваться регулировкой одного какого-либо спорного вопроса (соглашение Франции с Советской Россией по поводу репатриации русских военных, находившихся во Франции)⁷⁵³) но можно установить и более общую цель (поддержание торговых сношений)⁷⁵⁴); можно, наконец, вступать и в договорные регулярные сношения, можно назначать и принимать агентов и представителей пользующихся вполне иммунитетом, и тогда признание фактического правительства будет почти совпадать с признанием правительства *de jure* и разница будет только в одном — в отсутствии того торжественного формального акта, который из правительства *de facto*, как органа международного представительства, делает его правительством *de jure*. Это преобразование иногда предопределяется внутренними событиями в государстве, отражающимися и на международном статусе власти.

В 1870 г. Соединенные Штаты в торжественной форме, через несколько дней после революционного переворота и свержения Наполеона III и его потомства, признали правительство Национальной Обороны, правительством *de jure*. 7 сентября американский посол *Washburne* писал новому французскому министру иностранных дел Жюль Фавру: «J'ai reçu la nuit dernière à onze heures la communication que vous m'avez fait l'honneur de m'adresser à la date du 5 courant et par laquelle vous me faisiez savoir que, en vertu d'une résolution adoptée par les membres du Gouvernement de la Défense Nationale, le Département des Affaires Etrangères vous avait été

la reconnaissance *de jure* et la reconnaissance *de facto*. Un Etat étranger ne doit s'occuper que de la constatation *d'un fait*: l'existence d'une autorité avec laquelle il puisse traiter. Il n'y a que se préoccuper *d'un fait*: la possibilité matérielle où se trouve un gouvernement à se faire obéir, et d'assurer l'exécution, des obligations d'Etat qu'il représente». *Scelle* в *l'Europe Nouvelle*. 1922, 361. Конечно в признании есть всегда фактический момент, но с юридической точки зрения важна его правовая оценка. Ср. *Podesta Costa* в *R. G.* 2. IV. 1922, 51.

⁷⁵³) *Lagarde*. 78—79.

⁷⁵⁴) Ср. соглашение Англии с Сов. Россией 16 марта 1921 г. *Lagarde*. 101 и д.

confié. J'ai à mon tour la satisfaction de vous annoncer que j'ai reçu de mon Gouvernement un télégramme par lequel il me donne mission de reconnaître le Gouvernement de la Défense Nationale comme le Gouvernement de la France. En conséquence je suis prêt à entrer en relations avec ce Gouvernement, et, si vous le voulez bien, à traiter avec lui toutes les affaires ressortissant aux fonctions que je suis revêtu.

En faisant cette communication à votre Excellence, je la prie d'agréer pour elle-même et pour tous les membres du Gouvernement de la Défense Nationale les félicitations du Gouvernement et du peuple des Etats-Unis; ils auront appris avec enthousiasme la proclamation de cette République, qui s'est instituée en France sans qu'une goutte de sang ait été versée et ils s'associeront par le coeur et sympathiquement à ce grand mouvement qu'ils espèrent et croient devoir être fécond en résultats heureux pour le peuple Français et pour l'humanité toute entière»⁷⁵⁵). С точки зрения традиционной терминологии это было признанием *de jure*, с точки зрения правильного юридического словоупотребления это было признанием революционной власти правительством *de jure*, имеющим право говорить в международных сношениях от имени Франции.

Наряду с этим 5 сентября того же года британский ст. секретарь лорд Granville телеграфировал английскому послу в Париже, что последний должен оставаться в столице Франции, пока там остается дипломатический корпус, что главная его задача должна заключаться в охране личных и имущественных интересов подданных Британского Величества, проживающих во Франции. В конце депеши говорилось: «You will, to that effect, communicate with any *de facto* government (but without any formal acknowledgment of such) that may hold power for the time being, until you receive further instructions for me»⁷⁵⁶). Это было, выражаясь неточно, признанием *de facto*, или же, более правильно, признанием правительства Национальной Обороны, правительством *de facto*. Такая квалификация имеет свои исторические корни в самом происхождении слов «*gouvernements de fait*», «*governments de facto*», которые, повидимому, были пущены в оборот в двух противоположных оттенках *Штабрианом* в эпоху Веронского конгресса (1822) и в том же году в послании Американского президента Монро по поводу признания новых южно-американских государств, отделившихся от Испании. Исторически теория правительств *de facto* была реакцией против теории легитимиз-

⁷⁵⁵) St. A. XI. № 4357, 313.

⁷⁵⁶) St. A. XI. № 4351, 309.

ма и было утверждением того, что революционное насилие, уничтожая старую власть, не уничтожает государство. Однако международное признание правительств *de jure* очевидно должно находиться в известном взаимодействии с внутренними попытками «легализации» власти, и можно считать, что в тот момент, когда через формальные акты (плебисцит, Учредительное Собрание) власть получила свою конституционную санкцию, другие государства не только вправе, но и обязаны признать новую власть. И в этом смысле здесь происходит совпадение международной и внутри-государственной легализации власти. Однако это совпадение, которое постоянно имело место в новейшей истории Франции (в 1830 г., 1848 г., 1852 г. и, наконец, в 1870—1871 г. г., когда акты народной воли получали свое международное восполнение в виде признания нового правительства), очень часто *не имело места* в истории южно и центрально-американских государств и *не имеет места* в наши дни в Советской России. Тогда происходит применение принципа молчаливого народного согласия — *adhésion tacite*, — или же своеобразной давности — и в силу этих начал власть революционная рассматривается, как власть *de jure*.

§ 69. В признании правительства, как и в каждом правовом акте, большую роль играет внешняя форма. В Америке, в Соединенных Штатах, обращают много внимания на форму и совершенно основательно, в виду того значения, которое имеет как в международной, так и внутри-государственной жизни признание. В Европе наоборот обращают очень мало внимания на форму. Отсюда и получается в правовом смысле совершенно недопустимые случаи, как это было с признанием Англией нового государства — Союза Советских Республик, когда на самом деле британское правительство хотело лишь признать новую советскую власть⁷⁵⁷). Отсюда и недоразумение с признанием со стороны Италии, которая сначала подписала договор с Советской Россией и в своих законодательных палатах одобрила этот договор и только затем в официальной ноте известила Советское правительство о признании. Однако, или признание имело место при принятии в качестве полномочного представителя Советской России Иорданского для заключения договора, и тогда *нота итальянского министра-президента от 7 февраля 1924 г. не имела никакого правового значения*, или же нота имела решающее значение и тогда ранее заключенный договор не имеет сейчас никакой правовой

⁷⁵⁷) Ср. примеч. 720.

силы⁷⁵⁸). Попытки толковать ноту Муссолини, как имеющую обратную силу, невозможно, потому что в тексте ноты об это нет никаких указаний. Нельзя упускать из виду, что соглашения, заключенные с правительством *de facto*, или должны быть подтверждены при признании правительства *de jure*, или должны быть заменены новыми бесспорными договорами. Американская практика в этом отношении может служить образцом для европейских государств. Заместитель ст. секретаря по иностранным делам *Adee* в своем меморандуме, выработанном по поводу признания Китайской Республики, говорит о *шести формах* признания правительства (меморандум 28 марта 1913 г.⁷⁵⁹). Первая форма, наиболее применявшаяся Соединенными Штатами, состоит в извещении (письменном), делаемом американским представителем правительству чужого государства, извещении, которое гласит, что он получил полномочие войти в официальные сношения с новой властью. Одновременно об этом акте ставится в известность и представитель соответственного государства в Вашингтоне. Нельзя не признать, что эта форма наиболее практичная и правильная. Последнее время в такой именно форме последовало признание Советского правительства со стороны Норвегии 16 февраля 1924 г.⁷⁶⁰.

Второй способ, наиболее часто применяющийся европейскими государствами, состоит в передаче личного письма главы государства в ответ на нотификацию со стороны нового правительства о его вступлении в управление страной. В этом личном письме формулируется признание, и в такой форме признание получает более торжественный характер.

Третьей формой может быть прием нового представителя от государства, где произошел переворот, причем представитель принимается со всем ритуалом, установленным для дипломатических агентов и с передачей главе государства аккредитива. Такая форма может иметь изолированный характер, но может совпасть с первой и второй.

Четвертой формой будет прием прежнего дипломатического агента государства, где произошла революция, президентом или монархом, причем первый передает нотификацию о происшедшей перемене формы правления и, в ответ на эту нотификацию, сейчас же

⁷⁵⁸) Текст итальянской ноты в «Известиях». 9 февр. 1924 г. № 33.

⁷⁵⁹) *Foreign Relations*. 1913—1914 (1920), 100—103.

⁷⁶⁰) Ср. с нотой 16 февр. 1924 г. норвежского представителя в Москве. «Известия» 19 февр. 1924 г.

подтверждаются прежние права этого дипломатического агента. Однако эти акты никогда не могут осуществляться в простой форме, а должны сопровождаться последующим обменом письменных нот.

Пятой формой является отправление дипломатического агента от Соединенных Штатов в государство, где произошел переворот, с личным письмом президента или с резолюцией конгресса.

Шестая форма не является самостоятельной, но дополнительной. Именно при внутренней легализации временного правительства (через Учредительное или Национальное Собрание), независимо от уже состоявшегося признания *de jure*, может последовать еще вторичное подтверждение этого признания⁷⁶¹).

Американский заместитель ст. секретаря упускает однако из виду еще одну форму признания: через представление полномочий для заключения международного договора, который должен иметь характер не временного, но постоянного соглашения. В такой форме Соединенные Штаты очень часто признавали государство, и в такой же форме может последовать и признание правительства⁷⁶²) ⁷⁶³). В конечном итоге можно установить три юридически-различные формы признания: а) *через отправление официальных нот*, б) *через прием или отправление дипломатических агентов* и в) *через назначение полномочных лиц для заключения договоров постоянного характера*.

§ 70. По своим правовым последствиям признание нового правительства *de facto* и *de jure* является в корне различным. Как верно отметил русский ученый бар. *Таубе*, признание правительства *de facto* имеет провизорный и временный характер. Оно создает обязательство только между фактической властью и иностранным государством. Соглашения не имеют силу нормальных международных договоров, представительство, хотя и располагает иммунитетом, но тоже имеет специальный характер и служит прежде всего для ликвидации срочных текущих дел. Отсюда и вытекает с правовую необходимостью тот результат, что если фактическое правительство в свою очередь свергается новым революционным взрывом, его обязательства не имеют *никакой юридической силы* для следующего правительства. К этому в сущности и сводится та правильная мысль, которая лежит в основе конституционных законов южно и центрально-американских республик, запрещающих преемство между властью

⁷⁶¹) *Foreign Relations*. 1913—1914 (1920), 102.

⁷⁶²) Ср. выше § 54 и особ. *Moore*. D. I, 90—92.

⁷⁶³) *Foreign Relations*. 1914, 102.

фактической и конституционной. Противоположная точка зрения некоторых французских ученых (*Larnaude*⁷⁶⁴), *Scelle*⁷⁶⁵) основывается на соображениях не юридического, но социологического характера. Признание правительства *de jure* делает его единственным органом международного представительства того государства, на которое распространяется его власть. Только через эту власть государство может стать активным и творческим деятелем в международной жизни. Только таким путем могут поддерживаться политические, духовные и торговые связи, только таким путем могут быть действительно защищены интересы подданных государства за границей и только таким путем могут установиться отношения и те многочисленные связи административного характера, которые объединяют весь мир в одно культурное целое. Только признанное правительство может заключать сделки за границей, может покупать и продавать движимость и недвижимость и может притязать на то чтобы его имущество и капиталы пользовались правовой защитой⁷⁶⁶). Только признанное правительство может осуществлять свои функции политического господства и может быть уверено, что и за границей они будут иметь свое правовое значение. Наконец, через признание создается и твердая охрана личных и имущественных интересов подданных и возникает проблема о применении в некоторых случаях национального законодательства признанной власти за границей⁷⁶⁷). Если эти правовые последствия при нормальных условиях жизни народов являются крупным фактором в международной жизни, то сейчас, при признании такого политического строя, который сложился в Рос-

⁷⁶⁴) *Larnaude* в R. G. 2 III, 1921, 491.

⁷⁶⁵) *Scelle* в L'Europe Nouvelle. 1922, 361.

⁷⁶⁶) В этом отношении имело исключительное значение дело акционерного общества *Lyotet* против фирмы *James Sagor*, дело сводившееся к продаже имущества, прежде принадлежавшего обществу *Lyotet*, затем конфискованного Сов. властью и проданного Внешторгом английской фирме *J. Sagor*. Ответчик на суде ссылался на правовую силу декретов советского правительства, и эта ссылка позднее получила санкцию в решении Лондонской Палаты 12 мая 1921 года, которая постановила, что, ввиду признания Англией советского правительства *de facto*, необходимо рассматривать акты советской власти, как акты иностранного государства не подлежащие оценке со стороны британских судов. *Times. Law Report.* 31—XI, 22—XII. 1920. 13—V. 1921. J. I. D. P. 1921, 768 и 987. Иначе вопросы, аналогичные по существу, решались французскими судами. Ср. дело наследников Бунатиян против Опторг (решение Парижского суда 12 декабря 1923 г.) *Gazette de Palais. Janvier, 1924. Lagarde*, 126—128.

⁷⁶⁷) *Lagarde*, 119 и д. Ср. *Quincy Wright. Suits brought by Foreign States by unrecognized. Governments A. J.* 1923, 742—746.

сии именно эти правовые последствия были причиной невозможности сговориться европейской дипломатии с советской в Генуе и Гааге, и эти вопросы впервые получили свое компромиссное разрешение в русско-английских договорах, подписанных в Лондоне в 1924 году⁷⁶⁸). Тут совершенно неизбежны тяжелые правовые коллизии, но в конечном итоге здесь, как и в ряде других революционных потрясений, получится некоторая средняя равнодействующая, которая создаст возможность *временного* сожителства в корне различных правовых систем.

Признание в качестве результата выдвигает принцип взаимного уважения суверенных прав признаваемого и признающего государства. Оно знаменует отказ от попыток вмешательства, то-есть от стремления насильственным и авторитарным порядком подчинить волю чужого государства своей воле. Признание осуществляет с неизбежностью и начало равноправия в международных отношениях. Вместо положения «лишенного мира» — «*Vogelfrei*» устанавливается одинаковое юридическое положение признанной власти с высшими органами других государств. Правовое общение, закрывшее свои двери для той державы, которая переживает внутренние потрясения, снова открывает доступ в свое общество, и это вхождение создает на ряду с обязанностями правового характера, известные обязанности морального свойства, потому что человечество в наши дни, как *humanitas nationum*, стало великим единством, болезненно реагирующим не только на насилия во время международной, но и во время гражданской войны.

⁷⁶⁸) Ср. тексты договоров в L'Europe Nouvelle 1924, 1146, 1150.

О Т Д Е Л VI

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ПРАВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИЗНАНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

§ 71. Признание правительств и идея поддержания общего мира. Права личности и признание правительств. § 72. Синтез вмешательства и признания.

§ 71. В силу сознания своего морального единства, народы не только провозглашают подчинение существующим нормам, но стремятся установить их внутреннюю согласованность друг с другом, и согласованность с нравственными запросами и стремятся к тому, чтобы право приблизилось к более общему и более высокому этическому идеалу. Одной стороной право смотрит в прошлое и связано с историей и обычаями, сохранившимися с далекого времени почти без изменений. Другим лицом право обращено к будущему и стремится, чтобы вместо логических противоречий установилась система норм, вытекающих друг из друга и дополняющих друг друга. В истории права есть известная последовательность и есть своя логика, которая приводит к тому, что право идет и должно идти не только с жизнью и с социальными потребностями, но в известном смысле и впереди их. Учение о признании является не только проблемой данного существующего права, но и проблемой права живого, вечно изменяющего свою внешнюю форму и вечно ищущего приближения к целям выше него стоящим. В своей позитивной форме признание полно противоречий и даже в известном смысле *трудно совместимо с действующим правом*. Два выдающихся английских юриста *Harcourt*⁷⁶⁹) и *Phillimore*⁷⁷⁰) поняли особое значение признания, и если первый сблизил его с вмешательством, то второй считал его «*моральным вмешательством*»⁷⁷¹). Действительно, признание нового правительства по своей внутренней сущности является проблемой оценки, является вопросом о том, насколько может правительство сноситься во вне с другими державами от имени своего государства. В таком понимании эта проблема неразрывно сплетается с оценкой

⁷⁶⁹) *Harcourt*. Letters. I, 3 и д.

⁷⁷⁰) *Phillimore*. II, 20.

⁷⁷¹) *Phillimore*. Ibid., loc. cit. Cp. *Podesta Costa* в R. G. 2 IV. 1922, 56.

внутри-государственных отношений власти к подвластным. Здесь ставится проблема величайшего значения об органической связи международного права с внутри-государственным. Все великие мыслители и политические вожди, выдвигавшие проблему международно-правовой организации, настойчиво останавливались на сближении двух полюсов: *suprema potestas* государства и *suprema potestas* права выше государств — права международного. Кант⁷⁷²), император Александр I⁷⁷³), Сен-Симон⁷⁷⁴) и в новейшее время Вильсон, формулировавший с большой силой лишь старые принципы, провозглашенные отцами американской демократии, все они апологеты однородности правовой структуры государств — членов международного общения. Это начало в конечном итоге оправдывается первым принципом, обосновывающим процессуальную часть международного права — «*querendam esse pacem*». В смысле чисто-позитивном эта проблема возникла в своем реальном юридическом значении в тот момент, когда международный правопорядок в той или иной форме стал регулировать вопросы внутри-государственной междоусобной войны⁷⁷⁵).

Если гражданская война вызывает международно-правовую регулировку в виде применения норм нейтралитета или же норм права морской и сухопутной войны, то тогда неизбежно возникает и другой вопрос: в войне между государствами третьи державы в праве предлагать свое посредничество и в праве рассматривать любую войну не как *res inter alios acta*, но как событие, косвенно или непосредственно их затрагивающее. И в конечном итоге сама теория нейтралитета, как отголосок изжитой индивидуалистической системы может исчезнуть, очищая место заботам о поддержании мира — *paciférat*, о чем учил еще в конце XIX века бельгийский ученый *Descamps*. Во имя материальных интересов, державы могут и должны — как утверждает традиционная доктрина — соблюдать нейтралитет во время междоусобной, гражданской борьбы, но материальные и моральные интересы могут быть направлены к цели не простого умывания рук и присутствия лишь в качестве секун-

⁷⁷²) *Kant*. Zum ewigen Frieden. 1795.

⁷⁷³) Cp. выше §§ 18—20.

⁷⁷⁴) *C. H. de Saint-Simon*. De la réorganisation de la Société européenne ou de la nécessité et des moyens de rassembler les peuples de l'Europe en un seul corps politique en conservant à chacun son indépendance nationale. 1814.

⁷⁷⁵) Научную разработку эта проблема получила впервые в трудах *Wiesse* (1898) и *Rougier* (1903).

дантов, или свидетелей при борьбе, но и к тому, чтобы гражданская война закончилась возможно скорее и чтобы вместо кровопролития установился внутренний мир в стране — жертве революции. Аргентинский министр иностранных дел *Tobar*, анализируя условия политической жизни американских республик, остановился при формулировке своей доктрины главным образом на моральных мотивах и, во имя этических соображений, он решительно отвергает принцип не-вмешательства в международных отношениях⁷⁷⁶). Он отлично сознает, что подобный принцип является сейчас господствующим. И он правильно утверждает, что решительный отказ в признании правительства, возникшего через революционное насилие, с точки зрения общепринятых взглядов, нельзя не квалифицировать, как вмешательство, т. е. как авторитарное давление на волю государства, переживающего переворот. Однако в доктрине мнения по поводу вмешательства далеко не так однообразны, как это может показаться на первый взгляд. *Rivier, d'Olivart, Stranct, Roparelli* склоняются (как *Heilborn* и *Cavaglieri*) к допустимости в некоторых случаях вмешательства⁷⁷⁷). Испанский ученый *d'Olivart* прав, когда говорит, что не-вмешательство «эгоизм на службе преступления» и права и другие ученые, утверждающие, что, если упразднить вмешательство, тогда останется чистая доктрина индивидуализма с правом сильного по отношению к слабому. И тогда сила будет идти впереди права⁷⁷⁸). *Tobar* ставит вопрос, есть ли что-либо более опасное по своим правовым последствиям, чем международная война и отвечает на это, что есть нечто и более жестокое и роковое и противоправное по своим результатам — война гражданская. И он приходит к тому выводу, что всегда допустимо вмешательство для прекращения войны междуусобной и что необходимо принять предохранительные меры против зарождения новой власти внутри государств насильственным путем.

Эти принципы *Tobar*'а нашли свое частичное выражение в договоре, заключенном пятью центрально-американскими республиками 20 декабря 1907 и в дополнительной декларации, приложенной к этому договору, и особенно в новом замечательном договоре 7 февраля 1923 года.⁷⁷⁹) В этих актах проводится последовательно начало недопустимости поддерживать извне революционное движение

⁷⁷⁶) Послание *Tobar*'а приведено in extenso в R. G. XXI. 1914, 482 и д.

⁷⁷⁷) Ibid., 483.

⁷⁷⁸) Ibid., 484.

⁷⁷⁹) *Martens*. N. R. G. 3 III. 102 и д.

в отношениях друг к другу договаривающихся держав, а в декларации определенно указывается, что центрально-американские республики ни в коем случае не будут признавать «правительство, которое установилось в одной из пяти республик в результате переворота или революции, направленной против признанного правительства, до тех пор, пока свободно избранное народное представительство не реорганизует страну на конституционных основах» (ст. 1 Декларации 1907 г.⁷⁸⁰). Это было своеобразной попыткой

⁷⁸⁰) *Martens*. N. R. G. 3 III, 102—104.

Ср. Вашингтонский договор центрально-американских республик 7 февраля 1923 г. (договор мира и дружбы):

Art. I. The Republics of Central America consider as the first of their duties, in their mutual relations, the maintenance of peace; and they bind themselves always to observe the most complete harmony and to decide any differences or difficulties that may arise amongst them, in conformity with the conventions which they have signed on this date for the establishment of an International Central American Tribunal and for the establishment of international commissions of inquiry.

Art. II. Desiring to make secure in the Republics of Central America the benefits which are derived from the maintenance of free institutions and to contribute at the same time toward strengthening their stability and the prestige with which they should be surrounded, they declare that every act, disposition, or measure which alters the constitutional organization in any of them is to be deemed a menace to the peace of said republics, whether it proceed from any public power or from private citizens.

Consequently, the governments of the contracting parties will not recognize any other government which may come into power in any of the five republics through a coup d'état or a revolution against a recognized government, so long as the freely elected representations of the people thereof have not constitutionally reorganized the country. And even in such a case they obligate themselves not to acknowledge the recognition if any of the persons elected as President, Vice-President or Chief of State designate should fall under any of the following heads:

1) If he should be the leader or one of the leaders of a coup d'état or revolution, or through blood relationship or marriage, be an ascendant or descendant or brother of such leader or leaders.

2) If he should have been a Secretary of State or should have held some high military command during the accomplishment of the coup d'état, the revolution, or while the election was being carried on, or if he should have held this office or command within the six months preceding the coup d'état, revolution, or the election

Furthermore, in no case shall recognition be accorded to a government which arises from election to power of a citizen expressly and unquestionably disqualified by the Constitution of his country as eligible to election as President, Vice-President or Chief of State designate.

Art. IV. In case of civil war no government of Central America shall intervene in favor of or against the government of the country where the conflict takes place.

международным путем ограничить произвол революционной диктатуры и это имеет свой правовой *ratio*. В данном случае не может быть простой отсылки к конституционному праву, потому что, или последнего вовсе нет, или последнее находится в порядке становления. Как нормы над-государственные, международные веления здесь являются первыми и производными, и ими санкционируется вновь нарождающаяся власть как орган международного представительства государств. Если раньше, в двух других случаях, при охране общего мира, или защите национальностей вмешательство встало в новый строй международных отношений, причем делались первые попытки со стороны позитивного права подчинить волю суверенного государства нормам международного правопорядка, то в области признания правительств дело идет о действиях, имеющих целью контролировать формальные и материальные предпосылки для реального существования власти, и эти предпосылки в конечном итоге связываются с другим началом: покоится ли власть на правовых основах, или же нет? Является ли государство правовым, или же наоборот отрицающим примат права и основываю-

Art. V. The contracting parties obligate themselves to maintain in their respective Constitutions the principle of non-reelection to the office of President and Vice President of the Republic; and those of the contracting parties whose Constitutions permit such reelection, obligate themselves to introduce a constitutional reform to this effect in their next legislative session after the ratification of the present treaty.

Art. XIV. Each of the Government of the Republics of Central America, in the desire to maintain a permanent peace, agree not to intervene, under any circumstances, directly or indirectly, in the internal political affairs of any other Central American Republic; furthermore, not to permit any person, whether a national, Central American or foreigner, to organize or foment revolutionary activities within its territory against a recognized government of any other Central American Republic. None of the contracting government will permit the persons under its jurisdiction to organize armed expeditions or to take part in any hostilities which may arise in a neighbouring country, or to furnish money or war supplies to the contending parties; the contracting government bind themselves to adopt and dictate any effective measures, compatible with the political constitution of their countries, that may be necessary to avoid the occurrence of acts of this nature within their territory.

Immediately after this treaty is ratified, the contracting governments obligate themselves to present to their respective congresses such projects of law as may be necessary for the due fulfilment of this article.

A. J. XVII. 1923. Offic. Docum., 118—121.

щимся на идее личного произвола и насилия? В такой формулировке решается вопрос не только формально-юридического характера, но и гораздо более глубокий правно-этической природы, где неразрывно сплетаются проблемы и ценности права с ценностями нравственности. В частности здесь выдвигается вопрос о правах человеческой личности, потому что в известном смысле вся внутренняя конструкция правового государства построена на признании субъективных неотъемлемых прав, не прирожденных человеку, но предоставляемых ему со стороны государственного правопорядка. Как говорил знаменитый русский социолог и историк права *М. М. Ковалевский*, современное правовое государство построено на двух началах между собой связанных: на принципе представительства населения и принципе автономии личности⁷⁸¹). Последняя имеет в наше время не только пассивный статус подчинения власти, но и активный статус участия в осуществлении власти, и только через последнее получают свое реальное правовое значение субъективные права граждан. С гениальным проникновением познал и показал функциональную связь между двумя принципами прав граждан и участием их в осуществлении власти *Руссо*⁷⁸²), и глубокие мысли женеvского мыслителя были тем теоретическим идеалом, к осуществлению которого в большей или меньшей мере приближаются современные демократии. В последнем итоге это даже не новое достижение, но преобразованное возвращение к политическим началам, лежащим в основе древних народовластий. Центр правового и этического значения однако лежит не столько в форме охраны прав личности, сколько в их вечной, непроходящей ценности. Тут возникает последний предел, за который современное международное право не должно и не смеет перешагнуть, если оно примет более отчетливо формы права социально-организованного. Это — граница, правно-политический минимум, ниже которого опуститься невозможно, не создавая опасности новых мировых потрясений и катаклизмов. В такой форме ставится и решается *третья проблема вмешательства*, которая носит название *intervention de l'humanité* и которая, если снять с нее ее естественно-правовой налет, сводится к установлению необходимости признания прав личности в государственной организации. Политический строй, дающий минимальные гарантии свободе личности

⁷⁸¹) *М. М. Ковалевский*. Государство. Новый Энцикл. Словарь. Т. XVI, 567.

⁷⁸²) *Г. Д. Гурвич*. Руссо и декларация прав. Идея неотъемлемых прав в политической доктрине Руссо. 1918.

будет считаться единственно допустимым с точки зрения над-государственного права, и подобное притязание не является иррациональным, — как это может показаться на первый взгляд — потому что существует самая тесная связь между внутренней организацией государства и его внешними действиями по отношению к другим державам⁷⁸³).

Первоначальная американская доктрина в начале XIX века верила в некоторую предустановленную гармонию между революционным переворотом и правовым государством. Последнее было достижимо только через первое. Поэтому надо было приветствовать и поддерживать революцию как чисто-внутреннего характера в виде борьбы против существующего престола и династии, так и в виде национального движения, имевшего целью отпадение от исторически сложившегося государственного образования. Революция, «*governments de facto*», и как венец и завершение, — правовой демократический строй — такова политическая и правно-политическая программа Штатов в их внешних отношениях. Такова идеология президента *Монро*, такова и идеология статс-секретаря *Адамса*, который с правовой точки зрения одинаково оценивает право испанского народа давать себе какую угодно конституцию и право американских колоний провозглашать свою независимость и отпадать от метрополии. Но эта программа в эмпирической реальности принимала совершенно иные оттенки и приводила к другим, диаметрально противоположным результатам. В Южной и Центральной Америке революции очень часто разрушали правовой и демократический строй и приводили к установлению военной диктатуры. Во Франции, после восторженно встреченной американцами Революции 1848 г. и провозглашения Республики, произошел *coup d'Etat* 2 декабря 1851 года. В Мексике через плебисцит уничтожается Республика и создается эфемерная империя. Соединенные Штаты должны отказаться от своего традиционного и классического отношения к революционным переворотам, и ст.-секретарь *Seward*, повидимому впервые, в шестидесятых годах XIX века формулирует новые принципы. В 1868 г. произошел переворот в Коста-Рике. Законный президент *Castro* был свергнут и власть была захвачена *Jimenez*. По этому поводу ст.-секретарь *Seward* писал 1 декабря 1868 г. дипломатическому американскому агенту *Blair*: «It does not belong to the Government or people of the United States to examine the causes

⁷⁸³) Ср. выше § 32.

which have led to this revolution, or to pronounce upon the exigency which they created. Nevertheless, great as that exigency may have been, the subversion of a free republican constitution, only nine years old, by military force, in a sister American Republic, cannot but be an occasion of regret and apprehension to the friends of the system of republican government, not only here, but throughout the world»⁷⁸⁴).

Вместо этой сантиментальной и идеологической стороны, позднее выдвигаются и другие мотивы. Соединенные Штаты постепенно привыкли играть роль морального покровителя южно и особенно центрально-американских республик. Рост экономических и финансовых связей и, наконец, прорыв Панамского канала, заставили Штаты обратить больше внимания на жизнь соседних мелких республик. Такая материальная взаимная зависимость и связь, растущая с течением времени все быстрее, не может быть простым чисто локальным американским явлением. Эта связь в более грандиозном масштабе осуществляется в вселенских отношениях народов друг к другу, и американские отношения можно рассматривать и как микрокосм, и как предвидение будущих судеб всего мира. Новый порядок отношений Штатов к другим американским республикам нашел свое выражение в официальных выступлениях сначала ст. секр. *Кноз* в 1912 г., и затем в известном послании Вильсона в 1913 году. Во время путешествия по Южной и Центральной Америке в 1912 г., ст. секр. *Кноз* в своих речах постоянно останавливался на одном мотиве, что революционные потрясения, уничтожение авторитета власти и экономический развал не могут быть внутренним делом одной, или другой Республики⁷⁸⁵). В этом смысле надо сделать дальнейшие выводы из доктрины Монро, потому что Штаты не могут отрицать, что они морально и материально заинтересованы в том, чтобы в соседних государствах царили начала стабильности и мира⁷⁸⁶). Государство, раздираемое внутренними смутами и не могущее выполнять своих финансовых обязательств, не только создает затруднения для самого себя, но может стать препятствием для общего процветания и для роста международных материальных связей⁷⁸⁷).

⁷⁸⁴) *Moore*. D. I, 144.

⁷⁸⁵) Ср. R. G. XXI. 1914, 453 и д.

⁷⁸⁶) *Ibid.*, 454—455, особ. 456.

⁷⁸⁷) *Ibid.*, 457. Ср. особенно *Thomas*. One Hundred Years of the Monroe Doctrine. 1923, 215 и д. (отношение Соед. Штат к Сан-Доминго), стр. 240 и д. (отношение Соед. Штат к Гаити), и т. д.

Мысли, намеченные ст. секретарем *Кноз* через год были с большою резкостью и отчетливостью формулированы президентом *Вильсоном* в его известном послании 11 марта 1913 года. Из искреннего желания президента поддерживать самые тесные и дружественные сношения с южно и центрально-американскими республиками вытекает для него обязанность обратиться к ним с короткой декларацией: «Сотрудничество между правительствами, как и между индивидами, возможно только при наличии таких средств деятельности, которые вытекают из правового строя, покоящегося на законе, но не на произвольной и неправомерной силе. Мы полагаем — и я уверен, что все главы Американских Республик думают как я — что справедливая власть должна поступать, сообразуясь с волею управляемых, и что свобода не может существовать без духа порядка на основе закона и сознательного признания со стороны общественного мнения. Мы постараемся положить эти принципы в основу наших великих сношений, принципы уважения и обоюдной помощи между нашими сестрами — латинскими Республиками и нами; силою нашего влияния мы будем поддерживать осуществление этих принципов и не только в теории, но и в практике, отдавая себе отчет в том, что развал, интрига и недоверие к конституционным основам ослабляют и дискредитируют правительство и наносят вред тем, которые связаны между собой общими интересами и общим существованием. Мы не испытываем никакого чувства симпатии к тем, кто стремится завладеть властью, чтобы обеспечить свои личные интересы, но прежде всего мы — друзья мира, мы знаем, что при подобных условиях не будет места длительному и прочному миру и мы будем друзьями лишь тех, кто сумеет оставаться в границах конституционных законов».

Если Соединенные Штаты ставят своею целью сближение с другими американскими государствами, то в основе сближения лежат не только материальные интересы, но и необходимость поддерживать «безопасность правительств, поскольку дело идет об охране общего блага, но не интересов отдельных групп или личностей»⁷⁸⁸).

Какая же может быть санкция этой своеобразной теории морального попечения над государствами Нового Света со стороны Штатов? Санкцией может быть только не-признание революционной власти и провозглашение в новой форме принципов «легитимности» и начал устойчивости существующего правопорядка. В известном

⁷⁸⁸) *Foreign Relations. 1913—1914 (1920), 7.*

смысле теория Вильсона в 1913 году подходит чрезвычайно близко к идеологии Священного Союза в 1815 году с тем глубоким различием, что нет открытой внешней связи между принципом единства правового и нравственного порядка.

Эти своеобразные американские учения и прецедент в виде договора центрально-американских республик 20 декабря 1907 г. не могут дать исчерпывающего ответа на все те сомнения и противоречия, которые порождаются современным учением о признании. И международная жизнь европейских государств и американских является неизмеримо более сложной, чем думали аргентинский министр иностранных дел, или американский президент. Охватить революционные потрясения в их разнообразной исключительности и в их разрушительной мощи юридическими рамками невозможно. Конечно, в Гаити, или Сан-Доминго, или Коста-Рике иногда весь революционный переворот определялся личными интересами отдельных диктаторов и узурпаторов власти, но вообще насилие в внутри-государственной жизни может играть роль и выполнять другие иногда социально-необходимые функции, — поэтому производить международную экзекуцию всегда над всякой фактической властью невозможно. Есть границы, перед которыми международное право должно остановиться, чтобы не пойти по стопам Священного Союза, выродившегося в простую охрану данного конкретного распределения благ не столько между государствами, сколько между существовавшими династиями.

Но, кроме условий чрезвычайных, могут быть и спокойные нормальные отношения народов, когда внешнему миру должен соответствовать внутренний мир, потому что отсутствие внутреннего мира может привести и к внешним столкновениям и к нарушению имеющегося налицо состояния относительной устойчивости и безопасности. В этом отношении принципы Вильсона всетаки получили свое воплощение в Соглашении о Лиге Наций, где говорится (в статье 1-ой), что только «свободно управляемые» государства и колонии могут стать членами Лиги. Французское выражение «*Tout Etat, Dominion, ou Colonie qui se gouverne librement...*», или английское «*Any fully self-governing, State, Dominion, or Colony...*»⁷⁸⁹) было прямым результатом воззрений Вильсона на необходимость уничтожения «произвольной власти» и на желательность установления однообразного государственного устройства, где воля монарха

⁷⁸⁹) Комментарии у *Schücking und Wehberg. Die Satzung des Völkerbundes, 108—109.*

перестала бы быть решающим фактором во внутренних, или внешних сношениях. Правительство должно покоиться на воле управляемых, но не на авторитете одной личности. Поэтому Вильсон не допустил на Мирную Конференцию в Париж республику Коста-Рику, где установилась военная диктатура, и поэтому он считал необходимым ввести в текст Соглашения о Лиге Наций упоминание о «свободно-управляемых» государствах.

Эта норма однако имеет значение не только для вновь принимаемых членов; в основе ее лежит идея, что сами учредители Лиги и другие приглашенные нейтральные государства располагают «self-government» и что поэтому для них не надо специального упоминания о подобном условии для вхождения и пребывания в состав Лиги. Однако гипотетически можно допустить переворот и внутри государств членов Лиги и гипотетически можно предположить установление деспотии и в их среде. Каков может быть тогда правовой исход? В этом отношении не может быть сомнений: — по духу Соглашения и согласно тем общим принципам, которые провозглашались главным творцом Соглашения президентом Вильсоном — государство, преобразовавшее свою форму правления так, что эта форма не может быть квалифицирована как «свободное управление», тем самым не может притязать на то, чтобы новая власть получила международное признание. Случай с Костой-Рикой и прием ее в состав Лиги Наций в 1921 году лишь после того, как там были восстановлены конституционные гарантии, может быть прецедентом не только для вновь принимаемых, но *mutatis mutandis* и для старых членов. Как и в ряде других случаев специальный и партикулярный характер нормы должен исчезнуть, уступить место ее более широкому и в конечном итоге более универсальному применению.

Статья 1-ая Соглашения о Лиге Наций представляется первой попыткой новой регулировки взаимоотношения Международного Союза Государств к отдельным державам в смысле оценки их внутреннего строя. После эфемерных попыток Священного Союза, это первый шаг в области позитивного права установить взаимодействие между всееленскими, мировыми началами и принципами суверенной автархии отдельных государств. Более чем где-либо здесь ощущается глубокий и полный разрыв с старой индивидуалистической системой, потому что тут провозглашается новое учение о высшем единстве сверх-государственной системы, растворяющей и вбирающей в себя разрозненные государственные правопорядки.

§ 72. Было бы бесплодной попыткой конструировать полно и

исчерпывающе картину этого единого правопорядка, являющегося в своих эмпирических подробностях еще творимым, но не сотворенным, но при самом процессе нарождения и роста нового социально-организованного строя отношений между народами центр тяжести лежит в них самих, как силах, определяющих реальное значение правовых велений, ими провозглашаемых и ими же применяемых. Государства в своей совокупности и в своем одиночестве остаются той мощью, от которой зависит вся существующая правовая система. Они могут идти на жертвы во имя этических и правовых требований, они могут проявить высшую степень альтруизма и глубокое сознание долга перед человечеством, но они могут стать и врагами рода человеческого, темным началом, сеющим вражду и ненависть в отношениях к другим государствам. Личность и деятельность государств не может быть моментом вне поля зрения международного права в то мгновение, когда вместо анархической системы координации, закладываются первые основания иерархической и социально-служебной организации. *Если раньше в силу индивидуальной интуиции через вмешательство вносились насильственные поправки в порядок, где господствовал личный интерес государства и где через воздействие против личности государства, последнее лишалось возможности быть угрозой общему миру, или вынуждалось признать права национальностей, или, наконец, обязывалось обеспечить права человеческой личности, то в новейшее время личный произвол государства обуздывается правом и это обуздание становится гарантией для тех, кто раньше были пассивными жертвами интервенции.*

В смысле позитивной системы не было и нет права на вмешательство, но исторически и правно-политически вмешательство имело свое оправдание. Но это оправдание постепенно исчезает из международной практики в виду более совершенного устройства порядка отношений целого, как Международного Союза Государств, к его отдельным членам — государствам. Вмешательство бесконечно разнообразно и по формам своего проявления и по своему объекту. Я вполне сознательно ограничился лишь теми случаями, когда вмешательство по своему материальному субстрату могло совпасть с тем, что в позитивной системе носило название признания. Через дальнейшее развитие института признания найдут свое частичное разрешение наиболее типичные случаи вмешательства. Право произвольное и колеблющееся сменяется твердой писаной нормой и эта норма должна получить свое дальнейшее развитие. Вместо зыбкой болотистой почвы право выводит практику народов на тор-

ную дорогу, ведущую к одной высшей цели: единству и первенству международного правопорядка. Этот путь однако не является простым и уже данным в своей эмпирической реальности.

Пока еще лишь сумерки перед приближающимся рассветом, но в этих сумерках уже четко вырисовываются основные линии единого правового миростроительства, зачатого с первых дней существования международного права, получавшего долгие века свой авторитет от религиозных и нравственных начал, но в наше время автономно организующего сферу своего исключительного господства.

Через противоречия позитивной системы, через индивидуальные поиски права просвечивало всегда идеальное единство международных норм. Оно было теоретическим постулатом, но оно было и живым выявлением права в его исторической текучести и в его непрерывном осуществлении в бытии народов прошлого и настоящего. Можно верить, что наступят дни, когда потенциальная правовая мощь, долгие века бывшая неясной и загадочной, найдет свое полное проявление и, если эти дни останутся непонятными в своем исключительном значении для современников, то в последующее время они будут оценены потомством как дни величайшего переворота в истории человечества.

Издательство „ПЛАМЯ“ Книготорговля Praha II, Ječná ul. 32, Tchécoslovaquie

ЮРИДИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

	Кр. чеш.
<i>Алексеев</i> — Основы философии права	30.—
<i>Алексис</i> — Социология	12.—
<i>Абрисимов</i> — Политическая экономия	43.—
<i>Буковский</i> — Устав гражданского судопроизводства с изменениями по 1924 г.	35.—
<i>Барсегянц</i> — Устав о государственном и гербовом сборе	34.—
<i>Боголепов</i> — Учебник истории Римского права	50.—
<i>Белявский</i> — Полицейское право	70.—
<i>Бенешевич</i> — Сборник памятников по истории церковного права	65.—
<i>Вернадский</i> — Очерк истории права русского государства в XVIII и XIX вв.	15.—
<i>Василевский</i> — Детская преступность и детский суд	12.—
<i>Васьковский</i> — Курс гражданского процесса	120.—
<i>Вернадский</i> — Государственная уставная грамота Российской Империи	30.—
<i>Виноградов</i> — Очерк по теории права	20.—
<i>Владимирский-Буданов</i> — Обзор истории Русского права	80.—
<i>Вроблевский</i> — Постатейный комментарий к уголовно-процессуальному кодексу СССР	60.—
<i>Варшавский</i> — Трудовой договор по кодексу законов о труде СССР	22.—
<i>Васильев</i> — Законы о строительстве	67.—
<i>Вегер</i> — Право и государство переходного времени	37.—
<i>Гальперина-Гинзбург</i> — Под знаменем права	29.—
<i>Гачек</i> — Общественное право, I-III	36.—
Государственные преступления в России в XIX в. (ред. В. Ба- зилевского)	40.—
Гербовый сбор. Руководство и разъяснения	17.—
<i>Гессен</i> — Судебная реформа	75.—
<i>Гойсбарг</i> — Основы частного имущественного права	15.—
— Хозяйственное право РСФСР	35.—
— Гражданский кодекс РСФСР. Комментарий, вып. 1—5	70.—
<i>Грибовский</i> — Обзор лекций по государственному праву	25.—
<i>Громов</i> — Законы уголовные	50.—
<i>Гурский</i> — Действующее жилищное законодательство	77.—

<i>Гримм</i> — Лекции по догме Римского права	80.—
<i>Гофман</i> — Судебная медицина	120.—
<i>Гельвег</i> — Современная криминалистика	19.—
<i>Георгиевский</i> — Полный справочник по гербовому обложению	40.—
<i>Дадьянц</i> — Гражданский процессуальный кодекс РСФСР	48.—
<i>Дерюжинский</i> — Полицейское право	60.—
<i>Дриль</i> — Преступность и преступники	40.—
<i>Елистратов</i> — Очерки административного права	22.—
<i>Ереминов</i> — История телесных наказаний в России	105.—
<i>Есинов</i> — Уголовное право. Часть особенная	40.—
<i>Жизиленко</i> — Очерки по общему учению о наказаниях	19.—
<i>Жеребцов</i> — Предварительное следствие	38.—
<i>Жилин</i> — Ответственность министров	70.—
<i>Зак</i> — Разверстка государственных долгов	25.—
Законодательные акты переходного времени (1904—1906)	90.—
Земельный кодекс РСФСР	9.—
<i>Зигель</i> — История славянских законодательств	55.—
<i>Зом</i> — Институты Римского права	55.—
<i>Ищенко</i> — Практическое руководство для народных следователей	11.—
<i>Краснокутский и др.</i> — Практика договоров	23.—
<i>Кабалевский и др.</i> — Жилищное законодательство Украины	30.—
<i>Карнер</i> — Социальные функции права	22.—
<i>Каррас</i> — Советское промышленное право	38.—
<i>Каминенко и Попов</i> — Сборник распоряжений по административной деятельности	42.—
<i>Кобленц</i> — Жилищное право	26.—
<i>Кони</i> — Самоубийство в законе и жизни	4.—
<i>Котляревский</i> — Финансовое право СССР	23.—
<i>Коркунов</i> — Русское государственное право, т. I	80.—
<i>Косвен</i> — Преступление и наказание в догосударственном обществе	22.—
<i>Краснушкин</i> — Судебно-психиатрические очерки	24.—
<i>Качаровский</i> — Народное право	25.—
<i>Лист</i> — Международное право	70.—
<i>Лодыженский</i> — Деньги и право владения	16.—
<i>Лазаревский</i> — Лекции по русскому государственному праву, т.т. I-II	150.—
<i>Левентим</i> — Суеверие и уголовное право	37.—
<i>Лист</i> — Учебник уголовного права, ч. особенная	67.—
<i>Латкин</i> — Лекции по внешней истории Русского права	76.—

<i>Луцанинов</i> — Исполнение судебных решений	29.—
<i>Люблинский</i> — Законодательная охрана детей и подростков	18.—
Лесное законодательство СССР	44.—
<i>Ландау</i> — Концессионное право СССР	14.—
<i>Мартынов</i> — Положение о нотариальной части	210.—
<i>Макаров</i> — Основные начала международного частного права	32.—
Правовое положение иностранцев в РСФСР	14.—
<i>Мыш</i> — Городовое положение	75.—
<i>Нюринберг</i> — Устав по гербовому сбору	70.—
Налоги Советской России	72.—
<i>Неклюдов</i> — Руководство к особенной части Русского Уголовного права	70.—
<i>Нехорошев</i> — Действующие распоряжения по лесному управлению	55.—
<i>Озеров</i> — Основы финансовой науки	105.—
Общее положение о крестьянах (Изд. Минист. Внутр. Дел)	90.—
Опыт теории косвенных улик, объясненных примерами В. Уильза	60.—
<i>Покровский</i> — История Римского права	70.—
Право Советской России (сборник), I-II	145.—
<i>Пост</i> — Зачатки государственных и правовых отношений	28.—
<i>Позднышев</i> — Основы пенитенциарной науки	48.—
Протоколы съезда русских юристов за границей	84.—
<i>Рисс</i> — Основы муниципального хозяйства	12.—
<i>Рязановский</i> — Лекции по гражданскому праву (вып. I-V)	160.—
— Обычное право монгольских племен	42.—
— Единство процесса	11.—
<i>Синайский</i> — Основы гражданского права	38.—
<i>Сорокин</i> — Система социологии, I	15.—
Сборник статей памяти проф. Шершеневича	90.—
Собрание кодексов и уставов РСФСР (Изд. официальное)	42.—
Сводный указатель действующих декретов СССР и РСФСР	42.—
<i>Сергеевский</i> — Русское уголовное право. Часть общая	60.—
<i>Спекторский</i> — Энциклопедия права	30.—
<i>Тариновский</i> — Энциклопедия права	52.—
<i>Тузан-Барановский</i> — Основы политической экономии	87.—
<i>Тютрюмов</i> — Устав гражданского судопроизводства, I-II	245.—
— Законы гражданские, т. I-II	245.—
— Гражданское право	105.—
<i>Терехов</i> — Сборник декретов и распоряжений УССР	42.—
<i>Таганцев</i> — Уложение о наказаниях уголовных и исправительных	90.—
<i>Тарасов</i> — Учебник науки полицейского права	60.—

Томашевич — Учебник законоведения	30.—
Теттенборн — Советское законодательство о труде	12.—
Трунев — Нотариат. Сборник распоряжений, узаконений и т. д.	44.—
Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями	0.6.—
Устав гражданского судопроизводства и положения о нотариальной части	52.—
Устав уголовного судопроизводства	35.—
Ферри — Уголовная социология, чч. I-II	160.—
Хвостов — История Римского права	75.—
— Общая теория права	35.—
Циммерман — Очерки нового международного права	50.—
Чубинский — Закон и действительность в Советской России	20.—
Чупров — Курс политической экономии	35.—
— История политической экономии	35.—
Чичерин — О народном представительстве	105.—
Шершеневич — Общая теория права	75.—
— Торговое право т. I-III	175.—
Шрамченко и Ширков — Устав уголовного судопроизводства	210.—
Эльзенганс — Психология и логика	12.—
Энгельфельд — Очерки государственного права Китая	35.—
Энгельман — Учебник русского гражданского судопроизводства	60.—
Эстрин — Уголовное право РСФСР	12.—
Якоби — Латвийское уголовное положение	20.—

ПОВРЕМЕННЫЕ ИЗДАНИЯ.

— Еженедельник советской юстиции	(Москва)
— Известия юридического факультета в Харбине	(Харбин)
— Местное самоуправление	(Прага)
— Право и Жизнь	(Москва)
— Право и хозяйство	(Париж)
— Пролетарский суд	(Москва)
— Собрание узаконений и распоряжений РСФСР	(Москва)
— Советское право	(Москва)

На складах — постоянный большой выбор книг из России. Выполнение заказов на книги довоенных изданий.

Библиографические издания (Книжная Летопись Государственной Центральной Книжной Палаты, Книгоноша, Красная Печать, Книжный Указатель, Печать и Революция, Славянская Книга).

Цены издательские.

На российские издания — по московскому номиналу.

Требуйте подробные каталоги и проспекты.

„ПЛАМЯ“

ПРАГА II, Ječná ulice, čis. 32. Тел. 421-07. Почт. чек. счет 205.307

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ

Центральные собственные склады:

„РОДИНА“ BERLIN - W 50 Regensburgerstrasse 13. „ПЛАМЯ“ WARSZAWA, Nicsala 4.

ОТДЕЛЕНИЯ И КОНТРАГЕНТСТВА:

„РУССКИЙ ТЕРЕМ“, Братислава — „Rusky Terem“, Bratislava, Na Priboji.	„КНИГА“, Ковно — „Kniga“, Kaunas, Laisvės aleja. 52 Lithuania.
РОДНАЯ РЕЧЬ“, Мукачево — „Rodnaja Rječ“, knihkupectví, Mukačevo, Podkarpatská Rus.	Н. П. ЕПИФАНОВ, Ревель — N. P. Epifanoff, Tallin, Veeue Bolti, teh. 118 u 8, Esthonie.
„LA SOURCE“, Париж 9 bis, Rue Vineuse, Paris (16).	М. И. СТЕФАНОВИЧ, и Ко., Белград — M. I. Stefanowitsch et Co., Beograd, ul. Poenkarceova, 36. S. H. S.
„НАША РЕЧЬ“, Ужгород — „Naša Rječ“ knihkupectví, Užhorod Podkarpatská Rus.	„РОДНОЕ СЛОВО“ Лондон — „Rodnoje Slovo“ London W. C. 2, 222 Shaftesbury Avenue, England.
Д. И. ПОЗДНЯКОВ, Харбин — D. I. Pozdnjakoff, Charbin - Pristan Post office box 263.	ВАЛЬТЕРС И РАПА, Рига — „Walters u. Rapa“, Riga, Teatra laukuma, II. Lettonie.
„АКАДЕМИЧЕСКАЯ КНИГОТОРГОВЛЯ“, Гельсингфорс — „Akademiska Bokhandeln“, Helsingfors, Aleksandergatan 7, Finlande.	М. М. ДИДКОВИЧИ, Рига — M. M. Didkowsky, Riga, Centrala Gramata Noliktava, Audeju iela, 9. Lettonie.
	„НАША РЕЧЬ“, Пряшев—Prešov. Slovensko.

На складе большой ассортимент книг *зарубежных и советских изданий и антиквариата.*

Громадный выбор учебников для средней и высшей школы на русском и чешском языках.

Нотный отдел: вокальная и инструментальная музыка (романы, оперные арии, русские народные песни, фортепианная литература), — *ноты из России.* Чешский отдел: все новинки чешской литературы. Большой выбор антиквариата.

Склад принимает заказы на все, существующие в продаже, *русские и чешские книги.*

В Чехословакии, Австрию, Венгрию, Германию, Голландию, Латвию, Норвегию, Францию, Швейцарию, Швецию и Эстонию книги, по желанию заказчика, высылаются наложенным платежом почтовыми посылками от 2-х кило весом.

При заказах из остальных иностранных государств деньги надлежит пересылать по адресу склада, одновременно с заказом, в любой валюте по курсу дня.

К стоимости книг причисляются действительные расходы на пересылку и упаковку (10 проц. стоимости книг).

При заказе на сумму более 500 чешск. крон — пересылка за счет склада. „Зарубежная русская книга“, вып. I. — Цена — 0,45 долл., содержит полный перечень изданных до 1926 года книг.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО И СКЛАД:

Изд-ва: „Вальтерс и Рапа“, „Ватага“, „Русское Кооперативное Изд-во в Праге“, „Северные Огни“, „Сотрудник“, „Чешско-Русское Изд-во А. Несси“ и др.

Журналы и сборники: Бюлетень «Педагогического Бюро», «Вестник Крестьянской России», «Военный Сборник», Воля России, «Годы», «Голос минувшего», «Казачий Путь», «Казачья Лавка», «Кооперация и Сельское хозяйство», «Крестьянская Россия», «Местное Самоуправление», «На чужой Стране», «Перевозы», «Революционная Россия», «Русская Школа за рубежом», «Славянская Книга», «Современные Записки», «Свободная Россия», «Своими Путиями», «Социалистический Вестник», «Записки Института изучения России», «Заря», «Зарница», «Экономический Сборник», «Юный читатель», «Искусство Славян» и др.

Изд. „ПЛАМЯ“

I. ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

	§		§
Алексеев Н. Н. Основы философии права	0.90	„Логос“. Международный ежегодник по философии культуры. Кн. первая	2.40
Булгаков Вал. Толстой — моралист	0.17	Допатин П. М.: Лекции по истории философии	0.80
Введенский А., проф. Философские очерки	0.90	Лосский Н. О., проф. Сборник задач по логике	0.60
Данишин И. И., проф. Философия изобретения и изобретение в философии: вып. I	0.75	Спекторский Е. В. Христианство и Культура	1.80
вып. II	1.50	Ученые записки. Т. I, вып. I. Философские знания	0.75

II. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вланк Р.: Пуда Искарлот в свете истории	0.18	Мельгунов С. П. Дела и люди Александровского времени	1.50
Вицилли П. М. Очерки теории исторической науки	1.80	Мельгунов С. П. Первые уроки истории. — Древний Восток	0.90
Вернадский Г. В., проф. Очерк истории права Русского Государства	0.45	Нидерле Любор, проф. Быт и культура древних славян	1.50
Головин Н., ген. Из истории кампании 1914 г. (прилож. 14 карт)	3.60	Нольде В. Э. Петербургская миссия Висмарка 1859—1862 гг.	1.65
Дени Э., проф. Возрождение Чехии	0.75	Платонов С. Ф., акад. Борис Годунов	0.60
Латто И. И., проф. Западная Россия и ее соединение с Польшей	0.60	Платонов С. Ф., акад. Смутное время	0.60
Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины 17—18 вв., т. I, вып. I	1.50	Платонов С. Ф., акад. Учебник Русской истории, ч. I	0.90
т. I, вып. II	1.65	ч. II	0.75
т. I, вып. III	1.35	Ученые записки. Т. I, вып. II Исторические и филологические знания	1.05
		Шмурло Е. Ф., проф. Введение в русскую историю	0.90

III. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И БЕЛЛЕТРИСТИКА

Аверченко А., Шутка Медепата. Юмористический роман	0.75	Гиппиус Зинаида. Живые лица. Вып. II	0.60
Аверченко А. Рассказы цыгана	0.93	Гончаров И. А. Обрыв, тт. I и II	1.68
Е. Анничков проф.: Западная литература и славянство ч. I, ч. II	0.45 0.75	Дюгамель: Цивилизация и др. рассказы	0.80
Бальмонт К. Д. Где мой дом? Очерки	0.36	Зайцев Б. Золотой узор. Роман „Ковчег“, Сборник Союза Русских Писателей и Журналистов в Чехословакии. Книга первая	0.75
Бальмонт К. Д. Мое — ЕЯ. (Стихи)	0.40	„Нисоидим Павлович Кондаков“: Сборник статей	0.25
П. Вицилли проф.: Этюды о русской поэзии	0.7	Ляцкий Е. А., проф.: Роман и жизнь. (Биография И. А. Гончарова по нов. дап.)	2.55
Гиппиус Зинаида. Живые лица. Вып. I	0.60	Ляцкий Евг.: Тундра, ром. часть I, часть II.	0.60

	§		§
Мережковский Д. С. Тайна трех	1.20	Достоевский Ф. Нечотка Неванова. (Распродано)	0.30
Мережковский Д. С. Рождение богов. Тутанкамон на Крите. Роман	0.75	Каррик В. Сказки-картинки — шесть книжек по	0.08
Мякотин В. А.: А. О. Пушкин и декабристы	0.18	Каррик В. Сказки-картинки — в одном томике	0.24
Ремизов А. М.: Эга. Рассказы	0.93	Короленко В.: Письма к Луначарскому	0.06
Розенберг В. А.: Из истории русской печати	0.75	Мельникова-Папоушкова Н. Ф.: Антология русской поэзии XX в., ч. I	0.27
Русская зарубежная книга. Вып. I-й, Ч. I и II	0.90	То же, ч. II. Новая поэзия	0.36
Степун Ф. Из писем прапорщика-артиллериста.	0.90	Пушкин А. Капитанская дочка	0.30
Толстой Л. Л., гр.: В Ясной Поляне	0.17	Пушкин А. Дубровский	0.24
Тэффи Н.: Вечерний день. Рассказы	0.45	Пушкин А. Борис Годунов	0.17
Францев В. А.: Державин у славян	0.90	Пушкин А. Пиковая дама	0.09
Форслунд К. Э.: Зунаунг и Зинггилла. Романы из жизни животных	0.86	„Русские народные сказки“: Том I, с многочисленн. рисунками	0.17
Цаликхаты А.: Брат на брата, роман Цветаева Марина. Молодец (Сказка)	0.90 0.54	„Русские народные сказки“: Том II, с многочисленн. рисунками	0.18
Чапек К.: R. U. R.	0.60	Салтыков-Щедрин М. Сказки I	0.09
Шмелев И. С.: Неупиваемая чаша и др. рассказы	0.60	Салтыков-Щедрин М. Сказки II	0.09
Вестфаль Лариса: В чуждой стороне... (стихи)	0.30	Сказка о Жар-Птице (Издание с ударениями)	0.05
Гаршин В.: Надежда Николаевна	0.24	Соколов В. Мятаж или искание	0.54
Гоголь Н. В.: Странная месть	0.12	Тургенев И. Рудни	0.19
		Тургенев И. Вирюк. Пожар на море	0.07
		Чехов А. Вишневы сад	0.18

IV. СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И ПОЛИТИКА

Водозовов В. В. Новая Европа	3.30	Мельгунов С. П. Красный террор в России, изд. 2-ое	0.90
Гертиер Ф. О. О деньгах и обездолении денег	0.55	Право Советской России. Сборник статей. Вып. I	2.25
Головин Н. Н., ген. Тихоокеанская проблема в XX столетии	1.05	Вып. II	2.10
Дионео: Англия после войны	0.75	Радль Э., проф. Т. Масарик, его жизнь, общественная и научная деятельность	0.27
Косинский В. А. Основные тенденции в мобилизации земельной собственности	3.30	Тотомлянц В., проф. Кооперация в России	0.55
Масарик Т. Г. О большевизме	0.18	Ученые записки. Т. I, вып. III. Общественные знания	1.35
Масарик Т. Г.: Мировая революция (Воспоминания) т. I	1.00	Циммерман М. А. Очерки нового международного права	1.50

V. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ, ТЕХНИКА И ПРИКЛАДНЫЕ НАУКИ

	§		§
Вальден П. И., О хим. элементах	0.90	Одинцов В. Н., профес. Орг. вещ.	
Головин Н., ген. Танки в ми-		почвы и их влияние на плодородие	
нущую войну и будущую	0.60	почвы. № 3—4	0.60
Классен Ф. Г. Технологии рыб-		Стратонов В. В., проф. По	
ных продуктов	2.40	небесному океану	0.30
Лепешкин В. В., проф.: Орга-		Стратонов В. В., проф. Днев-	
низмам о точки зрения физики		ное светило	0.36
и химии, № 1	0.30	Стратонов В. В., проф. Зем-	
Маракчев С. В. Нач. основани-		ной шар	0.36
математ. анализа	1.05	Стратонов В. В., проф. Дви-	
Новиков М. М., проф. и Шкаф		жения земли	0.45
Б. А., прив.-доц. Невиди-		Ученые записки. Том II,	
мые друзья и враги живот-		вып. I. Математические зна-	
ного организма, № 2	0.30	ния	3.30
		Эрисман, проф. Мыслят ли	
		животные?	0.15

VI. СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ, УЧЕБНИКИ

О. Білусенко: Вінок, читанка друга	0.50	Морковин В. В. Первая книга	
Буттер О. и Доразил В. Чешско-		для чтения „Наша Речь“	
хозяйственная Геспублика	1.65	(изд. с ударениями)	0.18
(распродано)		Русский бунварь по Вахтерову:	
Весславянский календарь „Пламя“	0.50	Изд. 2-ое, с ударениями	0.18
на 1926 г. III издание		Фан-дер-Флит А. П., проф.	
Карцевский С. И. Русский язык.	0.42	Арифметика приближенных	
Грамматика. Ч. I		чисел	0.20
Морковина В. В. Чешско-русо-	1.35		
ский словарь			

VII. ИСКУССТВО

„Артисты Московского Худо-		„Народное искусство Подкар-	
жественного Театра за ру-		патской Руси“. Тетот О. К.	
бежом“	1.20	Маковского. Художествен-	
Зноско-Боровский Е. В. Рус-		ное издание со множеством	
ский театр начала XX в.	1.95	многоцветных и автотип.	
Кизеветтер А. А. М. О. Щеп-		иллюстр. на бумаге „Ша-	
кин	0.60	моа“. Русское издание	17.40
Кундера. Чешская музыка	0.03	Чешское издание	17.40
Маковский С. К. „Силуэты рус-		Английское издание	17.40
ских художников“	1.20	Французское издание	17.40

VIII. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

„Вестник Крест. России“	0.24	„Местное Самоуправление“	1.05
„Военный Сборник“	1.20	„На Чужой Стороне“	1.20
„Воля России“	0.50	„Революционная Россия“	0.18
„Записки Наблюдателя“	1.—	„Русская Зарубежная Книга“.	
„Записки Института Изучения		В. I ч. I и II по	0.45
России	1.20	„Русская Школа за рубежом“.	0.45
„Записки Института с.-х. коопе-		„Русский Экономический Сбор-	
рации в Праге“	1.—	ник“	1.00
„Искусство Славян“	0.45	„Своими Путиами“	0.25
„Кавказский Горец“	0.60	„Славянская Книга“	0.15
„Кавачья Лава“	0.10	„Современные Записки“	1.—
„Казачий Сполах“	0.15	„Студенческие Годы“ . „Годы“	0.15
„Книжный указатель“	0.06	„Черные пелеринки“	0.20
„Кооперация и Сельское Хо-			
зяйство“	0.75		